БРЮС
СТЕРЛИНГ
ЗЕНИТНЫЙ УГОЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Информационная война, электронная безопасность и технотеррор – вот линия фронта грядущих мировых битв. Дерек Вандевеер, компьютерный гений, чья карьера в качество кибервоина началась в роковой для США день 11 сентября 2001 года, привлекается на руководящую роль в сверхсекретную правительственную группу, занимающуюся информационной безопасностью. С этого момента кончается его спокойная жизнь…

Брюс Стерлинг, отец-основатель киберпанка, философ Мировой Паутины, социолог, провозвестник будущего современной науки, писатель, каждая книга которого своеобразная веха в литературной жизни Америки, в очередной раз открывает перед читателями яркую, неожиданную грань своего таланта.

- Брюс Стерлинг
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55

- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

Брюс Стерлинг
Зенитный угол

ЗЕНИТНЫЙ УГОЛ – угловое расстояние между указанной точкой небесной сферы и зенитом.

ПРОЛОГ

Колорадо, сентябрь 1999 года

Самый главный человек на Земле продел ноги в штанины по одной. Потом обулся и нахлобучил на голову «стетсон».

Он глянул в облупленное зеркало на стене хибары. Ковбойская шляпа была Самому главному человеку на Земле очень к лицу. Запавшие красные глаза, седую щетину, впалые морщинистые щеки она преображала до неузнаваемости. В «стетсоне» Том Дефанти выглядел мужественным. Суровым. Надежным. Приземлённым.

Дом был старинный, пустой, маленький и убогий. Здесь не было ни водопровода, ни электричества, ни канализации. Только в этой хибаре посреди 16812 акров ранчо «Пайнкрест» мог Том Дефанти выбраться из-под гнёта своих нерукотворных памятников. Своих кабельных франшиз. Своих газет. Своих веб-сайтов. Своего журнала. Своего оптоволоконного интернет-кабеля. Своего международного благотворительного фонда. Памятники давили на него… как надгробия.

И ещё были другие памятники – те, о которых не стоило упоминать всуе. Те, что кружили над головой двадцать четыре часа в сутки, окидывая шар земной бдительным взглядом.

Дефанти старательно застегнул теплую фланелевую рубашку. За крошечными оконными стёклами угасал осенний закат.

Томас Дефанти хотя и вырос наподобие гадкого утенка в семье рабочего-итальянца, всю жизнь мечтал и собирался стать очень важной персоной. Но он никогда не ожидал, что станет настолько богатым, как осенью 1999 года. Владения его благодаря интернет-буму разрастались точно снежный ком. А это привлекало к Дефанти внимание, которое ему было не по душе. Порождало новые требования, которые тот не знал, как выполнить. Жизнь богачей всегда необыкновенна – и часто опасна.

Парень, что построил в горах Колорадо этот домишко, тоже был очень богат. Дефанти тщательно изучил его прошлое и был благодарен покойнику за полезные уроки выживания.

Покойник был в свое время влиятельным чикагским банкиром. Хибару в Колорадо он построил в 1911 году под частную обсерваторию. Место было тихое и нелюдное. Призрак банкира до сих пор витал под низкими закопчёнными балками запахом конского пота, бренди и хороших сигар. Как и Том Дефанти, покойник спал на узкой железной койке, прочной,

словно дыба. Для его супруги, взбалмошной светской дамы, в этой постели не было места. До испорченных богатством детей – три дня поездом. Что же до адвокатов покойного, его счетоводов, вице-президентов и акционеров – с тем же успехом они могли оказаться на Луне.

Здесь, в горах Пайнкрест, человек существовал попущением природы. Чистый воздух, леса, олени, красный гранит, славная рыбалка и превосходная охота. И телескоп, конечно. Для Тома Дефанти и для его дражайшего друга и учителя, покойного банкира, телескоп был всем в жизни. Телескоп дарил им утешение, и ясность мысли, и счастье: телескоп – и долгие одинокие ночи, и прекрасные тёмные бескрайние небеса.

Над каменным очагом висел терпкий запах сосновой золы. В старинном кедровом сундуке покойный банкир бережно прятал священное писание своего детства – книги для мальчиков с рубежа столетий, рассказы о приключениях, изобретениях и великих стройках, купленные по пять центов на газетных лотках растущего Чикаго. «Паровой человек Великих равнин» А. Нонима и ещё три дюжины ему подобных. Мглистыми ночами, когда тучи затягивали небо, Дефанти перелистывал ломкие страницы при свете фонаря. Простые славные байки. Для настоящих парней.

Сияв ковбойку, Том Дефанти сполоснул лицо из эмалированного кувшина над луженым тазиком. Потом открыл древний скрипучий шкафчик и замер, завороженный созвездием таблеток в своей аптечке. Что на сегодня? Прозак – да, аспирин – да, виагра – спасибо, не надо. Гинкго – да. Валиум… да, половинку, только чтобы унять нервы. Плюс йохимбе и витамин А: улучшает ночное зрение.

Таблетки он запил горячим кофе из термоса и закусил ломтиком вяленой бизонины, чтобы те поуютнее устроились в желудке. Бизонину Дефанти открыл для себя в поисках здоровой диеты. Лучшее мясо во всей Америке. Сейчас в стадах Тома Дефанти насчитывалось более четырёх тысяч бизонов.

Дефанти отворил дверь хибары, набросил на плечи кожаную куртку с бахромой и вышел. Ни следа цивилизации не было видно с его порога: ни отблеска света, ни телефонного столба. За одним исключением. Далеко внизу, в каменной чаше холмов, мерцали слабые янтарные огоньки фонарей в штабе «Пайнкрест». Там, в растянувшейся по склонам усадьбе, четвертая жена и прислуга на ранчо развлекали сейчас толпу счастливых немецких туристов. Немцы заплатили пятнадцать сотен долларов с носа, чтобы застрелить по взрослому бизону из шестизарядного кольта или антикварного ружья для охоты на буйвола – на выбор.

Четвёртая жена Тома Дефанти была энергичной молодой

особой родом из Тайбэя, из хорошей китайской семьи, говорила на шести языках и привыкла работать без отдыха. На железной койке в обсерваторской хибаре супруга номер четыре не спала ни разу. Дефанти делал всё, чтобы ей не пришлось скучать и без этого.

Холодный разреженный воздух ночи быстро заставил Тома Дефанти пожалеть об оставшейся внизу шляпе, но чтобы карабкаться за ней обратно, он был слишком упрям. Кроме того, сухой студёный ветер относил в сторону дым лесных пожаров в необъятном федеральном заказнике к востоку от ранчо. Лучших условий для наблюдений ему не выпадало уже неделю.

Пики континентального водораздела царапали гаснущее оранжевое небо. Один вид небесного пожара способен был возродить из пепла душу любого, в ком осталась ещё душа. Из тени планеты деловито выкатывались толпою искусственные спутники. Если зенитный угол окажется подходящим, солнечные батареи на спутнике отбросят на пару драгоценных мгновений слепящий блик: в небе вспыхнет, впятеро ярче Венеры, звезда.

К спутникам Том Дефанти испытывал смешанные, глубоко личные чувства. Особенно к сателлитам сети «Иридиум», хотя сам он больше занимался спутниками-шпионами. В свое время он всеми силами пытался пробиться в число участников проекта. Он смертной ненавистью ненавидел инженеров и финансистов, исхитрившихся каким-то образом запустить глобальную сеть спутниковой связи без его участия. А потом с изумлением увидел, как их предприятие рухнуло на глазах.

Изумительные спутники «Иридиума» – десятки высокотехнологичных стальных птиц, каждая размером с автобус, восхитительно сложные, идеально отлаженные – стоили дороже золота, если пересчитать их цену на вес. Но эти чудеса техники не были поддержаны бизнесом. Их создали инженеры… а клиентов не было. Сотовые телефоны оказались быстрее, дешевле, проще. Сателлиты разорившегося консорциума обречены были сойти с орбиты и рухнуть один за другим в ледяные черные глубины Атлантики.

Вот эта страшная судьба и делала спутники «Иридиума» столь ценными в глазах Дефанти. Самый главный человек на Земле знавал неудачи – душераздирающие катастрофы. И он никогда не глумился над крушением чужих великих надежд. Жизнь научила его внимательно приглядываться к развалинам подобных крушений и находить в руинах тех, кому хватило стойкости пережить полночь души. Такие люди всегда полезны.

Неумолимо темнеющее небо на западе прочертила блеклой акварелью широкая кисть. Дефанти нахмурился. То был

оставленный реактивным самолётом инверсионный след, и по направлению его Дефанти тотчас понял, что самолёт заходит на посадку на частное взлётное поле при ранчо «Пайнкрест».

Дефанти повернул на черненом штативе мощный бинокль. В гаснущем свете заката в небо над Скалистыми горами ворвался стройный белый «боинг» – «бизнес-джет», «деловой реактивный», – что способен с двумя посадками по дороге одолеть Тихий океан.

Дот-комик вернулся.

Миг спустя самолёт с ревом промчался над головой, нарушив всякое спокойствие. Дефанти вспомнилось, что Дот-комик предупреждал его электронным письмом, но мальчишка и очередной кризис с его участием как-то вылетели у миллиардера из головы. Дот-комик вечно пытался жонглировать дюжиной сковородок. Никакая мода в *e*-бизнесе не проходила мимо него незамеченной.

Том Дефанти вырастил пятерых детей. Поколение девяностых он понимал, насколько это вообще в человеческих силах. Но Дот-комик даже по нынешним нелепым меркам был чем-то особенным, кем-то… Дефанти потер щетинистый подбородок. Йохимбе начинало действовать, оставляя весёлый зуд в мыслях.

Дефанти знал, что Дот-комик оставался, к добру или к худу, его духовным наследником. Двое сыновей Дефанти не желали иметь ничего общего с отцовской деловой империей. И правильно: как их матерям, сыновьям не хватало твердости. А вот Дот-комик пошел в старика. Ему всегда всё удавалось.

Дот-комик уверенно орудовал в любом бизнесе, где имел свои интересы Дефанти. Кабельное телевидение, мобильная связь, тайваньские фабрики микросхем, хьюстонская аэрокосмическая промышленность, оптоволоконные кабели для суперсерверов Интернета под федеральные субсидии… Вся эта технологическая мишура не только не смущала Дот-комика – похоже было, что она у него вызывала скорее ностальгию.

Самолёт вырвался из-за темной кромки бора, промахнулся мимо короткой посадочной полосы, плюнул дымом из двигателей, потом попытался зайти на посадку снова. Вот вам и чистое небо. Что это с мальчишкой – новую подружку за штурвал усадить вздумал? Зачем вообще было соглашаться на обустройство аэродрома под боком?

По крайней мере, у Дот-комика уйдёт немало времени, чтобы разыскать хозяина обсерватории. Быть может, четвёртая жена вежливо заставит мальчишку помыться, побриться, перекусить, а если повезет – то и отоспаться. А может, немецкие туристы силой вольют ему в глотку пару кружек пива.

Дефанти открыл свой лэптоп, проверил заряд в мощных аккумуляторах, потом загрузил свежие параметры спутниковых орбит. Том Дефанти всегда высоко оценивал роль компьютеров в космических программах. Этот профессиональный интерес делили с ним центр космической обороны НОРАД, Агентство национальной безопасности и Национальное разведывательное управление. А также Бюро анализа изображений ЦРУ. Объединенный центр космических операций в Колорадо-Спрингс. ВВС, ВКС, ФлотСатКом ВМФ и Национальный центр обработки аэрофотосъёмок. Аэрокосмические лаборатории в Хьюстоне. Научно-исследовательские центры в Северной Виргинии. Фототехнические лаборатории в Рочестере. Антенный полигон в Боулдере, штат Колорадо. И коммунисты, конечно.

В один прекрасный день посреди перестройки – в 1988 году – Том Дефанти обнаружил, что помогает американским и советским орбитальным шпионам сверять разведданные. Задолго до того, как космический телескоп «Хаббл» хотя бы в проекте начал разглядывать далёкие галактики, спутники-шпионы «холодной войны» вывели на орбиту гигантские подзорные трубы. Только глядели они всегда вниз.

Упорством и мастерством Том Дефанти добился репутации первого парня на планете по «национальным средствам технической верификации». Не потому, что сам Дефанти был разведчиком… хотя технически можно было считать шпионажем то, что он передавал информацию со спутников на конференции по разоружению. Нет. Дело было в том, что Том Дефанти сам занимался производством спутников-шпионов. Более того, он нёс эстафетную палочку для самой тайной промышленности на свете. Очень-очень тайной, не то что обычная астрономия или компьютерная индустрия, – хотя и сочетающей в себе их обе. Очень массивной, продвинутой, высокотехнологич-ной промышленности. Огромной, мрачной и могущественной. И Том Дефанти из всех частных предпринимателей сделал для её развития больше всего. Он производил детали для гигантских орбитальных камер. Он платил за разработку программ для анализа огромных объёмов фотоизображений.

Это делало его весьма важной персоной. Его, Тома Дефанти, того лихого разводчика, что сколотил аэрокосмический концерн у себя на коленке из пары молитв и нескольких парусных яхт, груженных слитками золота из Акапулько. От отчаяния ему приходилось в свое время творить совершеннейшие безумства. Но всегда и всюду он держал в уме единственную цель: заполучить собственный список заказов от «Чёрной глубины»[1]. Потому что расходы «Чёрной глубины» только на спутники-шпионы вдвое

превосходили бюджет всего ЦРУ. И парламентского аудита тут опасаться не приходилось.

Создатели спутников-шпионов не рекламировали себя в журнале «Авиэйшн уик». Но если уже ты стал проверенным поставщиком «Чёрной глубины» – твое благосостояние обеспечено. Если ты способен поставить заказанное вовремя, тайно и в пределах спецификаций, – ты дар божий. Ты лучший друг спецслужб – и пошли вы к чёрту со своим бюджетом! Молотки по шесть тысяч долларов? Чего и следовало ожидать. Унитазы по десять «кусков»? Да пожалуйста.

Чтобы отмыть полученные от «Чёрной глубины» деньги и хоть как-то разобраться с налоговой службой, Дефанти организовал студию кабельного телевидения и сеть беспроводных телефонов. Ему в голову не приходило, что вскоре кабельщики заплетут землю своими проводами, а белые башенки сотовых антенн прорастут вдоль дорог, будто лебеда.

Шло время. Том Дефанти старел понемногу в залах заседаний. Жёны неспешной чередой проходили через его спальню. Росли и разбегались дети. Космическая эра потихоньку блекла на желтеющих страницах журнала «Лайф». К девяностым рабочие места в аэрокосмическом комплексе исчезали десятками процентов в год, в то время как эпоха киберпространства взрывалась индексом NASDAQ и миллионами веб-сайтов. Бизнес и жажда прибылей правили землёю и небом.

Нарушая плавный ход мыслей, до наблюдательной площадки долетел мерзкий рёв горного мотоцикла. Это был, конечно, Дот-комик – он мчался прямо к тайному убежищу Дефанти. Должно быть, съехал на мотоцикле прямо с трапа самолёта.

Мальчишка жизнерадостно взмахнул рукой, петляя на мотоцикле по каменистому мрачному склону. Костюм его – рубашка в клетку, джинсы, башмаки и австралийская широкополая шляпа – выглядел одновременно мужественно и аккуратненько. Нарушения суточного ритма при дальних перелетах Дот-комика никогда не тревожили. Он ел как хорёк и спал точно кот – в любое время.

Дот-комик подкатил к наблюдательной площадке под скрежет новеньких тормозов и зашарил в поисках выключателя своей чистенькой японской игрушки. Невзирая на склонность к мощным машинам, бледный и пухлый Дот-комик не был похож на крутого парня. При виде лошади его бы передернуло.

Мальчишка прислонил свой чистенький мотоцикл к посеревшей дощатой стене заброшенной обсерватории. Старый телескоп покойного банкира давно ослеп, зенитный люк проржавел, железные цепи и блоки ослабли. Десятки лет

обсерваторию использовали вместо амбара для сена. Дефанти ничего не стал менять здесь – наследство покойника осталось в неприкосновенности.

Только теперь, увидав опершийся о терпеливые стены алый «кавасаки», он понял, как любит старую обсерваторию. Какое оскорбление она стерпела.

– *Комбан-ва,* председатель-сан! – воскликнул мальчишка.

На физиономии его выделялись подбородок с милой ямочкой и высокий гладкий лоб гения: помесь донжуана со школьным зубрилой. Дефанти рассеянно похлопал по трубе свой верный старый «Квестар», решив во что бы то ни стало избежать рукопожатия. Гинкго теплой тихой волной омыло стареющий мозг. Дот-комик затеял что-то масштабное – и очень сложное. Слишком сложное. Все его затеи непременно включали в себя массу излишних наворотов и загогулин – только ради того, чтобы выглядело круче.

– Ну, малыш, как дела за большой водой?

– Ох, Том! Они там, в Токио, такие левые… совершенно не въезжают.

Дот-комик снял шляпу – шевелюра его напоминала дорогой парик на мраморной болванке, – подкинул разок и швырнул Дефанти в руки. Тот машинально поймал снаряд.

– Это тебе, Том.

– Не стоит, – соврал Дефанти.

– В Сиднее купил. Новёхонькая. На все размеры – видишь? – только потяни за ленточку на затылке.

Дефанти недоверчиво хмыкнул и пристроил ещё нагретую чужим теплом шляпную ленту на собственном замерзшем скальпе. Шляпа и впрямь сидела как влитая. Отлично сидела. Дефанти никогда не садился за телескоп без шляпы – ночи в горах были зверски холодные.

– Мобильники – это японцы умеют, заметил Дот-комик. Он открыл черную сумку с лэптопом. – Камеры, факсы, фоники – это японцы умеют. *Е*-бизнес? Не, этого не умеют.

Из внутреннего отделения сумки он вытащил пластиковую одноразовую ветровку и развернул аккуратно, будто складывал бумажного журавлика.

– Видел «Супер-Камиоканде», – объявил он. – Это был супермомент всей поездки. Нейтринная обсерватория. Том, всё как ты рассказывал, и ещё круче. Зверски классно.

– И что, тебе устроили экскурсию? Шляпу забери.

– Имя Дефанти открывает двери в любую обсерваторию! В «Камиоканде» с меня пылинки сдували. Оставь шляпу себе, Том. Когда учитель обходится без шляпы, ученик ходит с непокрытой

головой.

Дот-комик зарылся в свою ветровку – оказалось, что у нее есть капюшон на затяжке. Мальчишка напялил капюшон на круглое темя и торжествующе ухмыльнулся, похожий в этот момент на пластмассового гномика.

– В «Камиоканде» галактику обозревают из-под земли! – промурлыкал Дот-комик, пританцовывая, чтобы согреться. – Миллиард фотодетекторов. Ловят нейтрино в гигантских бассейнах. Японцы из-под земли, под водой наблюдают за звёздами – за всеми разом!

– И как, получается?

– Результаты есть! – Дот-комик вновь нырнул в волшебную черную сумку и вытащил оттуда лэптоп в блестящем серебряном корпусе. – Так что больше, Дефанти-сэнсэй? Вселенная или экран, на котором мы видим вселенную?

– Сейчас всё перешло на экраны, малыш.

– А как же, о просветлённый учитель! Ты превзошел дзен!

Дефанти печально пожевал серые губы.

– Хорош хвастать. Всё одно и то же. Вся эта нелепица – проект LINEAR, и NEAT, и LONEOS, и SPACE-WATCH[2]. Астрономия по Интернету. Какого чёрта я вообще взялся за них платить?

– Они в силах разглядеть каждый пиксель в небесах, Том!

Дефанти не расслышал.

– В наши дни любитель не может отыскать новую комету, хоть лопни! Непременно его обгонят дурацкие сканеры. Чёрт побери, я всегда мечтал открыть свою комету. Всю жизнь. Комета Дефанти!

Старик припал подёргивающимся веком к холодному резиновому окуляру своего «Квестара». Он прекрасно понимал, что звёздное небо сейчас принято картировать с безжалостной цифровой точностью, и пугало его не это. Куда страшнее было то, что творили орбитальные телескопы с Землей. Ранчо «Пайнкрест» прекрасно просматривалось с высоты. Любой космонавт, пролетающий мимо, способен был разглядеть гряду невооруженным глазом. Национальное разведывательное управление прислало своему поставщику Дефанти – в качестве подарка с подтекстом – оцифрованную карту всех его земель в Колорадо.

К ранчо «Пайнкрест» НРУ отнеслось с тем же любовным вниманием, что и к роскошным дворцам Саддама Хусейна. Теперь вся полученная НРУ информация оказалась забита в лэптоп Дефанти. Не просто старинная плоская карта, о нет. То была интерактивная, трехмерная, топографически точная модель военного образца, вроде тех, что изучают спецназовцы, прежде

чем выброситься с парашютом над какой-нибудь отсталой дырой на дальнем краю света. Том Дефанти мог бы проскакать по своему ранчо не на коне, а на компьютерной мышке – и всерьёз опасался, что наступит день, когда последняя идея ему покажется более привлекательной.

Дот-комик с приличествующим интересом обернулся ко второму телескопу.

– Том, а почему такой крутой новый гаджет пылится под брезентом?

Старик подавил приступ усиленной таблетками тоски и почесал затылок под шляпой.

– Не нравится он мне, малыш.

– Почему?

– Потому что он самонаводится на зенитный угол. У него встроенная база астрономических данных на сорок тысяч объектов. Это не телескоп. Это, прах его побери, игровая приставка, «Нинтендо» какое-то!

– Во! Вот «Нинтендо» японцы делать умеют! Не против, если я заведу машинку? Сегодня звезды должны быть видны отлично. А небо какое ясное!

Дефанти стиснул замерзшие морщинистые кулаки.

– Да, если не замечать твоего инверсионного следа! Облака горящего керосина! Мало мне пыли после засухи и лесных пожаров в заказнике, так ещё за тобой грязь… Что же дальше будет?

Дот-комик нажал на массивный чёрный переключатель в основании телескопа – и цифровой инструмент со щелчком ожил, покорно зажужжав сервомоторчиками.

– Вау, круто! Том, а что у нас сегодня по графику? Дефанти глянул на экран лэптопа.

– В двадцать один семнадцать блеснёт «Иридиум». Потом я пригляжу за одной ступенью советской ракеты на неустойчивой траектории – очень скоро она сгорит. А после полуночи пойдет на кладбищенскую орбиту «Магнум-Вортекс». Если повезет, заметим и это. – Он поднял глаза. – У тебя вообще есть допуск к этой программе? «Магнум-Вортекс».

– Само собой, у меня есть допуск. Я сам мистер Допуск! Так что у нас есть немного времени. Могу я тебе кое-что показать, Том? Это важно.

Дот-комик ловко повернул свой лэптоп, подставляя взгляду Дефанти сияющий экран.

На огромной сложной диаграмме сплетались разноцветные чёрточки и шарики. Похоже было на растерзанную в клочья галактику. Или шаровое скопление.

– Ну, показал ты мне – и что?

– Том, это трейсерная карта твоего интранета.

– И?

Дот-комик вздохнул и переключил скорости.

– Ладно. Совет директоров. Наше последнее пополнение. Парень но имени Дерек Вандевеер.

Дефанти промолчал. В последнее время ему всё труднее было запоминать фамилии. Даже гинкго перестало помогать.

– Рослый блондин. Борода. Очки. Застенчивый, обаятельный. Постоянно пребывает в нирване. Когда с ним заговаривают – мямлит. Все зовут его Ван.

– Ван? А! Помню Вана. Здоровенный зубрила.

– Он самый. Доктор Дерек Вандевеер, звезда программирования, прославленный эксперт по информационной безопасности. Профессор Стэнфордского университета. Вице-президент «Мондиаля» по исследованиям и разработкам. Премия Тюринга за девяносто четвертый год. Алгоритм Вандевеера назван его именем. Ничего не забыл? Мы заарканили Вана и усадили в совет директоров, потому что он наш фирменный суперботан. Так вот, Дерек Вандевеер только что составил карту, которую я тебе показываю.

– Я знал, что от этого ненормального будут одни проблемы. В этом дело, да? Ты из-за этого прилетел ко мне?

– Том… мне нравится здесь, в Колорадо. Я люблю спутники. Люблю блики от «Иридиума». Но… да, Том. У нас кризис.

Дефанти отодвинул телескоп.

– Ладно, выкладывай.

– Корпоративные сети – штука сложная и очень изменчивая. Договоры с поставщиками, слияния и поглощения, постоянная текучка кадров: люди приходят и уходят, контракты приходят и уходят. А серверы остаются. С течением времени система прогрессивно усложняется. Эта сеть со всеми ее сплетениями – нервная система предприятия, и она живая, Том, она растет, словно у нее есть собственная цель.

– Ага. Это я заметил. Цель нас разорить.

– Так вот, мы выпустили ее из-под контроля. Мы позволили собственной корпоративной сети разрастаться, как растет Интернет, – словно сорняк. Посмотри, сколько в нашей корпоративной сети посторонних подключений. Глянь на битые ссылки: там всё красным выделено. По большей части это бесплатные подключения, которые наши ребята раздавали за «спасибо» и «пожалуйста» в те времена, когда Сеть только зарождалась. Ван открыл для нас весьма интересную бизнес-структуру, Том. Не думаю, чтобы кто-то ещё когда-либо

отслеживал твою деловую активность настолько подробно.

Дефанти поглубже натянул новую шляпу.

– Мне это должно понравиться? Мне уже не нравится.

– Мне тоже. Том, ты избавился от «Пасифик дата» добрых шесть лет назад. А в нашей сети ещё с девяносто третьего года болтаются их IP-хостинги. Они до сих пор подключены к серверам, которые поддерживают сайт твоего еженедельника и твой благотворительный фонд… Том, твои бесприбыльщики – это что-то с чем-то! Эти клоуны раздают доступ к Интернету всем и каждому.

По всему миру. Они связаны с русскими, чехами и немцами, с ООН, Фондом Горбачёва, благотворяшками Джимми Картера… с «Гринписом», Том! У нас «Экзорбитал» и проекты «Чёрной глубины» завязаны на серверы, открытые для гринписовцев. Если об этом прознает АНБ, у них крышу снесет.

Дефанти вгляделся в путаницу символов на экране.

– Вот этот моток желтой бечевки – это что?

– Желтой? Это «Исследовательские лаборатории видео». Бывший филиал. Сейчас там хозяйничают французы. Но трейсер-картограф Вана вскрыл для нас сеть ИЛВ, как банку с тунцом. Мы и сейчас можем получить доступ к каждому их серверу – потому что штаб-квартира ИЛВ сейчас располагается в Париже, а графику они до сих пор обрабатывают на наших рабочих станциях «Сан» в Сан-Диего! И не платят нам за это, между прочим, ни цента, халявщики!

Дефанти промолчал. Разработчиков виртуальной реальности он ненавидел. Маньяки-очковтиратели с вечными нелепыми причёсками и невозможными туфлями. Французские разработчики виртуальной реальности были, разумеется, ещё хуже.

– Мы даже не знали, что французы до сих пор с нами связаны, покуда Вандевеер не начал разбираться. Никто даже не спрашивал нашего разрешения. Старая школа: они просто подключились к нам, а когда переехали, никому в голову не пришло выдернуть их из розетки.

– Так кто в результате выигрывает: они или мы?

– Это серьёзный вопрос. Пока что – к счастью – мы. На хакерском жаргоне мы их «имеем». Я, конечно, не Дерек Вандевеер – я не хакер, я аналитик. Но теперь, когда в моих руках эта карта, фактически я и есть их доступ к Интернету. Приложив немного усилий, я могу притвориться их системным администратором и выкачать все их секретные файлы до последнего байта. А если они пронюхают о дырках в нашей системе безопасности, будет намного хуже. Тогда они нас

поимеют.

– Теперь понял. Переходи к делу. Кто об этом бардаке знает?

– Я. И Дерек Вандевеер. А теперь и вы, господин председатель.

– Дай порулить. – Дефанти отобрал у Дот-комика лэптоп.

Перед его глазами разматывалась неразборчивая путаница сети Интернет. Карта Вандевеера получилась размером с хороший палас: десятки тысяч серверов, чьи связи расползались от активных серверов и сплетались извилистой паутиной. Каждый узел был помечен всплывающим ярлычком с названием фирмы и цифирьками IP-адреса. И сквозь комья паутины, словно мутная полоса Млечного Пути, проходил насквозь магистральный кабель группы компаний Дефанти.

Затею с магистральным интернет-кабелем Дефанти никогда всерьёз не воспринимал. Интернет был дорогостоящим хобби маньяков-программистов. Кабель был заложен, чтобы умаслить Национальный фонд науки. На текущий – 1999-й – год это была важнейшая часть империи Дефанти по рыночной капитализации. Ни цента прибыли от магистрали не видели со дня закладки, но дэйтрейдеры полагали, что она превратится в новый «Форд» или «Дженерал моторе». Сумасшедшие. Весь мир из ума выжил.

Дефанти владел кабельным телеканалом, который подмял под себя несколько киностудий. Он владел серьёзным толстым журналом из тех, что возносят и свергают президентов. Но в киберпространстве, если доверять NASDAQ, дороже Годзиллы стоил моток широкополосного оптоволоконного кабеля. И если в это верил рынок – что же, значит, так оно и есть.

На магистральном кабеле Дефанти висело всё, что отражала схема Вандевеера. Даже давно позабытые предприятия – как магазинчик товаров из кожи, который старик купил своей третьей жене, чтобы отвлечь ее от безделья. А вот нелепая туристическая контора старшего сына, который сшибает бабки с ушибленных экологией яппи, что обожают сплавляться на байдарках через малярийные джунгли Борнео. Всё было на схеме.

– Да этот сукин сын знает о нас больше, чем мы сами! Чёрт, когда он столько времени нашел эту штуку рисовать?

– Он ее не рисовал. Карта отслеживает все соединения в реальном времени.

– Не может быть.

– У Вандевеера – может. Ван лично писал этот графический интерфейс.

– Да кто он такой, этот парень?! Он же ходячая катастрофа! Где ты его откопал?

– Мы же поколение вундеркиндов, – обиженно заметил Дот-

комик. – Мы с Ваном в одной комнате жили. – Он демонстративно покрутил «медную крысу» выпускника МТИ[3]. – Я познакомил Вана с его подружкой – теперь уже женой, миссис Вандевеер. То есть доктором Вандевеер, потому что у Дотти степень доктора философии. – – В синеватом свете монитора заметно было, что Дот-комик улыбается. – Очень славные люди.

– Ну а что-нибудь полезное у нас на него есть? Намордник хотя бы.

– Том, я тебя умоляю! Ван сидит в нашем совете директоров. Ван получает большой компьютер и пакет привилегированных акций. Это чертовски сладкий кусок для такого простого парня, как он. Ни с кем другим он не согласен был заниматься административной работой. Он и к нам-то нанялся по знакомству.

– Хорошо-хорошо, ты расцеловал его в обе щеки… и за это он нам подсунул этакий подарочек?!

– Это сокровище. Это его работа! Ван не конкурент нам. Он простой, как апельсин, разработчик-исследователь. Типичный хакер на белом коне.

Дефанти мрачно проматывал запутанную схему на экране. Карта была чудом. Но не сама по себе. Чудом для федеральных следователей, соперников но бизнесу или адвокатов по бракоразводным делам. На экране старик видел себя самого с призывно спущенными штанами. И не одного себя. «Beelzebub.darpa. mil»[4]. Какой идиот там раздает доменные имена второго уровня?

Кругленькая физиономия Дот-комика помрачнела по-взрослому серьёзно.

– Ван оказал нам большую услугу, Том. С этой картой мы сможем обеспечить безопасность инфраструктуры компании, пресечь утечки, а заодно избавиться от массы лишних расходов.

– И что он пытается нам втюхать?

– Ван продажами не занимается. У его исследовательской лаборатории в «Мондиалс» бюджет – двадцать миллионов долларов, и его не ограничивают в направлениях разработок. Он изобрел эту штуку! Том, для нашей компании это уникальное конкурентное преимущество.

Дефанти отставил лэптоп.

– Ладно, тогда перейдем к выполнимому. Что конкретно ты предлагаешь делать?

– Ладно так ладно. – Дот-комик бодро расправил плечи. – Первым делом – навести порядок у себя дома. Признаю, это капитальные издержки. Но сделать это нам придется, потому что так рисковать – опасно, да и для бизнеса скверно. Как только мы

прочистим систему и установим вменяемую политику информационной безопасности, все эти разгильдяи хакеры старой школы окажутся у нас в ежовых рукавицах. На этом можно делать настоящие деньги. Делать деньги, продавая скверные новости всем, кто был когда-либо с нами связан. Все их сети открыты для атаки. Мы это знаем, а они – ещё нет. Сколько стоят такие сведения, Том? Скажи мне!

Дефанти хмыкнул.

– Популярности нам это не прибавит.

– Я прикинул, что это может превратиться в славненький побочный бизнес по всей нашей цепи поставок. Все фирмы, которые ты поглощал или продавал со дня зарождения Интернета. Каждый доменный сквоттер, каждый интернет-халявщик… Все они будут платить нам. Это будет только справедливо. И, Том, поверить невозможно, сколько барахла до сих пор висит на нашей системе. Мы тратим электричество на компьютеры, на которые никто даже не смотрит. Мы их включили когда-то в розетку – и забыли. Следовало бы давно вытащить их с полок и отправить на свалку. Программы на них устарели на годы и не патчились с тех времен. Это попросту опасно.

– Без этого Вандевеера никакой опасности не было бы.

– Быть незаметным небезопасно, Том.

– Пока никто не ищет – ещё как безопасно.

– Но машины будут искать. Киберпространство – это постоянный поиск. Кто-нибудь запрограммирует на поиск сетевых ботов. Только вопрос времени. Мы застряли между Интернетом старой, паршивой анархической модели и серьёзной, масштабной коммерческой индустрией. Единственный ответственный вариант действий – предпринять все необходимые шаги. Пока всё не развалится по швам у нас на глазах. Старик вздохнул.

– В бюджет это уже вошло?

– Нет. Пока нет. Хотя я и старался. Я послал мыло нашему завинбезу. С набатом, мигалкой и большой сиреной. Завинбез отправил меня подрасти и вернуться лет через десять. Так не пойдет, Том. Ему пора на пенсию. Прямо сейчас, а не через десять лет.

Дефанти попытался вспомнить, как же зовут начальника отдела информационной безопасности. Лицо вспомнилось сразу: густая русая борода и дрянные жилетки, которые ему подшивала жена. Дефанти вытащил его из финансовых руин умирающей компании по производству мейнфреймов, и парень был ему верен. А ещё – опытен, надежен и лишён карьерных планов. То есть являлся полной противоположностью Дот-комику. Не диво, что мальчишка мечтает снять с него скальп.

– И где я найду нового завинбеза? Или ты сам метишь на эту должность?

– Нет, конечно! Но я тебе скажу ещё одну вещь, Том. Эта карта связей – она уже устарела. Потому что мои сетевые админы уже провели генеральную уборку в моей холдинговой компании, у моих поставщиков из Бангалора, у этих китайских ракетчиков и у всех моих партнеров по *е*-торговле. Это всё молодые фирмы, конечно. Начали с чистого листа, и проблем с твоим наследством у них нет. Но я не хочу, чтобы они заросли таким же бурьяном с распахнутыми отладочными доступами и недоконфигурированными маршрутизаторами. Это попросту неприемлемо!

– Чего ты от меня на самом деле хочешь, малыш? Хочешь, чтобы я уволил своего завинбеза? И ты будешь счастлив?

– Нет, Том. Этого мало. Уволить надо завинбеза, и системных администраторов, и всю банду добрых старых ребят, которые привыкли плевать на информационную безопасность. Мы должны организовать внутреннюю сеть лучше, компактней. Вандевеер не догадывается об этом, но он подарил мне новый инструмент менеджмента. Мы можем заменить всех этих маньяков на королевском жалованье молоденькими инженерами из Индии, которые будут следовать протоколам безопасности и работать по визе B-1HB за четверть той суммы, что мы платим своим. Вот о чём говорит мне эта карта, Том. В этом будущее электронного бизнеса.

Молчание нарушил звонком лэптоп Дефанти.

– Ну, время подошло, – заметил старик.

– Блик «Иридиума»? Уже? Здорово.

Глянув на экран, Дефанти отбарабанил координаты.

– Как их вводить? – полюбопытствовал Дот-комик со своего места.

– Вручную.

– Я похож на человека, который что-то делает вручную?

Старик подошел к нему и направил большой телескоп в нужную точку неба. Оба наблюдателя прильнули к холодным резиновым окулярам.

– Бывал в последнее время на Шри-Ланке? – поинтересовался Дефанти.

– Нет. Стоит побывать? Турбины ещё не остыли.

– Я списался по электронной почте с доктором Кларком. Знаешь – «отец спутников связи».

Дот-комик вскинулся, ошеломленный.

– Артур Кларк? Тот самый Артур Ч. Кларк?!

– Да, и доктор Кларк мне ответил. Он был очень вежлив.

– Том, это фантастика. Это же такая честь! Я впервые посмотрел «Одиссею две тысячи первого», когда мне три года было.

Оба захлопнули крышки лэптопов, чтобы глаза успели привыкнуть к темноте.

– Видишь в небе дымку? – спросил Дефанти.

– Сегодня довольно ясно, Том. Вид просто изумительный. Потрясающе.

– Дым от лесных пожаров. В Колорадо второй год засуха. Всюду пожары и пожарные команды. Сукины дети устроили в заповеднике иллюминацию не хуже, чем на Кони-Айленде. Есть ведь законы штата и округа о затемнении, но они же федералы, плевать они на нас хотели. «В суд подавайте» – и все дела. Банда заносчивых, напыщенных, самодовольных мудаков…

– Есть блик! – взвизгнул Дот-комик. Дефанти припал к окуляру другим глазом. Без толку. Момент был упущен.

– Как отблеск от зеркала заднего вида, – отчитался Дот-комик. – Металлом сверкнуло. Коротко, но ярко.

– В добрые старые деньки на Диком Западе кавалерия пользовалась гелиографами, – промолвил Том Дефанти, бесплодно вглядываясь в ночное небо. Если на спутнике действовала аппаратура ориентации, вспышек могло быть три, а то и четыре. Но ничего, кроме звезд, не было видно. – Один кавалерист как-то послал зеркалом солнечный блик на девяносто миль. А британская армия пользовалась сигнальными зеркалами в Афганистане. Представляешь? Армия воюет в Афганистане зеркальцами.

– Афганистан – это не потребительский рынок, – объявил Дот-комик. – Ещё вспышки будут?

– Может быть, – ответил Дефанти. Они подождали. – Нет, – признал он в конце концов и выпрямился, потирая поясницу.

Дот-комик вновь открыл свой лэптоп, включил монитор и пробежался пальцами по клавиатуре.

– Ну и что ты решишь, Том? Понимаю, денег уйдет много. Но мы выдержим. У нас сейчас куча свободных денег. Горы.

– Ладно, малыш. Вот что мне советует инстинкт. Послушай. Нельзя ставить компанию с ног на голову по одному слову какого-то парня из лаборатории. Даже если он гений. И даже если он технически прав. Для менеджеров среднего звена такое решение не годится политически.

– Правда и наука восторжествуют над глупостью и бюрократией, Том. Такова история новой экономики.

– Нет, малыш. Правда никогда не торжествует. Правдой можно добиться чего-нибудь – на пару кварталов, если публику

разогреть как следует. Но в конце концов – ничего. – Дефанти пожал плечами. – Торжествует всегда здравый смысл. Всеобщее согласие, управление восприятием[5] и народное мнение. Рынок, малыш, – это машина. Рынок сойдет с катушек, если мы встанем на уши из-за каких-то непоняток с информационной безопасностью и примемся увольнять старых работников. Это признак паники. Непрофессионально.

– Том, ты не въезжаешь.

– Малыш, я знал, что ты мне это скажешь. Я стар, но ещё не слеп и не глух. Я понимаю, что это опасно. Всё равно что смешивать разведданные с «Чёрной глубины» и газетные статейки. Но я всё равно пойду на этот риск, потому что риск приносит прибыль. Если это опасно, значит, это выгодно. Роберт Максвелл путал шпионаж и журналистику, как и я. Потом спрыгнул с борта собственной яхты и утоп. Я его знал, Максвелла. Лично знал. Даже был на той яхте.

– Значит, твое решение – просто утопить проблему? А как насчет Вандевеера? Он член совета директоров.

– Против Вандевеера я ничего не имею. И слава богу, что парень в нашей команде. Держи его в темноте и корми капустой. Я хочу, чтобы он пищал от радости. И он, и жена его… как ее – Дитси?

– Дотти.

– Точно. Милые, славные техноманьяки. Каждому по золотой звезде на грудь. И похвала большого брата. Высокая оценка. Всё по правилам. Оплаченная поездка в Финляндию – для него, и бабы, и детей заодно. Такие парни нам очень нужны, чтобы вышвырнуть с рынка этих финских сукиных детей с их крошечными мобильничками… как бишь их там?

– «Нокия».

– Они самые, «Нокия». Господи, как я их ненавижу! Полный отчет для совета директоров о перспективах этих… приложений мгновенного обмена сообщениями. Шесть месяцев, восемь – сколько потребуется. Займи его чем-нибудь.

Дот-комик зашуршал в темноте ветровкой у своего телескопа.

– Ван и так занят по уши. Он же вице-президент «Мондиаля». Он ненавидит безделки – ему по душе большие игрушки. Новый маршрутизатор помощнее для его лаборатории – вот всё, что Вану нужно от жизни. Вандевееру я могу заткнуть рот и связать руки, если хочешь, – нет проблем. Но я вот что хочу тебе сказать, Том: ты делаешь большую ошибку. Мы сейчас переживаем технологическую революцию – самое важное событие с тех времен, как открыли огонь. Если что-то хотя бы наполовину возможно – оно непременно случится.

– Я знаю, что ты в это веришь. Но ты ошибаешься.

– Ладно, – проговорил Дот-комик. – Если это твое окончательное, обдуманное решение, тогда, наверное, так тому и быть.

– Так и будет, малыш. Так что давай отходи на запасную позицию.

Дот-комик стянул с головы тонкий пластиковый капюшон. Ночной ветерок принес запах пота и геля для волос.

– Ладно. Вандевеер хочет установить несколько сайтов-приманок для нарушителей. Тогда если кто-то и вломится в нашу сеть, мы сможем поймать хакера.

– Приятно слышать, что у него есть капля здравого смысла. Во сколько это нам обойдётся?

– Гроши. Мелочь. Для нас он это сделает в качестве мелкой любезности. Для ФБР он такие сайты постоянно клепает.

Дефанти потер небритый подбородок.

– Он ещё и бюро консультирует?

– Ван живет в Интернете. Ему тридцать лет, и у него *ученики* на ФБР работают. – Дот-комик отцепился от телескопа и обернул к зениту бледную физиономию. – Ну что ж, хорошо, что мы хотя бы с этим вопросом разобрались. Груз с плеч упал. Господи, Том, ты только глянь на эти звёзды. Они *разноцветные.* И сколько же их! В городе такого теперь не увидишь. На всём свете такого нет.

– Последнее место в материковой части США, откуда ещё можно видеть тёмные небеса.

– А северных сияний тут не бывает? Я их видел на трансполярных перелётах. Фантастические вещи попадаются, невероятные…

– Нет. Не бывает. – Дефанти примолк. – Что за чертовщина?

– Где? Покажи.

Старик поднял руку.

– Я бы подумал – Кассиопея, да?

– Нет, я имел в виду – мерцание. Неровный свет, как северное сияние.

Голос Дот-комика враз опустился на октаву.

– Ты сказал «мерцание», Том?

– Вращается. Красноватое…

Дефанти начало трясти. Какой-то предмет… круглый… он имел толщину и объем, кружился и блистал… Возлюбленные его небеса переживали катаклизм. В поднебесье плыл неопознанный летающий объект, невозможное создание алого танцующего света.

– Ты посмотри только на эту хреновину, – просипел он.

– Не понимаю, Том. Скажи, что ты там увидел?

– Оно летает и светится… и оно огромное!

– Ты это серьёзно?

– Оно приближается! Смотри! – Дефанти невольно пригнулся. – Берегись!

– Я хотел бы на это посмотреть. Том, о чём ты?

– Оно нападает! – заорал старик. – Вот теперь оно зашевелилось! Господи ты боже мой, какая скорость!

В душе Тома Дефанти боролись ужас, восторг, потрясение. Господи всевышний, увидеть НЛО, знать, что в реальном мире существуют подобные вещи – не в шутку, не во сне, межзвездные путешественники, – что инопланетные корабли на самом деле бывают, точно так же, как существуют молотки и гамбургеры…

Но это значило бы, что мир расползается по швам. Что штурвал вырвался из рук.

Дот-комик вежливо прокашлялся.

– Том, ты говоришь, эта штука «светится»? Я почему спрашиваю… ну, обычно странным небесным явлениям находятся простые объяснения.

– Ты её вовсе не видишь? Смотри, она разворачивается! Летит прямо на нас!

– Пет, Том, не нижу. Вижу только, что звезды затянула легкая дымка, как ты и говорил. Так что, может, это просто фары. Отражения в облаках.

– Малыш, эта штука летает. Я вижу летающий объект.

– Огни от фар тоже могут летать их отсвет пляшет вверх и вниз по склонам холмов. Том, обожди! Я понял! Это гигантские ветряки.

– Что?

Свет мерцает, да? Сейчас внизу, в долине, устанавливают мегаваттные ветряки. Огромные. Свет может отражаться от их лопастей.

– Ты с ума сошел? Это летающая тарелка! Я её вижу…

– Ладно, – спокойно отозвался Дот-комик. – Ладно, ты, пожалуй, прав. Значит, это артефакт.

– Артефакт пришельцев?

– Нет, артефакт твоего восприятия.

– Хочешь сказать, у меня бред?

– Нет, Том. Я хочу сказать, что ты дрожишь точно лист и бормочешь вещи, которые мне кажутся бессмысленными, и я не понимаю, почему так происходит. И я очень, очень за тебя боюсь. Этот НЛО, который ты видишь, – он всё ещё здесь?

Конечно, «летающая тарелка» была здесь. Не куском металла, точно самолёт, – а ужасающим кровавым туманом, призрачная, сверхъестественная.

– Да. Ещё здесь. Парит над нами. Наблюдает, должно быть.

– Том, я никогда не думал, что мне придется советовать такое тебе. Но меня этому научили в расслабонской палатке на «Горящем человеке»[6]. Прикажи этой штуке сдвинуться, Том. Командуй ей, вслух. Говори с ней. Если это всё в твоей голове – она послушается.

– И докажет, что я тронулся умом.

– Ты начальник, Том. Скажи этой штуке, куда ей отправляться.

Старик запрокинул голову и уставился в небо. Перед ним парил НЛО. Выбора у него не оставалось.

– Налево!

Пришелец исполнил приказ со зловещей величавостью, медузой переползая через зенит.

– На север! – заорал Дефанти.

Светящийся диск метнулся прочь через звёздное поле.

Старик разразился рыданиями. Дот-комик обнял его обеими руками за дрожащие под ковбойской курткой плечи.

– Том, пойдем лучше под крышу, ладно? Здесь ловить нечего.

Зубы старика стучали. По щекам катились холодные слёзы.

– П-помоги…

– Насчёт лекарств… надо будет поговорить, Том.

– Надо принять что-нибудь… надо… сигарету бы…

– Возвращаемся в усадьбу, хорошо? На заднем сиденье удержишься? Тебя трясет всего! Эй, оп-па! Я помогу подняться!…

ГЛАВА 1

Штат Нью-Джерси, 11сентября 2001 года

Поутру Тед Вандевеер поднял родителей с постели жадным голодным писком.

Дотти просунула резиновую ложечку в полураскрытый рот малыша. Пухлые щёчки надулись, и овсянка тут же оказалась на воле.

Дотти окинула взглядом заляпанный стол и многозначительно взмахнула ресницами.

– Где няня? – попытался отвертеться Ван.

– Дома не ночевала.

Поднявшись с белого пластмассового стула, Ван передал ей белое бумажное полотенце. И – наученный горьким опытом – ещё одно, на всякий случай.

В новехонькой кухне рядом с глубокой стальной раковиной, столешницей красного гранита и хромированным холодильником размером с банковский сейф у Дерека Вандевеера до сих пор немного кружилась голова. Когда он подписывался на капитальный ремонт, ему в голову не пришло, что нью-джерсийские строители так серьёзно относятся к работе.

По крайней мере, мелькнуло в голове у Вана, Дотти нравилось. Оставшуюся от прежних владельцев кухню мог бы описать только Лавкрафт. А новая покуда оставалась единственным местом в особняке Вандевееров, где канализация работала нормально.

Примостившийся на углу новой печи маленький телик показывал нью-йоркские новости WNBC – Ван приспособил к нему комнатную антенну. Кабельного телевидения в городке Мервинстер (штат Нью-Джерси) не было, что стало тяжёлым ударом для Вандевееров, преданных поклонников «Вавилона-5», «Красного карлика» и «Секретных материалов». Но главным работодателем горожан была компания «Мондиаль». А «Мондиаль» занималась широкополосным радиолинком и ненавидела кабельщиков лютой ненавистью.

Ван подтер капли жидкой каши. Отцовская забота малышу понравилась – Тед заболтал толстыми ножками и радостно защебетал.

– Он сказал «тата», – заметил Ван.

Дотти зевнула, опершись подбородком на тонкие пальцы, и помешала овсянку в чашке.

– Дерек, он просто гулит.

Ее муж промолчал. Эксперт в области связи, каким был Ван, с определенностью мог заявить, что вокализации его сына содержали сочетание фонем «та-та». Технически Ван был совершенно прав. Но он научился никогда не спорить с Дотти по мелочам.

Ван швырнул грязное полотенце в блестящий мусорник и вновь опустился в пластмассовое дачное кресло, заскрипевшее под его весом. Ему было стыдно, потому что виноват в получившейся нелепице был не кто иной, как он сам – доктор Дерек Вандевеер, известный программист, владелец полуразвалившегося особняка викторианской эпохи, где даже мебели приличной нет.

Старинный городок Мервинстер больше походил на деревню: дома в колониальном стиле с двускатными крышами, вокруг леса и конный завод неподалеку. А ещё он мог похвастаться третьим по мощности узлом оптоволоконной связи на Восточном побережье. То было идеальное место для исследований в области высоких технологий. Рабочая неделя Вана в лабораториях «Мондиаля» составляла шестьдесят с хвостиком часов. Приходилось жить неподалеку.

А вот доктор Дотти Вандевеер работала в Бостоне, в астрофизической лаборатории Смитсонианского института. Ван купил для своей семьи особняк в Мервинстере, потому что как-то неправильно было, чтобы их ребенок – новоявленная третья сторона – оставался бездомным. Кроме того, деньги надо было куда-то девать. На посту вице-президента компании «Мондиаль» по исследованиям и внедрению Ван их зарабатывал не просто много, а неприлично много.

Телевизор вполголоса рекламировал что-то от головной боли, заглушая жадное чмоканье Теда. Ван барабанил пальцами по верному наладоннику, пытаясь проверить 117 электронных писем, пробившихся на его адрес сквозь фирменный мондиалевский брандмауэр. С некоторым усилием воли он решил отложить ответные письма хотя бы до полудня – потому что с ним была Дотти. Дотти спала с ним в одной постели, окружая нежным вниманием. Дотти готовила, убирала, меняла пелёнки. Дотти бродила из комнаты в комнату по мрачному полуразвалившемуся особняку Вандевееров, по-женски легкомысленно морща лобик. Сейчас в первую очередь следовало заняться мебелью.

Поэтому за редкие часы, проведённые за стенами мондиалевских лабораторий, Ван исхитрился купить кроватку, манеж, детский стульчик, кожаный испанский диван, полированный стол из грецкого ореха в малую столовую, цифровой телевизор с плоским экраном в сорок шесть дюймов по

диагонали (с видеомагнитофоном и DVD-проигрывателем) и замечательное супружеское ложе. И заодно – модерновый датский гарнитур для спальни на втором этаже, где поселилась няня Хельга, шведская девица девятнадцати лет. В результате комната Хельги оказалась единственной в доме прилично обставленной и почти всегда пустовала.

По словам Дотти, покуда они с Хельгой вдвоем кантовались в Бостоне, девушка была неизменно мила, ласкова с ребенком и никаких проблем с мужским полом не создавала. Но в крошечном тихом Мервинстере Хельгу словно подменили. Новоявленная мужеедка паровым катком проехала по рядам местных компьютерных маньяков, сшибая их, будто кегли, могучим бюстом валькирии. Вану мерещилось временами, что с Хельгиных кавалеров следовало брать плату по повремённому тарифу.

Дотти отставила чашку с желтой кашицей и взялась готовить омлет с гренками. Ван обожал наблюдать, как Дотти готовит. Поварского таланта у нее не было ни грамма, но алгоритм успешного приготовления завтрака она освоила в совершенстве. Дотти вынимала яйца из серой картонки и разбивала о край белой миски в синюю полосочку – каждый раз на одной и той же полосочке, с идеальной точностью.

Зрелище это затрагивало в душе Вана струнки, которым он сам не мог подобрать название. Его любовь к Дотти представлялась Вану чем-то молчаливым, тёмным, огромным, как озерная вода подо льдом. Удовольствие, с которым он наблюдал за женой у плиты, было сродни тому, с каким он взирал на Дотти, когда та одевалась поутру. Ван обожал смотреть, как она, обнаженная, взъерошенная, сонная, элегантно исполняет все тайные женские обряды, покуда не облачится вполне в наружную свою оболочку. Глядеть, как Дотти одевается, было ему даже приятней, чем видеть, как она раздевается.

Теду недавно исполнилось одиннадцать месяцев. Лишенный мамы и резиновой ложечки, малыш чувствовал себя совершенно заброшенным – он суматошно размахивал пухлыми ножками, озираясь испуганно и капризно. Ван пристально наблюдал за сыном. Малыш его завораживал. Выпирающее пузико и копна пухово-тонких волосиков придавали Теду изумительное сходство с Вановым тестем – напыщенным инженером-электриком, сколотившим небольшое состояние на производстве нестандартных соленоидов.

При необходимости малыш мог визгом, как ледорубом, проломить череп. Однако вопить «мама» Тед раздумал. Вместо этого он старательно подобрал двумя пальчиками несколько разбежавшихся по столу кукурузных шариков. Ван ощутил, что

схватить и засунуть в рот кукурузный шарик было для Теда существенным достижением – младенческим эквивалентом успешно сданного проекта.

Ван расчесал пятерней густую рыжеватую бороду, ещё не просохшую после душа, и решительно отложил наладонник, чтобы обратить внимание на полуразрушенную башню из каталогов. Торговцы почтой пронюхали о титаническом вице-президентском окладе. Для них маньяк-программист с новым домом и младенцем на руках представлял собою золотую жилу.

В общем и целом Ван не любил делать покупки. Любил он математику, аппаратное программирование, крутые фантастические фильмы, жену и боулинг. Однако в покупках он находил нечто, иначе ему недоступное. Перелистывая каталоги, Ван мог не вспоминать о равенствах Нэша и функциях задержки. Последние три месяца он серьёзно обдумывал эти вопросы компьютерной эзотерики. Последние две недели – весьма серьёзно. А последние шесть дней – очень, очень серьёзно.

Так серьёзно, что переставал замечать даже Дотти. Так серьёзно, что временами едва мог ходить.

Однако анализ запаздываний в сетях был уже успешно завершен и оформлен. Чистовик статьи непременно вызовет восторг у ключевых членов ИИЭР[7] и искреннее непонимание в совете директоров «Мондиаля». Так что Ван решил устроить себе отгул.

Стройная, прелестная босоногая Дотти читала про себя инструкцию к новому ростеру. Дотти всегда читала инструкции по использованию чего бы то ни было. Все эти «компания не несёт ответственности» и даже условия лицензий на коробках с программами.

В МТИ однокурсники посмеивались над её навязчивыми привычками. Ван же заметил в первую очередь, что Дотти никогда не делала дурацких ошибок, которые совершает любой новичок. А Дотти была польщена тем, что это её качество оказалось востребовано и признано. В конце концов она вышла за Вана замуж – предварительно составив текст брачного соглашения.

Перелистывая скользкие пёстрые страницы, Ван наткнулся на рабочую лампу «Фортебраччио». Лампа была похожа не то на столовый прибор, не то на медицинский инструмент, крепкая и самоуверенная, как одна из старых серий «Звездного пути», когда их ставил ещё Джин Родденберри. Лампа была крутая.

Ван вырвал страницу из каталога, а остальное отправил в мусорное ведро за спиной. Следующий каталог в стопке был переполнен креслами. Вот теперь Ван погрузился в решение

проблемы с головой, посвятив ей всё своё внимание. Сейчас он неуклюже восседал на дрянном складном стуле из белого пластика – набор из шести штук он купил в обеденный перерыв, заехав в супермаркет дешёвых товаров. Так жить не годится.

– Дерек! – повторила Дотти. – Тебе какой хлеб – серый или отрубной?

Ван вскинул голову.

– А у какого больше стэк?

– Э… отрубного хлеба больше осталось.

– Тогда мне серый.

Рассуждая логически, быстрее должен идти самый вкусный.

На работе Ван, будучи программистом серьёзным, восседал в аэроновском кресле. «Аэрон» производил в каком-то смысле идеальные рабочие кресла – единственные, какие вообще требовал иметь в доме стиль жизни прожжённого хакера. Ван задумчиво повел мощными плечами. Но в жилом-то доме стоило иметь нормальные стулья! Вот, например, для использования за обеденным столом «Аэрон» не подходил – брызги детского питания будут застревать в нейлоновой сетке.

Вспомнив, как в его мервинстерский особняк явились за консультациями по информационной безопасности трое агентов ФБР, Ван поморщился. Фэбээровцам пришлось сидеть на белых складных стульях. Парни из бюро, конечно, ничего не сказали о пластмассовой мебели, только хлебали растворимый кофе и делали конспекты в желтых адвокатских блокнотах, – но в глазах у них просвечивало особое агентское презрение, с каким квалифицированного эксперта опускают в простые стукачи. С этим надо что-то делать.

О тайных визитах фэбээровцев Дотти ничего не знала. Ван ей не рассказывал о сотрудничестве с ФБР – знал, что жена не одобрит. «Заинтересованные стороны» из казначейского департамента и бюро специальных расследований ВМФ США тоже проходили мимо её внимания.

Каталог оказался потрясающим. Там были кресла из чёрной кожи и гнутых хромированных трубок. Кресла как бейсбольные перчатки. Кресла, похожие на оплывшие бокалы для мартини. Кресла, вырезанные из единого куска муарово-бледной фанеры.

Дотти подсунула мужу под нос тарелку. В новом ростере кусочки хлеба прожаривались идеально. Таких совершенных гренок Вану прежде и видеть-то не доводилось. На коричневой корочке не было и следа грубых полос, оставленных дешёвыми нагревателями. – Дерек, открой, пожалуйста.

Ван приложил мужскую грубую силу к банке импортного английского джема. Чёрная эмалированная крышка отскочила с

легким хлопком, и в ноздри Вану ударило такое благоухание, что программист тут же впал в детство. Джем оказался изумительным. От него с такой царственной силой несло Букингемским дворцом, что Вану тут же захотелось вскочить и отдать честь.

– Милая, джем отпадный!

– Черничный! – пропела Дотти над медной сковородкой. – Твой любимый!

Чудесный аромат джема подействовал даже на малыша. Тед прищурил круглые голубые глазёнки.

– Тата! – объявил он.

– Он снова сказал «тата».

Ван намазал идеальную гренку так удачно купленным джемом.

Тед шлёпнул слюнявыми ладошками по детскому столику.

– Тага! – пискнул он. – Тата!

Дотти воззрилась на сына в удивлении и восторге.

– И правда, Дерек!

Она метнулась к малышу, осыпая его похвалами и поцелуями. Тед улыбнулся маме во весь рот.

– Та-та, – доверительно прошептал он.

Тед всегда был с мамой ласков и всеми силами старался ее улестить.

Наблюдая, как Дотти возится с сыном, «тата» незаметно для себя умял с джемом все восемь гренок. Жизнь была прекрасна, а джем – просто король среди сладостей.

– Дот, где ты раскопала этакое чудо?

– В Интернете.

– Отлично. Скидку на опт нам дадут?

– Хочешь взять ещё?

– Само собой. «Пойнт-клик», и поехали.

Ван откинулся на спинку кресла и, страшно довольный всем миром, отодвинул в сторону тарелку с крошками. Дотти пристроилась рядом с тарелкой пышного омлета. Ван взялся было за вилку, и тут взгляд его наткнулся на очередное кресло, отчего программист едва не подвинулся умом.

– Господи, помилуй! Дотти, ты только глянь! Вот это кресло!

– На паука похоже.

– На оленя! Ты посмотри, какие у него ножки!

– Вот ножки как раз паучьи.

– Это магниевое литьё!

Дотти отобрала у мужа банку с джемом.

– Привет от Стенли Кубрика.

Ничего подобного, подумал про себя Ван. От фильма «2001»

разит шестьдесят восьмым! А сейчас, в 2001 году, тогдашний футуризм бесповоротно вышел из моды. Ван всё же сунул в рот кусочек омлета – было очень вкусно.

– Магниевое! Вау! Раньше никто не брался обрабатывать магний, а теперь из него кресла делают!

Дотти отставила тарелку – еды в ней едва хватило бы для крупного воробья, – вытащила егозливого малыша из высокого стульчика и пристроила на узком бедре. Тед был крупным младенцем, а Дотти – весьма стройной мамой. Малыш качался взад-вперед, на каждом ходу врезаясь матери в плечо темечком, будто стенобитное орудие.

– Сколько стоит? – практично поинтересовалась она.

– Шестьсот. Плюс доставка.

– Шесть сотен долларов за одно кресло, Дерек?

– Магний и поликарбонат! – возразил Ван. – Оно всего семь килограммов весит! А ещё их можно складывать пирамидой.

Не донеся вилки до рта, Дотти вгляделась в страницы каталога.

– У него даже спинки нет.

– Есть у него спинка! – возразил Ван. – Вот эта штуковина, которая из подлокотников торчит, – это на самом деле спинка. Зуб даю, оно на самом деле гораздо удобнее, чем выглядит.

Дотти плеснула ему ещё кофе, покуда Тед пытался вырвать клок ее коротких русых волос.

– Тебе не нравится, – скорбно подытожил Ван.

– Кресло очень любопытное, милый, но оно совершенно ненормальное.

– Зато мы бы первые на нашей улице такое купили! – Дотти только вздохнула.

Ван уставился на изумительное кресло, изо всех сил стараясь не дуться. Шестьсот долларов для него были несущественной тратой: понятное дело, акции «Мондиаля» сейчас несколько упали с тех надзвёздных высот, где парили, когда Ван покупал особняк, но парень, который дарит жене изумруды на годовщину свадьбы, не станет ныть из-за какого-то магниевого кресла.

Заставить себя перевернуть страницу Ван не мог. Потрясающее кресло уже стало частью его внутреннего образа. Кресло производило на него то же сногсшибательное впечатление, что и любой компьютер, – то были орудия. Инструменты для серьёзной работы. На инструментах экономят только ламеры. Продвинутый юзер идет и делает апгрейд.

– Это же викторианский особняк, – напомнила Дотти вполголоса. – Кресло сюда не впишется. Оно… ну оно просто запредельное.

Она отобрала у мужа каталог и принялась внимательно читать всё, что написано о кресле мелким шрифтом.

– Не такое уж оно и странное, – пробурчал Ван. – Сейчас весь мир сошел с ума. А когда мир сходит с ума – безумие требует профессиональной подготовки. – Он взялся за лэптоп. – Попробую отгуглить производителей…

– Ты правда так загорелся его купить?

– Ага. Штук десять. Или двенадцать.

– Дерек – это семь тысяч двести долларов на какие-то кресла. Это неразумно! – Дотти вздохнула. Тони Кэрью вечно твердит, что нам следует диверсифицировать вложения. Рынок в нынешнем сезоне падает.

– Ну ладно, ладно, мы же не биржевые фанаты вроде Тони. А железки людям будут нужны всегда.

Ван пожал плечами. Он владел акциями «Мондиаля» только потому, что всегда вкладывал сбережения туда, где работал сам. Ван ни в чём на свете не разбирался так хорошо, как в собственной работе. И что бы ни обещало ему будущее, Ван всегда ставил на себя. До сих пор это окупалось.

Дотти разгладила глянцевую журнальную страницу.

– Дерек, в нынешнем семестре истекает срок моего гранта. Это очень скверно. Я уже выжала из этого исследования шаровых всё, что только можно было опубликовать. В читательских рецензиях постоянно твердят, что нам требуются более совершенные инструменты.

Она вытерла залитый слюнями подбородок малыша запасным бумажным полотенцем, которое Ван оторвал пару минут назад.

Ван попытался осмыслить ее слова. Работа значила для Дотти всё. Четыре года она посвятила исследованию шаровых звёздных скоплений. На ее исследования опирались работы коллег из Бостона. При ней кормились аспиранты.

– Дерек, мы просто не получаем результатов, на которые я надеялась. В науке так бывает, знаешь. К тебе приходит гениальная идея, ты вкладываешь массу труда в разработку гипотезы, но опытные данные ее не подтверждают.

– Твоя теория нуклеации темной энергии пользовалась успехом, – попытался поддержать ее Ван.

– Я подумывала о том, чтобы больше времени проводить дома.

У Вана перехватило в горле.

– Да?

– Тед скоро встанет на ножки. И уже начинает говорить – только послушай! – Дотти погладила малыша по тонким волосикам, покуда тот пытался пробить затылком ее плечо. –

Малышу нужна нормальная жизнь, в нормальном доме.

Ван сам изумился тому, насколько важной показалась ему эта мысль. Чтобы Дотти проводила с ним и Тедом каждый день… перспектива эта ошеломляла.

– Вау. В нормальном доме – это как-то… непривычно.

Дотти поморщилась.

– Ну, Хельги никогда нет рядом, когда она действительно нужна. Я уже думаю, не ошиблась ли я с нею?

– Можем отрядить на ее поиски полицию, – улыбнулся Ван. – Ну не хмурься, милая. Мы справимся.

– Могло быть и лучше, – пробормотала она. – У меня просто не хватает времени заботиться о вас с Тедди так, как положено.

У Дотти опять начинался приступ вины и депрессии – это у нее на лбу было написано. Ещё немного – и она снова начнет горевать по маме.

Впадать в мучительную неуверенность Дотти позволяла себе только тогда, когда бывала по-настоящему счастлива. У Вана ушло десять лет семейной жизни, чтобы осознать это, но теперь он понял. Она портила счастливые дни по необходимости. То был ее тайный обет, данный страшному уродливому миру: никогда не наслаждаться жизнью слишком сильно.

Обычно такие приступы Вана беспокоили, но сегодня ему было так хорошо, что хандра показалась ему забавной.

– Ну милая, ну у тебя неприятности на работе. Ничего страшного. Что может случиться такого непоправимого? Мы же не разоримся!

– Мишка, – Дотти стеснительно буравила взглядом безупречно чистую столешницу, – ты слишком много работаешь. Даже когда ты дома, тебя постоянно дергают эти твои компьютерные полицейские. А ты им позволяешь. – Она снова указала на каталог: – Это нелепое кресло, которое тебе так приглянулось, оно водоупорное. А нам нужно что-нибудь на веранду. Вот закажи одно, мы его поставим на улице. Годится?

– Два?

Губы ее дрогнули.

– Дерек, одно.

– Ну ладно!

Одно кресло – это для начала. Пусть это будет рабочая модель. Ван просиял.

Голоса в телевизоре звучали всё настойчивей. Дотти глянула через плечо на экран:

– Господи! Какая ужасная авария!

– А? – Ван уставился на дымящуюся дыру в стене небоскрёба. – Вау!

– Это ведь Нью-Йорк, да?

– Угу. Боже! Такое не каждый день увидишь. До телевизорчика было каких-то три шага, но Ван из принципа потратил с полминуты, пытаясь нашарить заваленный каталогами дистанционник, прежде чем увеличил громкость. Мертвую тишину заполнил голос диктора.

Какой-то реактивный самолёт столкнулся с башней Всемирного торгового центра.

– Самое несчастливое место на свете, – скривился Ван.

Дотти глянула на него с недоумением и ужасом. Даже Тед нахмурил лобик.

– Я про ту банду негодяев с бомбой в грузовике, – объяснил Ван. – Они когда-то пытались взорвать небоскрёб.

Дотти поморщилась. Это была не ее тема.

Ван поднял с пола свой наладонник. Стоило пробежаться по новостным сайтам. У местных телевизионщиков бюджет убогий.

Тайком от жены Ван проверил электронную почту. За последние две минуты ему пришло тридцать четыре письма. Он пробежался по заголовкам: повернутые на безопасности ребята из отделов компьютерной войны. Телеконференции, обновления через Сеть… Все абоненты смотрели телевизор, не отрываясь от мониторов. И сбесились разом. Вану стало стыдно, что он знаком с таким множеством подобных типов. И хуже того – дал им всем свой адрес электронной почты.

Ван снова обернулся к телевизору. Зрелище на экране ужасало. Ван был невеликим специалистом по авиационной электронике, но знал о ней не меньше, чем любой специалист по надёжности систем. И знал, что почти абсолютно невероятно, чтобы авиадиспетчеры FAA[8] в аэропортах Кеннеди и Ла-Гуардиа позволили реактивному авиалайнеру совершенно случайно въехать в небоскрёб в центре Нью-Йорка. Плотность обзорных РЛС и пунктов управления воздушным движением в Нью-Йорке была огромна. Значит, речь не могла идти о простом несчастном случае.

А вот непростой и не случай – это совсем другое дело. Скверное дело. Вану когда-то пришлось провести долгие нервозные выходные на конференции FEMA[9], слушая, как парни из отдела информационной войны расписывают кромешные ужасы, какие может натворить «противник», захватив федеральную систему управления воздушным движением.

Люди, которые занимаются информационной войной, принадлежали к числу самых нелепых типов, каких только знал Ван, потому что на свете нет такой штуки, как «информационная война». Их тактические приёмы были высосаны из пальца, как и

противники. Было в них что-то из разряда готического фэнтези. Они походили на черную стаю воронов рока над полем боя – прямо из толкиеновского «Властелина колец». Ван с трудом мог заставить себя воспринимать их всерьёз – ему достаточно было реальных проблем с информационной безопасностью, от вирусов до малолетних хакеров.

Но одна фраза ему тогда врезалась в память. Взвинченный очкарик ботанской наружности с упыриным восторгом расписывал, как любой самолёт в небесах Америки может «превратиться в летающую бомбу».

Системе управления воздушным движением принадлежала своя компьютерная сеть федерального размаха – одна из мощнейших и старейших в стране. Попытки её заменить не раз кончались пшиком. Парни из FAA пользовались примитивными, старомодными ЭВМ семидесятых годов выпуска – потому что те были куда надежнее современных. При упоминании о компьютерных глюках авиадиспетчеров пробивало на чёрный юмор. Для них подвисший компьютер равнозначен был упавшему самолёту. «Аварийной высадке без посадки». «Дюралевому дождю».

Теперь, понял Ван, «дюралевый дождь» пролился на высочайший небоскрёб Нью-Йорка.

Это никуда не годится. Совсем никуда не годится.

Ван медленно перевел дух. На экране царил кромешный ад, но программист был к нему готов. Он уже однажды пережил ад в своем воображении. В 1999 году «Мондиаль» растратил больше 130 миллионов долларов на борьбу с «ошибкой-2000», и эксперты по информационной безопасности тогда твёрдо уверяли, что иначе планета развалится. Ван тоже в это верил. Потом ему было очень стыдно. То, что компьютеры по всему свету не отключились разом и мир не преобразился в одну ночь в мрачные пустоши из «Безумного Макса», стало для Вана персональным унижением.

По крайней мере, борьба с «ошибкой-2000» помогла подкормиться толпам старых программистов, так и не скопивших себе на пенсию.

В канун года 2001-го Ван дал себе зарок никогда больше не паниковать. Поэтому он пытался унять сердцебиение, глядя, как полыхает на телеэкране пробитый насквозь небоскрёб. Мысли его уже обгоняли события. Мозг переключился на десятую передачу.

«Успокойся, – приказал себе Ван. – Остынь. Подумай».

Покуда не зазвонит телефон – ничего действительно серьёзного ещё не произошло. Поток е-мейлов от самых подозрительных и склонных к паранойе знакомых – это ещё ничего не значит. Интернет-форумы – не более чем

предохранительные клапаны, где болтуны могут выпустить пар. А вот номер своего домашнего телефона Ван не давал почти никому. Если этот телефон зазвонит, значит, случилась большая беда.

Если телефон не зазвонит, то, наверное, Дотти вообще не стоит ни о чём говорить. Пусть она будет счастлива. Пусть Тед будет счастлив. Господи, пожалуйста, пусть только все будут счастливы. Какое солнце за окном. Как красиво зеленеет дуб на лужайке перед домом. Такой прекрасный день…

Оп-паньки. А вот и второй.

ГЛАВА 2

Нью-Джерси – Калифорния, 11-14 сентября 2001 года

Воздушное движение пресеклось. Ван жил теперь в мире без самолётов. Карточки «постоянного путешественника» превратились в бесполезный пластик.

Вот теперь Ван понял, за каким чёртом купил себе спортивный «рейнджровер».

Ван вскарабкался в кабину припаркованного, как обычно, у бордюра, «ровера» – в старинном особняке гаража не имелось. Отъехав с полмили от городка, он оставил машину на огромной автостоянке на месте бывшего выгона, торопливо просочился сквозь бурые плексигласовые двери и разграбил свою лабораторию. Сотрудники вопросов не задавали – ни зачем Вану понадобилось столько хардвера, ни куда он с ним намылился. В мондиалевских лабораториях дружба Вана с федералами незамеченной не оставалась.

Настроение в лаборатории было нервозным до истерики. Во Всемирном торговом центре «Мондиаль» потерял один из филиалов. Хотя большая часть персонала успела эвакуироваться из горящего здания, двое человек остались погребены в пирамиде обломков. Узнать, что твои коллеги погибли ужасной смертью по вине террористов, – уже скверно, но физический ущерб телекоммуникационным сетям «Мондиаля» был нанесен просто чудовищный. Когда рухнули два высочайших здания на Манхэттене, микроволновая связь в Нью-Йорке получила удар под дых.

Оптоволоконные кабели толщиной в руку, надёжно укрытые в подвалах ВТЦ, теперь рвались, горели, тонули в нечистотах. Осыпавшиеся с падающего небоскрёба обломки раздавили телефонный коммутатор за квартал от места катастрофы. Сотовые ретрансляторы остались похоронены в руинах. Дозвониться по мобильнику удавалось один раз из двадцати. Стационарные телефоны оказались перегружены бесчисленными вызовами.

Полиция, федералы, журналисты, даже профессиональные сисадмины поневоле перешли на пейджеры. Телефонные компании города воем выли, требуя дополнительного оборудования, новых рабочих, временных разрешений от Федкомсвязи, покуда аварийки пробирались в объезд закрытых мостов и заваленных обломками и пеплом улиц.

Более страшной аварии Ван припомнить не мог за всю свою

карьеру. Дело было не только в том, что пострадала его компания. Совета требовали федералы – кто по е-мейлу, кто факсом, кто по телефону. Множество федералов. Закон и порядок, военные, аварийные службы. Звонили из контор, о которых Ван никогда прежде не слыхивал – а ему приходилось слышать почти обо всех федеральных службах. Будущее Вана болталось на дымном ветру, точно выбитая обгорелая оконная рама.

Паники Ван не испытывал. Он ощущал в себе мрачную самоуверенность. Гибли полицейские, гибли пожарные, но Дерек Вандевеер был ещё жив и не собирался накрываться ветошью. Он отчётливо осознавал, что сегодня судьба его переменилась кардинально и отныне его услуги потребуются не там, где раньше. Всё переменится. Всё станет страшней, суровей, мрачней и опасней. Ему просто нужен был совет – добрый верный совет, и всё. Капля истинной мудрости, в которой не будет подвоха. Точка зрения, на которую можно будет встать и которой стоит держаться.

Вот поэтому – по причинам глубоко личным – неодолимая сила гнала Вана из Мервинстера, штат Нью-Джерси, в Бербанк, штат Калифорния.

Дотти его понимала. Она даже не спрашивала ни о чём. Когда телеэкран заволокли клубы мерзкого черного дыма, Дотти впала в деловитое забытье. Ясные очи за круглыми очочками остекленели. Она торопливо собрала свой чемодан, детские вещи и даже дозвонилась до няньки Хельги.

Ван взял с собой три компьютера, лэптоп, принтер, три ящика с инструментами, восемь аккумуляторов, пять мобильников и спутниковую антенну. Он заплатил за свой внедорожник шестьдесят тысяч, но объём багажника машины составлял шесть с половиной кубометров, и сейчас наступил звездный час «рейнджровера». Задние сиденья Ван тоже снял, а вместо них бросил футон[10] из лаборатории. Чем бы ни пришлось ему заниматься в ближайшем будущем, Ван был уверен, что времени на сон у него будет немного.

Волочь за собой Хельгу до самой Калифорнии Вану вовсе не улыбалось. Молоденькая и симпатичная европейка воспринимала Штаты как один большой Диснейленд, где милые немолодые мужчины осыпали ее подарками. Столкновение с настоящим террором привело ее в ужас. Забираясь в «рейнджровер», Хельга жалобно всхлипывала и никак не могла унять слёзы.

Ван был отличным водителем. Дотти вела машину аккуратно и по всем правилам. Хельга по молодости лет водила машину так скверно, что ей даже международных прав не дали. Но Ван всё равно усадил ее за баранку – чтобы отвлечь от рыданий.

Под мишленовские шины ложилась миля за милей. Дотти баюкала малыша Теда и пыталась подремать сама, чтобы не клевать носом, когда придет ее черёд сесть за руль. Заснуть толком ей не давали. Снова и снова принималась визгливо пищать «моторола». Бостонские аспиранты воспринимали Дотти как хозяйку гнезда: только она одна во всей лаборатории знала, где лежат маркеры и куда засунули банку с сухим молоком.

Вану никогда прежде не доводилось слышать, чтобы Дотти общалась с коллегами так долго и тесно: всё время их семейной жизни она, как правило, старалась избавить его от подобных испытаний. Вану было немного стыдно, что он никогда не был для Дотти покорным мужем. Двоим работающим супругам не приходилось жертвовать карьерой ради друг друга. Каждый настолько уважал таланты и устремления другого, что, когда обстоятельства требовали от одного из них жертв, они просто нанимали жертвой третьего и платили ему зарплату.

На шоссе 1-470 близ Колумбуса, штат Огайо, у Вана зазвонил третий мобильник: в двух первых уже сели аккумуляторы.

– Вандевеер слушает.

– Ван, это не атака со взломом.

Голос был Вану знаком: не речь, а рык. Так мог бы изъясняться Орсон Уэллс с техасским акцентом. Голос исходил из самой глубины внушительного брюха.

Вану хорошо был знаком голос Джеба, но теперь, после падения башен, в нём появились новые нотки.

– Откуда ты знаешь? – поморщился Ван, пристроившись по-турецки на сложенном футоне. – Уже проверили логи диспетчерских?

– «Аль-Каеда» не пыталась хакнуть диспетчерскую. Мозгов не хватит. Это была атака камикадзе. Самая большая в истории.

Ван попытался себе это представить: как фанатичные мусульманские террористы направляют самолёт в многоэтажную башню. Картина казалась ему нелепой: как в скверном фантастическом триллере, которому одна дорога – на большой экран. Но если Джеб утверждает, что это правда, Ван готов был принять гипотезу за рабочую. У Джеба были лучшие источники информации.

Ван прокашлялся.

– Как это им удалось?

– Захватили кабину, угрожая резаками для картона. А пилотов-самоубийц, похоже, тренировали на компьютерных играх.

– То есть эти ребята снесли два небоскрёба ножиками? И Пентагон?

– Такие дела, Ван.

– С ума они посходили? – вспыхнул Ван. – Чтоб им сдохнуть!

– Ты ещё самого весёлого не слышал. Четвёртый самолёт не долетел до Белого дома. Это была их последняя мишень. Экономическая, военная и под занавес – политическая. А не долетел он потому, что пассажиры набросились на террористов. Родственники дозвонились до кого-то по мобильному. – Джеб понизил голос. – Так оно будет и впредь, Ван. Телефоны против ножей. Наши сети – против их культа смерти. И до победного конца.

От бешенства у Вана кровь стучала в ушах.

– Тогда хорошо, что этим ребятам нравится умирать.

– Ван, ты мне нужен в команде. К тебе уже обращались?

– Ага, все, – выпалил Ван, не подумав.

После катастрофы Джеб подсуетился первым, но с тех пор Вана пытались переманить в ФБР, в департамент коммерции, в канадскую разведку, в Административное и бюджетное управление, в несколько подразделений ВВС, о которых Ван прежде никогда не слышал, и даже в Палату мер и весов.

– Разошлись охотники за головами, – согласился Джеб добродушно. – Где они все были, интересно, покуда жареный петух не клюнул?

Ван промолчал. Джеб оказался первым полицейским, который отнесся к способностям Вана серьёзно и деловито. Киберкопы в Калифорнии – что муниципалы, что штатовские – настолько потеряли нюх, что завели собственные фидошные группы. Насмотревшись на героических кульхацкеров старшего школьного возраста, полицейские из Силиконовой долины начинали думать, что «всё это очень мило»… но когда Ван натолкнулся на Джеба, жизнь молодого программиста перевернулась в одночасье. Наивный студент, питавший сугубо интеллектуальный интерес к вопросам информационной безопасности, повстречался нечаянно со знатоком из знатоков.

Джеб буквально за шкирку втащил Вана за кулисы. Тот и оглянуться не успел, как оказался зачислен на специальные секретные курсы в Федеральном центре тренировки правоохранительных органов и «Квонтико»[11], где взмокшие, запыхавшиеся спецы из оперативных комбез-групп проводили оперативные разборы. Джеб показал Вану нутро своего ремесла, ввёл в курс, распропагандировал и втянул. Он показал Вану истинное лицо федеральных информационных технологий: чудовищное, только сверхдержаве доступное и посильное недоумие. «II… ц под контролем». И если при всем бардаке страна оставалась сверхдержавой – то лишь благодаря таким

парням, как Джеб.

– Мы в «бэкапках», – пообещал Джеб, – знаем что делаем. В виде исключения.

– Джеб, по этому вопросу мне требуется консультация.

Ван виновато покосился на переднее сиденье. Судя по убитому взгляду, Дотти прекрасно поняла, о чём идет разговор. Дотти знала о существовании Джеба и его мирка. Но она была не консультантом, а пострадавшей. Такими глазами она могла бы смотреть из шлюпки «Титаника», " как скрывается в ледяной чёрной воде ее оставшийся на борту муж. Вану никогда не удавалось обмануть жену в чём-то действительно серьёзном. Коэффициент интеллекта Дотти достигал 155.

Кроме того, Нью-Йорк горел.

– Я помню твоего отца, Ван, – промолвил Джеб. – Его два раза упрашивать не приходилось.

– Я же сказал: мне нужно трое суток, чтобы принять решение.

– Ну, когда примешь – позвони мне, Ван. Я буду здесь, в пределах Окружной[12].

Джеб повесил трубку.

Ворочаясь в багажнике среди отключенных компьютеров, Ван с тоской пытался вспомнить минуты в своей жизни, когда ему приходилось испытывать ужас. Выходило, что вспомнить ему нечего. Ему доводилось бывать в самых странных ситуациях. Ван честно мог заявить, что побывал под огнем. Он выступал в роли штатного эксперта по информационной безопасности от крупной и безжалостной корпорации. Он принимал участие в пяти рейдах совместных групп федеральных и местных следователей против хакеров. Американские киберкопы предпочитали брать на место как можно больше народу – чтобы прочим, не столь продвинутым полицейским стало ясно, что и запершийся в спальне мальчишка может совершать преступления. Поэтому Вану приходилось наблюдать, как накачанные парни из Секретной службы в кевларовых жилетах и кроссовках с кисточками топочут по дому, пугая пистолетами родителей злоумышленника, и без того немых от ужаса.

Ван обыкновенно сосредоточивался на том, что таскал принятые по описи некондиционные запчасти к крутому компу малолетнего негодяя в белый грузовичок «шевроле». Эта часть операции ему нравилась. А особенно – выражение на физиономии программиста-самоучки, когда тот понимал вдруг, что ничего не знает о людях, которые на самом деле владеют и правят Интернетом.

Среди преступников хакеры считались ещё интеллектуальной элитой, но и среди них попадались чёрные овцы. Юные

кульхацкеры были всего лишь мелким неудобством, но в той же среде вырастали полноценные негодяи и воровали уже по-взрослому. В таких делах совет Вана требовался часто. О манере программирования русских хакеров Дерек Вандевеер знал больше, чем стоит знать человеку. Вьетнамские банды похитителей микросхем тоже были не сахар. Уголовное семейство чокнутых олухов из Западной Виргинии годами паразитировало на «Мондиале» – милями воровало медные телефонные кабели и продавало как цветной металл.

При мысли о судьбах и жизненных ценностях этих людей у Вана во рту появлялся привкус батарейки. Ван никогда не размышлял глубоко о морали, законности или философии, но зло он чуял и без того. Копы это понимали. Копы считали Вана порядочным парнем. Они ставили ему пиво. Они серьёзно воспринимали всё, что он рассказывал им об информационной безопасности и экспертизе программного обеспечения, и следовали его техническим советам. А советы и программки Вана неплохо помогали копам. Следствием становились аресты и приговоры. Копам это нравилось.

Полицейские вились вокруг него так часто и густо, что Ван обучился их особому языку. Ему даже нравилось, как они обходятся без экивоков. Когда человек служит в полиции, некая раздражающая деликатность у него отмирает очень быстро. После событий утра 11 сентября Ван осознал почему. Самый масштаб случившегося освободил его от навязчивых сомнений и колебаний.

Озвучить вслух свой новый взгляд на мир Ван не был готов. Пока он искал места в мире грядущем.

Он глянул на жену. Дотти одной рукой придерживала спящего Теда и телефон. Головка малыша подпирала оправу ее очков. Ван тащил жену через всю Америку – от моря до светлого моря, – и Дотти не могла даже объяснить друзьям, почему уехала, или куда, или зачем.

Потому что это была тайна.

Дотти понимала, что такое государственная тайна, – она, в конце концов, вышла замуж за одного из Вандевееров. Она встречалась с отцом Вана, с матерью, даже с дедом и сошлась с ними ближе, чем это у самого Вана получалось. Женщины в семействе Вандевееров всегда понимали суть государственной тайны, хотя их мужчины никогда не посвящали в нее жён.

Но за десять лет семейной жизни Дотти не приходилось лицом к лицу сталкиваться с серьёзными проблемами безопасности, как это происходило сейчас. Полицейских Дотти ещё могла терпеть: с ними она была неизменно очень вежлива.

Дотти никогда не уходила от налогов и не нарушала ПДД. Для собственного душевного спокойствия она прочитала свод законов штата Массачусетс. И штата Нью-Джерси.

Шпионов секретность затрагивала куда сильней, чем полицейских. Порою мир разведки затрагивал Вана лично. Информационная война и информационная безопасность всё больше и больше становились шпионскими игрушками. АНБ всегда обожало компьютеры, да и остальные спецслужбы обнаруживали потихоньку, что современная техника – это круто. Лично Ван никогда не напрашивался служить в разведке, но с её потаенным миром было связано немало его знакомых. И они преображались на глазах, как в сериале «Баффи». Полицейских работа меняла. Шпионов – переделывала. В полном одиночестве, дома, в тёмной и жаркой комнате может дремать разведчик, а из-под простыней всё равно будет сочиться струйками стылая мгла, как от куска сухого льда.

Теперь государственная тайна подминала под себя Дотти прямо у Вана на глазах.

Вану казалось, что жизнь его проваливается в мрачную пещеру, кусок за куском. В раздражении он уставился на мелькающие за окном удручающе обыденные пейзажи Огайо. Его ломало без е-мейла. А в «ровере» электронная почта была для него недоступна. Вот когда они оба выйдут в онлайн, решил Ван, надо будет послать Дотти утешительную записочку. Он любил жену, но по е-мейлу им было общаться удобнее всего. По е-мейлу Ван впервые пригласил ее на свидание. По е-мейлу они работали и сверяли графики. Бывало, что, проживая в одном доме, они посылали друг другу электронные письма через обеденный стол. По е-мейлу они договорились завести ребенка. И сейчас по е-мейлу обсуждали, а не завести ли второго.

Ван упрямо взгромоздил компьютер на складную подставку, примотав ее пластиковой оплёткой к полу. Поскольку заднее сиденье осталось в Нью-Джерси, в «рейнджровере» стало просторно, у аспирантов кабинеты примерно такого же размера. Ван рассудил, что сейчас, когда трубы и антенны Манхэттена сотрясает кризис связи, физического отсутствия вице-президента на работе никто не заметит, если только он будет круглосуточно доступен через Интернет.

Программированием Ван зарабатывал себе на хлеб. Сращивать вручную аварийные кабели ему бы в голову не пришло, хотя он и знал, как это делается. Сейчас в дымящемся Манхэттене инженеры «Мондиаля» пытались перенаправить звонки на тысячи местных номеров с разбитого и обгорелого коммутатора на оборудование третьих фирм в Квинсе и

Хакенсаке. У Федкомсвязи уже начиналась истерика, так что на странный эксперимент было дано добро.

Ван прекрасно знал, что мондиалевские алгоритмы трассировки не рассчитаны на портировку такого количества местных номеров. Он знал, что портирующая подпрограмма начнёт глючить. Самыми неожиданными способами. Возможно, он успеет понять, где кроется ошибка и какая. И сообразить, каким способом ее выправить. Нетривиальное программирование подобного рода, в страшном цейтноте, доступно очень немногим специалистам. Лучшей услуги своей фирме в трудный час Ван предложить не мог.

Но чтобы несчастные сослуживцы могли до него добраться, Вану требовался быстрый и ширококанальный доступ к Интернету на протяжении всего пути через Америку. Звучало это просто. А было – сложно. До невозможности. Большая часть Восточного побережья имела плотное покрытие, если не считать полыхающего нынче Нижнего Манхэттена. Если бы Ван отзвонил заранее и напомнил кое-кому о старых счетах, он мог бы, заезжая в университетские городки и компьютерные центры, подключаться к сверхбыстрой сети «Интернет-2». Ван относился к числу ветеранов совтехконференций – камарилье ботанов и зубрил, создающих Интернет нового поколения. Сисадмины «Интернета-2» принадлежали к его кругу знакомств.

Прежде чем «Мондиаль» сделал ему деловое предложение, Ван преподавал в Стэнфорде, и Западное побережье было ещё снисходительней к нему и его цифровым нуждам. Попадались острова продвинутого техномыслия в таких местах, как Остин в Техасе и Мэдисон в Висконсине. Но здесь, на землях, доступных лишь «рейнджроверу», от Интернета оставались рожки да ножки. Ван пересекал Америку с двумя женщинами и ребенком на буксире – а Соединенные Штаты огромны. Программист много раз летал с одного побережья на другое, но в первый раз – ехал. Он даже не представлял, что в CUJA остались такие просторы лишённой Интернета глухомани.

Мобильники можно было использовать для подключения – в некотором роде. Дотти жалобно тыркала штеккер своей «моторолы» в лэптоп, запитав его от прикуривателя. Одно-два письма по электронной почте таким образом ещё можно было принять, но Ван понимал слово «доступ» несколько иначе. Для него мобильник представлял собой что-то вроде мятного леденца. И даже на крупнейших трассах Америки, утыканных башенками «сот» от берега до берега, в этих леденцах проглядывали слишком большие дырки. Любая лощина-и нет коннекта.

Лэптоп с «беспроводной» Wi-Fi-связью работает только в

зонах Wi-Fi-покрытия. Поперечником в пару сотен ярдов каждая.

Вану оставалось искать выход только в одном направлении – вверх. Спутники висели прямо над головами. Интернет с далёких планет. Последний Фронтир. До сих пор Вану не приходилось пользоваться сателлитным соединением. Он знал, конечно, что бывает и такое, но заниматься извращениями не находил причины. В кабинете у него проведен был ширококанальный «Интернет-2», а дома – два выделенных кабеля на полтора Мбит/сек. каждый.

Приходилось, однако, подлаживаться к реальности. Космос так космос.

Дотти понимала это и не мешала мужу работать. В доступе к Сети она нуждалась почище Вана. Астрофизики относились к числу самых прожорливых в мире потребителей интернет-доступа. Если астрофизик собирается переслать кому-то «файлик», будьте уверены: он имеет в виду гору данных для симуляции, допустим, всей атмосферы газового гиганта размером с Юпитер. Астрономы нуждались в широкополосном доступе так отчаянно, что готовы были подписаться на любую схему, лишь бы заполучить его, – даже и самую жульническую. Только астрономам могла прийти в голову мысль соединить миллионы принадлежащих добровольцам компьютеров в единую сеть, чтобы прочесывать радиоголоса галактики в поисках сигнала от пришельцев.

Ван старался как мог: это было дело семейное и вопрос профессиональной гордости. В приступе неуместной корпоративной лояльности Ван утащил из лаборатории сателлитный комплект «Космобэнд» мондиалевского производства. Поскольку данный продукт поступил в открытую продажу и не требовал технического обслуживания для клиентов «Мондиаля», Ван предположил, что сможет просто подключить антенну к компьютеру – и всё заработает.

Оказалось, что «Мондиаль» врал всему миру сквозь зубы.

Компьютеры Вана работали – все три. Локалка после некоторых усилий тоже заработала. Аккумуляторы работали, пока заряд не кончался. «Космобэнд» делал вид, будто прилетел из далекой-далекой галактики.

«Космобэнд», как большинство коммерческих сателлитных компаний, перебивался с хлеба на воду. К несказанному изумлению наивных вкладчиков, фирма успела потерять несколько сот миллионов долларов. Эскадрилья второсортных спутников едва удерживалась на краю атмосферы, побираясь по вторичным рынкам и подрабатывая метрологией и слежением за большегрузными автомобилями.

Компанию-подранка «Мондиаль» захватил в одном из легендарных приступов корпоративной жадности. Проблем от этого не убавилось. Руководство «Мондиаля» свое новое приобретение игнорировало, поскольку курс акций «Космобэнда» расти не собирался. Первоначальный состав технического отдела разбежался. Осталась лишь горстка дешевых прохиндеев. Свой так называемый «Интерпланетарный Интернет» они рекламировали крошечными объявлениями на задних страницах обложек «Популярной механики» и «В мире науки». Гарантий на «Космобэнд» не давали, на звонки в сервисный отдел не отвечал никто и никогда, а написанные левой ногой старые драйвера плохо совмещались с новыми продуктами от «Майкрософта».

Ван поначалу собрался пробить в крыше «ровера» здоровенную дыру, чтобы установить тарелку «Космобэнда» на штативе. Дотти, которой машина нравилась, наложила вето, и не зря – идея была бестолковая. В движущейся машине спутниковая антенна всё равно была бесполезна. Малейшая выбоина или камушек на дороге сбивали ориентацию тарелки.

Поражаясь собственной дурости, Ван принялся изучать справочник пользователя, скверно отпечатанный в далекой Корее. Малыш Тед пачкал подгузники и визжал так, что сотрясались дверцы. Никто не мог объяснить бедолаге, с какой стати он должен провести сорок четыре часа и тридцать девять минут пристегнутым к патентованно безопасному креслицу. Из благополучного дитяти малыш превратился в жертву садистских игрищ с бондажом и орал по этому поводу во всё горло.

На темной бензозаправке близ Спрингфилда Дотти накачивала арабский бензин в столитровое брюхо «ровера», стиснув хрупкими руками ребристый пистолет. Ван с некоторым испугом ступил на асфальт штата Миссури. Он пролетал над этими местами десятки раз и ни единожды не коснулся земли. Но даже в Миссури имелись кока-кола и бензин. И придорожный супермаркет с отличным видом на горизонт. А на задней стене супермаркета имелись заземлённые розетки. Никто не приглядывал за желающими отсосать немного электричества. Так что и в Миссури была жизнь.

Капризный малыш, хмурая Дотти и сонная Хельга скрылись внутри в поисках уборной, вяленой говядины и шоколадных батончиков. Ван загнал «ровер» в дальний угол бетонированной стоянки между ржавым мусоровозом и канализационным люком, выволок из машины пластиковую сателлитную антенну и клубок разноцветных проводов, включил адаптер в розетку и нацелил «тарелку» в облако мошкары вокруг уличного фонаря.

Проезжающие мимо машины сигналили – скептически

настроенные жители Миссури посмеивались над Ваном и его нелепой штуковиной. Переносная интернет-антенна «Космобэнда» была похожа на полурастаявшую доску для сёрфинга на хромированной табуретке. Взрослый человек, бороду отрастил, а мучает реквизит из «Звездных войн».

Трясущимися с отвычки руками Ван включил наводку. Антенна застонала и неохотно зашевелилась. А потом с тупой механической неохотой дала коннект.

Мишень антенны была пыльной, старомодной и недоиспользованной. «Рейнджровер» Вана превосходил ее размерами раз в пять. И болталась она в двадцати трех тысячах миль над Землей.

Ван торжествующе вытянул с небосвода первое письмо.

Появилась Дотти.

– Милый, шербету не хочешь?

– Не-а.

Она глянула на сплетение кабелей.

– Уже можно подключаться?

– Ага. Прямо по локалке.

Дотти просияла:

– Дерек, это же замечательно!

Покуда «ровер» мчался дальше, Ван прочитал свежую почту. Потом они остановились ещё раз, он выволок антенну и скачал с нескольких внутренних веб-сайтов «Мондиаля» материал для работы. Сражался с глючным кодом маршрутизатора. Плюнул в небо потоком электронных писем. И всё по новой. И по новой. Под звёздами и на заре. Подремал на футоне. И по новой.

Когда они добрались до Бербанка, за рулем сидел Ван – единственный, кого не сморил сон. График они обогнали на шесть часов, пересекли четыре часовых пояса и превысили допустимую скорость в восьми штатах.

ГЛАВА 3

Бербанк, штат Калифорния, 14 сентября 2001 года

Найти дорогу через Бербанк Вану удалось без всяких проблем, если не считать цепенящей усталости и нестихающего зуда под пропотевшим бельем. Он немало времени провёл здесь с дедом – на каникулах и по выходным.

В свое время – после женитьбы на второй бабушке – Элмер Вандевеер, более известный как Чак, купил загородный дом в предгорьях, невдалеке от поместья Рональда Рейгана. С этим маленьким ранчо связаны были самые счастливые детские воспоминания Вана. Он с восторгом падал с лошади, поджигал тюки сена и постреливал по крысам и кроликам из мелкашки.

Дед Чак принадлежал к числу ведущих специалистов по аэродинамике. К своему игрушечному ранчо он относился точно к важному проекту: лихорадочно вкапывал столбы, деловито колол дрова. Настоящим домом для деда, предметом глубочайшей его страсти, местом, где он проводил всё своё свободное время, был двухэтажный бетонный бункер без окон на окраине городского аэродрома. Туда, в обитые свинцовым листом комнаты, часто заглядывали высокие чины ЦРУ и ВВС.

Дед работал в локхидовской «шарашке».

Со времен Ванова детства, которое пришлось на семидесятые, городок Бербанк разросся, пожрав окрестные апельсиновые рощи и распростёршись на соседних холмах, но обсаженные пальмами улицы близ аэропорта ещё казались смутно знакомыми. Ван подозревал, что сам он изменился ещё более радикально, нежели город. Из косноязычного мальчишки с леденцом, жуткой аллергией и моделькой «крестокрыла» из «Звёздных войн» он превратился в молчаливого, рослого, бородатого, изрядно пропотевшего программера в черных очках.

Что-то было не так. Ван растерянно потыкал пальцем в блок GPS. Адрес он ввел правильный, но совершенно не узнавал окрестностей. Ничего похожего на дом престарелых рядом не наблюдалось.

В истерическом неистовстве дот-комовского[13] бума Ван почти перестал навещать деда они не виделись чуть не с тех времён, когда Ван покинул Стэнфорд. Дом престарелых – место безрадостное. Звонки, е-мейлы, цифровые открытки на Рождество, оцифрованные фотографии малыша – вот, собственно, и всё, что связывало его с дедом Чаком. Но теперь блок спутниковой навигации привел его в совершенно неведомые края на крыльцо

частного дома-двухсемейки с наскоро оштукатуренным фасадом.

Хуже того – по местному времени было только 6.17 утра. Ван затормозил у нестриженного газона на обочине, выбрался из машины и тихонько, чтобы не разбудить дремлющих домочадцев, прихлопнул дверь. Потом потянулся. Скрюченный позвоночник хрустнул в трех местах. Перетянутые сухожилия на запястьях ныли.

Чувствуя себя нелепо и неуместно, Ван подошел к калитке. Квартира А принадлежала «С. Чану», жильцом квартиры В значился «Дж. Шринивасан». Выходило, что Ван примчался сломя голову в Калифорнию, чтобы вместо деда столкнуться с двумя иммигрантами. А другого адреса у Элмера Вандевеера не было.

Ван уныло обдумывал следующий свой шаг. На Восточном побережье уже начало девятого: можно было позвонить матери в Джорджию и спросить, не знает ли она чего-нибудь о таинственном дедовом исчезновении. С отцом Вана мать давным-давно развелась и нашла свое счастье в лице благородного южанина, дантиста по профессии, от которого ей не приходилось претерпевать несказуемого обхождения, как от Ванова отца.

Объясняться с матерью Ван никогда не любил – но телефону или без. Ван и его родительница жили в разных мирах. Ван – в своём, основательном и серьёзном, она же – в каком-то безалаберном. Даже если она старалась выслушать сына с самыми лучшими намерениями, то почему-то всегда обижалась.

Звонить отцу было совершенно немыслимо. Ван не знал не только его номера – он не знал даже, есть ли у отца телефон или дом. Они не просто не общались – им нечего было сказать друг другу.

Во всяком случае, Ван не собирался обращаться в отдел пропавших городского управления полиции. Копы начнут с того, что обратятся к базе данных Национального управления картографии, а инженер, который проектировал секретные самолёты-шпионы, пускай даже двадцать лет тому назад, не тот человек, которому позволят просто так пропасть. Начнется кавардак.

Можно было попросить о помощи Джеба. В мире федеральных баз данных Джеб знал каждую собаку. Джеб в буквальном смысле слова закладывал для них фундамент. Но Джеб будет вне себя, что его звездный протеже потерял собственного дедушку и не смог найти.

В конце концов Ван решился на взлом. Рискованно и, скорей всего, глупо, но хотя бы практично. Угрызений совести он при этом испытывал не больше, чем когда вламывался в дом к мирно дрыхнущему семейству очередного малолетнего хакера. Вставало

солнце, щебетали птицы, в округе царили тишина и покой.

Ван приоткрыл увитую бугенвиллеями ржавую железную калитку и на цыпочках прокрался по узкой, заросшей сорняками дорожке мимо влажных от росы розовых клумб. Может, найдётся незапертая дверь в этом доме? Или окно, открытое свежему калифорнийскому ветерку. Хоть какой-нибудь вход. Любая системная уязвимость, которая поможет близорукому толстеющему программисту шести футов ростом незаконно вломиться в дом к совершенно незнакомым людям. Да что он – совсем ума лишился? Каким местом он думал только что? В любой момент Ван ожидал белой вспышки датчика движения. Заполошного лая добермана. Щелчка, с каким взводят курок.

Он осторожно заглянул в зарешёченное окно через раздвинутые шторы. В квартире Шринивасанов можно было наблюдать пёстрые ковры, ширму сандалового дерева, плетёную кушетку и пышные разноцветные подушки на ней, выключенный телевизор. На дальней стене висел портрет покойного хозяина дома в рамке, обрамлённой пыльными желтыми гирляндами.

Пытаясь справиться с отчаянием, Ван протёр солнечные очки полою рубашки и пополз вдоль стены к следующему окну.

И тут он услышал голос.

Ван подлез поближе и заглянул в другое окно, замызганное и отпотевшее. Железная решётка заржавела, дешевый дюралевый подоконник погнулся. Комната за окном принадлежала ребенку – мальчишке, судя по небесно-голубому потолку и весёленьким обоям. С потолка на черных бечёвках свисал десяток запылившихся самолётиков – модельки истребителей Второй мировой: тут оскалившийся P-51 «Мустанг», там «мессершмитт» с черным крестом и алые точки на бортах «Зеро».

На столе красовался полный набор инструментов моделиста-конструктора: краски, кисточки, плоскогубцы, здоровенная лампа с увеличительным стеклом и клеевой пистолет странного вида. На угловатой стальной раме зажимами крепилась незаконченная модель.

Разговаривал леденцового цвета «макинтош». Ван недолюбливал «маки»: во-первых, потому что «Эппл» выпускал не серьёзные компьютеры, а красивые игрушки для художников, а во-вторых, потому что женский голос, которым «макинтоши» зачитывали сообщения, звучал до жути похоже на голос Дотти. Не обычный её голос, а тот, которым она, очень-очень недовольная, разъясняла мужу что-нибудь на пальцах.

«Макинтош» читал вслух текстовый файл. Вдоль стен, оклеенных выцветшими жёлтыми обоями в мелкую гоночную машинку, громоздились ряды белых каталожных ящиков. Многие

порвались по швам, роняя па иол груды чертёжных синек.

Из ванной, шаркая затёртыми розовыми тапками, вышел Элмер Вандевеер, закутанный в голубенький махровый халат. С мучительной осторожностью он опустился на хромированный табурет и щёлкнул карамельной расцветки однокнопочной «маковской» мышкой.

– Этап первый, – произнес «мак» женским голосом. – Прикрепить С-1 – приборную панель Г, и С-2 – приборную панель Я к А-1, верхней части фюзеляжа.

Дед поправил лампу, чтобы свет падал на рабочее пространство. Кусочки модели из серого пластика вытянулись густыми тенями.

Ван постучал в окно.

Без толку. Слух у старика совсем сдал. Как и зрение. От шевелюры остались редкие, нестриженые седые клочья. Тощие ноги ослабли. Могучая когда-то шея исхудала, согнулась; лицо, некогда круглое и румяное, побледнело, покрылось морщинами и печёночными пятнами. Ван смотрел не в окно, а на экран машины времени, обещавший ему мучительное будущее, полное коронарных шунтов, болей и таблеток от облысения.

Пошарив но вместительным карманам, Ван нашел лазерную указку и посветил алым лучиком в окно.

Старик заметил. Поднявшись с табурета, он проковылял к забранному решеткой окну. Ван помахал ему рукой.

Дед Чак отпер окно и потянул мокрую от росы раму. Дешевые петли заклинило. Ван поковырялся в них швейцарским складным ножом. Окно приоткрылось дюйма на полтора. Два Вандевеера уставились друг на друга через решетку.

Как ты, сынок? – спросил старик. – Неплохо, дедушка. А ты?

– Неплохо – и не больно хорошо.

Дед нахмурился. Выглядело это впечатляюще – когда-то дед был большим начальником. Он отдавал приказы и знал, что их выполнят.

– Я знаю, зачем ты приехал, сынок, – промолвил старик, прищурив выцветшие глаза под набрякшими веками. – Из-за тех «боингов», что таранили небоскрёбы.

Верно, – сознался Ван.

– Так теперь ЦРУ просит тебя вернуться, Робби? Я всегда говорил, что этим шпикам придется за тобой побегать, а?

– Я не Робби, – сорвалось у Вана с языка. Робби – мой отец. Я Ван… то есть Дерек.

У старика отвисла челюсть.

– Малыш Дерек? Сынишка Робби? Дерек-программист?

– Да, дедушка. Федералы ко мне подъезжают. Предлагают

работу в Вашингтоне.

Дед пригладил остатки волос бурой пятнистой ладонью.

– Ну тогда заходи лучше.

Ван потряс решетку. Держалась она слабо, на вбитых в штукатурку дешёвых шурупах. Пять минут работы электрической отверткой…

– Ты в дверь звонить пробовал? – терпеливо поинтересовался старик. – Госпожа Шринивасан, наверное, варит рис.

Ван отступил в беспорядке. Отряхнув росу со штанин, он позвонил в квартиру В. Открыла дородная тетка в гавайке, лиловых слаксах и резиновых шлепанцах.

– О! – воскликнула госпожа Шринивасан, окинув его взглядом. – Вы, должно быть, сын Чака. Он так много о вас рассказывал.

– Я его внук.

– Вы так на него похожи!

– Могу я поговорить с доктором Вандевеером? Это очень важно.

Хозяйка вежливо приоткрыла дверь пошире. Ван переступил через порог. На стене болтался глянцевый календарь с мультяшно красочной индусской богиней. В доме пахло благовониями, чаем «Липтон» и лавашом.

– Извините, что так… э-э… рано, пробормотал Ван.

– С ним совершенно никаких проблем, – оживленно болтала госпожа Шринивасан, проводя Вана через неопрятную гостиную. – Мы поселили его в бывшей комнате моего сына. Он бывает не в себе. Часто бывает не в себе, понимаете?

– Наслышан.

– А иногда он бывает такой упрямый… ваш дед.

Ван кивнул.

– Да уж.

– Только не позволяйте ему курить.

Госпожа Шринавасан выбрала ключ из связки, хранившейся на ее объёмистом бюсте, и отперла дверь.

В дедовой комнате пахло как на заводе пластиковых тарелок. Для сборки моделей старик пользовался горячим клеем – жутко вонючим. Хуже того, как-то раз он исхитрился поджечь матрас. На деревянной раме узкой кровати под смятыми простынями просматривался длинный обгорелый шрам.

Ван стиснул деда в объятиях. Старик похудел, сгорбился, обмяк от дряхлости.

– Малыш Дерек, – прохрипел он.

– Я сына привез, дедушка. Твоего правнука. Его зовут Тед. Он в машине, на улице.

– Ого. – Старик мирно взирал на него.

– Дед, мне нужен твой совет.

– Мой, значит, совет? Ну ладушки. – Старик примостился на своем табурете и с явным мучительным усилием положил ногу на ногу. – Выкладывай.

– Ты видел, что случилось в Нью-Йорке? И в Пентагоне.

– Я слушал по телевизору речь президента, – ответил старик, оживляясь. – Мальчишка молодец! Не то что его папаша! Старший Джордж Буш – он, бывало, заглядывал к нам в Пятьдесят первую зону, когда мы запускали «Дроздов». Это ещё когда он на компанию работал. «Пятьдесят тысяч долларов в час!» – кричал. Никакой фантазии! Счетовод! «Дрозд» мог из любой точки планеты в любой момент принести аэрофотоснимки! Высокого разрешения, каждый кадр – как простыня!

– Здорово.

– И ни единого пилота не потеряли!

– Точно.

– Из первых десяти пилотов «Дрозда» девять дослужились до генералов ВВС!

– Не спорю, дед.

– Шпионские фотографии – прямо на «кодак» снимали, каждый кадр размером со скатерть! И всего горстка самолётов. Каждый вручную собирали здесь, в Бербанке!

Вану даже ответить было нечего. От усталости его пробила мерзкая дрожь. Он присел на край зловонной стариковской постели. Та хрустнула под ним, выбросив в лучи рассвета облако пыли.

– Он титановый! – Старик потряс клеевым пистолетом – огромным, блестящим, раздутым. Из короба торчали стабилизаторы, точно на бластере Флеша Гордона.

Ван навострил уши.

– Титановый?

Дед торопливо упрятал титановый бластер в ящик стола, но забыл выдернуть из розетки, отчего ярко-красный шнур, протянувшийся от стола к стене, превратился в готовый силок.

– Робби, если я ляпну что-нибудь такое, о чём болтать не стоит, ты лучше забудь. Ладно? Просто обо всём забудь. – Старик обвел взмахом руки горы коробок вдоль стен. – И на это всё не гляди.

Ван поглядел.

– А что?

– Они приказали нам уничтожить все бумаги. Избавиться от документации. – Боль в глазах старика была ещё свежа. – Вот что самое скверное, Робби: когда политики заставляют тебя жечь твои

чёртовы бумаги. – Он окинул взглядом оплывшие баррикады коробок. – Д-21, вот что это такое. Крылатая ракета, которую мы создали в шестьдесят третьем. Старина Келли Джонсон хранил все эти коробки у себя в гараже, в Аламеде. Полагалось их все сжечь. До последней синьки. В Аламеде-то! Да нас бы штрафанули – *загрязнение воздуха!* – Старик хрипло захихикал. – Нельзя же нарушать федеральные законы, правда? Экологи дымом подавятся! Старину Келли закатали бы в Ливенворт! Ха-ха-ха!

– А зачем уничтожать документацию? – напомнил ему Ван.

– Чтобы мы не смогли вытащить из нафталина Д-двадцать первые, когда в Белом доме сменятся хозяева. Сничтожить документацию, сынок, – это единственный способ убить секретную федеральную программу так, чтобы она из гроба не встала. Мы построили крылатую ракету за двадцать пять лет до е ё эпохи. Полсотни инженеров из «Локхида» и сотня рабочих в мастерской. Собственными руками отладили птичку. Четыре раза запускали над красным Китаем. На скорости в три Маха[14]. Китайцы даже не почесались.

– И сработало?

– Радарная сигнатура – меньше, чем шарик для пинг-понга…

Старик внезапно потерял интерес к разговору. Он пошарил по халату в поисках нагрудного кармана, которого там не было. Ван узнал этот жест. Деду не хватало зажигалки и сигареты в руке. Курить он бросил двадцать лет назад.

– Всё заставят сжечь, ворчал он, продолжая поиски. – А потом дают за это медаль, которой нельзя похвастаться. Как там называются эти новые карикатуры? То есть комиксы. Смешные такие. Про инженеров.

До Вана дошло.

– «Дилберт»?

– Точно, эти самые! – Старик дошаркал до шкафчика, приоткрыл кривую фанерную дверцу – та скрипнула – и пошарил в груде одинаковых поло. Карманов, конечно, не было ни на одном. – Старина Дилберт. Так вот – в «шарашке» дилбертов не бывает. Потому что Келли Джонсон семи секунд не потерпел бы рядом идиота. Когда Келли открывал рот, генералы ВВС прятались по бункерам – плакаться в тр ё хпроцентное пиво.

Дед Чак вытащил из шкафа рубашку и пару широких обвислых спортивных штанов. Потом осторожно присел на край узкой, вонючей койки и с ужасающей натугой надел, в конце концов, штаны – сначала одну ногу пропихал в штанину, потом другую. Колени его мучительно дрожали. Спина не сгибалась. Вану хотелось как-то помочь, но было в этой сцене что-то

неприкасаемо интимное.

– Дед, федералы хотят меня загрести в этакую «кибершарашку». Крошечную. Очень секретную. Настоящая элита.

– Бюджет у них приличный.

– Ну, так они меня уверяют.

Соглашайся, – посоветовал дед, поправляя растянутую резинку па тощих бедрах. – Сынок, никогда не узнаешь, на что ты способен, пока не побывал в «шарашке». Если не облажаешься, «шарашка» поднимет тебя до небес. Настоящие новинки, сынок, прорывы в инженерном деле. Такие, что ни один конкурент не поверит. Такие, что конгресс, и тот не поверит. – Старик скинул халат и замер, полураздетый, ощупывая воротник рубашки. – Только враг тебе поверит. Враги – они такие, доверчивые. Мы им даже программу «Звездных войн» впарили.

Ван никогда раньше не работал напрямую на правительство. Консультации давал пару раз – в качестве услуги Джебу и его приятелям. Но никаких официальных постов и, уж конечно, никаких денег. Пойти на работу к федералам с окладом и фиксированным рабочим временем было для него серьёзной морально-этической проблемой. Кроме того, платили федералы скверно. Если он перейдет в контору к Джебу, они с Дотти потеряют уйму денег.

– Мне придется уйти с нынешней работы. «Мондиаль» – прекрасная компания. Они строят будущее…

– Сынок… твоя страна просит помощи. Ты справишься.

Ван поразмыслил над его словами. Программиста удивило, что дед сомневается в его способностях. В общении с вашингтонскими аборигенами он себя чувствовал не слишком уверенно, но твёрдо знал, что в пределах специальности у него соперников немного.

– Справлюсь. Если кто и справится, то я.

– Кто начальником будет? Человек он хороший?

– Ну… это новая контора при… э-э… Совете по национальной безопасности. Группа советников СНБ и ещё один парень. Тот, который меня приглашает.

– Ты работаешь на самого президента?!

– Да, пожалуй… наверное. – Ван сморгнул. – Это всё софт.

Старик приладил на место отпавшую челюсть.

– Привыкнешь, сынок! Это расширит твой кругозор. Пойдет на пользу. Компьютерщики – все узкие специалисты. – Оплетенные венами пальцы свернулись в узловатый тяжелый комок. – А человек не должен слишком специализироваться.

Он перевел дух и, уставившись на стену незрячими глазами, прочитал по памяти:

– «Человек должен уметь: менять пеленки, спланировать десант, зарезать свинью, построить дом, написать сонет, вправить вывих, утешить умирающего, исполнять приказы, отдавать приказы, решать уравнения, ворочать навоз, составить программу, приготовить обед, сражаться умело и умирать достойно. Специализация – для насекомых».

– Кто это сказал? – поинтересовался впечатленный Ван.

– Великий американский писатель. Роберт Энсон Хайнлайн. – Старик слезящимися глазами уставился на светящийся экран «макинтоша». – Сейчас не выпускают его электронные книги? Что-нибудь такое, чтобы эта машинка мне их могла читать вслух. Я уже не справляюсь с мелким шрифтом.

– Я тебе достану, дед, – обещал Ван.

– Я пытался заставить Келли Джонсона почитать Хайнлайна, но Келли ничего после своих том-свифтовских книжек не читал. «Том Свифт и его аэроплан». – Старик фыркнул. – Келли Джонсон в двенадцать лет решил, что будет строить самолёты.

Двенадцать лет, подумал про себя Ван. Ему исполнилось двенадцать в 1981 году. Вану стукнуло одиннадцать, когда отец притащил домой его первый «коммодор» – Vic-20. В двенадцать лет он перебрал компьютер по деталям.

– Сынок, – прохрипел дед, – если возьмёшься работать на федералов, тебе и правда пригодится совет. Точно тебе скажу. И я тебе могу посоветовать кое-что полезное. Как правильно организовать «шарашку». Этому делу если раз научишься, то уже не забудешь. – Старик просветлел лицом, будто враз сбросил не один десяток лет. – Правильно – это так, чтобы получить результат. Ты меня слушаешь, сынок?

Ван с серьёзным видом кивнул.

– Вот тебе простые вещи. Принципы. «Слушай» – вот первый принцип. Важней слушать своих сотрудников, чем ими распоряжаться. «Решай» – вот второй. Когда надо принять решение, делай это. Верное, неверное – потом разберёшься. А третий – «верь». Никогда не пытайся построить штуку, в которую не веришь. Потому что иначе, когда тебе урежут бюджет – а его урежут, – ты не сможешь с честными глазами послать ублюдков ко всем чертям.

– Это точно, – с признательностью заметил Ван. – Чистая правда.

– Сынок, государственные программы – они как люди. Они с возрастом в маразм впадают. Коснеют. Для «шарашки» это не годится. Надо работать быстро, тихо и вовремя. Три принципа у нас уже было – вот тебе три правила.

– Понял.

– Когда я говорю «быстро», это значит – в тесном кругу. Маленькая компания, лучшие спецы, и никого больше. В пятьдесят раз меньше народу, чем в обычной компании. Никаких длинных отчетов. Никогда не читай длинных отчетов. А того, кто такой напишет, увольняй сразу. Никаких долгих совещаний. Надо, чтобы все работали одной командой, не отвлекаясь, только над проектом. Инструментов из рук не выпускать, от самолёта не отходить. Держаться проектного задания и не отступать. Только так можно добиться результата.

– Мне записать?

– Ты слушай внимательно, твою растак! Хорошие парни полжизни угробили, чтобы это узнать! Старик задохнулся. – Когда я говорю «тихо», это значит – без болтовни. Никогда не хвастайся тем, что делаешь. Никогда. Делай свое дело и не требуй признания. Если никто не знает, кто ты, никто и не проведает, чем ты занимался. Кроме врага, конечно. Дед расхихикался снова и закашлялся. – Русские спутники каждый день пересчитывали автомобили у нас на стоянке! Эти московские шпионы больше знали о моей работе, чем моя семья!

Наступила мучительная пауза. Так долго и откровенно Ван никогда прежде с дедом о работе не беседовал. Конечно, он с детства знал, что дед строит самолёты, но детали всегда заволакивало фамильное молчание Вандевееров.

Ван разглядывал желтые обои. Бумага отклеивалась от стены и рвалась.

– Моя вторая жена, правда, знала о моей работе, добавил старик, будто защищаясь. – Но Анджела была моей секретаршей! И третья жена – тоже. Ну, Дорис была не совсем секретарша… Дорис была агентом «Нортропа» по найму. – Старик вздохнул. – Не надо мне было переходить в «Нортроп», но кресло начальника «шарашки» забил за собой Бен Рич, а строить гражданские дозвуковики у меня никаких сил не было.

– Ты говорил про «вовремя», – напомнил Ван.

– Точно! Ты прав. Надо всё делать вовремя. Надо подключаться к работе, покуда у всех глаза горят! Прежде чем начнется бюрократия и за каждый цент станешь драться насмерть! Самое трудное – правильно время рассчитать, сынок. Надо знать, когда браться за работу. И знать, когда уходить.

Старик натянул наконец рубашку на костлявые плечи. От статического электричества редкие волосы его встали дыбом, точно пух одуванчика.

– Я-то выбрался. Отвертелся наконец. А надо было уходить раньше.

– Почему, дед?

– Это всё бухгалтерия. – Старик с омерзением сделал вид, будто считает банкноты. – Бухгалтерии ремонт не нужен, сынок. Этот японский министрик и его чёрные деньги… после той истории «Локхид» уже не оправился. Как только бухгалтерия победила – кончилась «шарашка». Когда деньги берут верх над техникой, всему конец, сынок. Когда деньги берут верх над техникой – всё, остались только хром и обтекатели.

Вана кольнуло сочувствие. Ему было семь лет, когда прогремел скандал со взятками в «Локхиде». Если бы не дедово отчаяние, Ван и не вспомнил бы о том случае – всего лишь полузабытый позор эпохи Уотергейта.

Но позднее эта история всплыла перед ним ещё раз – когда японец из «ДоКоМо»[15] пытался объяснить ему, почему у Японии возникло столько проблем. Почему Япония, страна лучших в мире инженеров и самых крутых гаджетов, провалилась в черную дыру. В восьмидесятых казалось, что японцы будут править миром. В девяностых уже не казалось.

Ван как-то сразу решил для себя, что мир оборонных контрактов живет коррупцией. Трудно развеивать несуществующие иллюзии. По счастью, сам он обитал в мире компьютеров и телекоммуникаций. Совсем в другом мире.

– Ну вот… – пробормотал старик. – Это всё, сынок. Всё, что тебе нужно знать. Теперь можешь ехать домой и выпить за здоровье.

Дед рассеянно перебрался поближе к столу и споткнулся о натянутый между ящиком и розеткой красный провод. С удивлением вытащил сверкающий клеевой пистолет и осторожно примостил на столешнице.

– Ты только глянь на это чудо, – промолвил он. – Дед, я уже видел паяльные пистолеты.

– Такого ты ещё не видал, малыш. Мне его сварганили ребята из Бербанка, когда мы отожгли швы на корпусе «Дрозда». А корпус мы варили из листового титана – на трех Махах обшивку греет так, что свинец плавится! – Он потряс пистолетом. – Давай покажу.

Ван с ужасом заметил, что дешевая розетка уже пожелтела и начала оплавляться.

– Дед, не стоит плавить свинец в этой штуке.

– Да ну, она любой припой берет, без проблем. Дед зашарил в ящике стола, перебирая пыльный мусор.

– Дед, дай мне эту штуку!

– Для тебя она слишком старая. Мне ее ребята спаяли в шестьдесят третьем. Именной суперблaстер Чака Вандевеера! – Он восторженно ухмыльнулся. – Чертовски славная вышла шутка.

Хорошие были ребята, веселые.

– Дед, я куплю тебе в универмаге новый.

– А этот я тебе не отдам. Он мой. Тебе правда нужен паяльный пистолет, малыш? Зачем?

На это Вану ответить было нечего. Старик прищурился.

– Не можешь рассказать? Секретно? Это всё электроника.

– М-м… ну да.

– Там сплошная пайка. Лампы, всё такое.

– Точно! – подхватил Ван. – Сплошная.

– Тогда забирай его, Дерек, сынок. Оставь у себя, покуда будет нужен.

– Спасибо большое!

Ван торопливо выдернул паяльный пистолет из розетки и, пошуршав липучками, уложил опасное устройство в самый большой карман. По крайней мере, дом не сгорит.

– Дед, – он обвел комнату свободной рукой, – как ты здесь оказался?

– Прячусь я тут, вот что! С тех пор, как выбрался из дурдома! – Дед Чак постучал по обтянутому пергаментом лбу. – Старик Келли – вот кто не умел вовремя рвать когти! Склероз его скрутил, вот в чём была его беда… Я же помню, как он валялся на больничной койке, почти парализованный, и честил Аллена Даллеса – это когда Даллес уже помер давно… Совсем из ума выжил! А вот малыш Шрини… Он ещё мальчишка, конечно, Шрини-то, но неплохой инженер, из лучших моих ребят… Вот, компьютер мне починил, теперь читает вслух инструкции… Нарасхват сейчас парень идет, занятой весь из себя… Это его комната.

– Самолёты он любит, – заметил Ван.

– Знаешь, я плачу его матушке за стол и кров. Она нынче вдова… Семейные ценности, дело серьёзное. – Старик вновь обернулся к столу, в безропотном смятении взирая на груду пластмассовых деталек. – Вот это… это Р-38, «Лайтнинг». Первая, классическая модель Келли Джонсона. «Лайтнинги» сбили адмирала Ямамото. – Он постучал по фюзеляжу механическим карандашом. Вот тебе и Перл-Харбор – так-то, адмирал? Добро пожаловать в ад!

Зазвонил один из телефонов. Ван запустил руку в карман.

– Вандевеер слушает.

– Где мы?! – донесся из трубки жалобный вопль. Хельга. – Где вы?

– Мы уже приехали. Это Бербанк.

– На улице ни души! Я всюду смотрела! Мне страшно! Почему телефоны так плохо работают? Я всё время забываю,

какой код нужно набирать…

– Я сейчас за вами приду, – пообещал Ван.

– А Диснейленд где-то недалеко?

– Хельга, я сейчас за вами выйду!

Ван вышел из комнаты. Дед, удивленно моргая, последовал за ним, по-стариковски волоча босые ноги.

– Над «Лайтнингами» я поработать не успел, – бормотал он, разводя руками. – Это ещё до меня было. Но у тебя ещё всё впереди! Это твой Перл-Харбор! – Он оскалил неровные зубы. – Чёрт, как я проголодался.

В гостиной дед Чак деловито свернул не в ту сторону и поспешил к входной двери. Он уцепился за круглую медную ручку – пальцы соскальзывали. Щелкнул замок, но дешевая латунная задвижка под притолокой удерживала дверь на месте. Задвижки дед так и не заметил – ему в голову не пришло поднять голову. Он только царапал гладкий медный шар, раздраженно бурча, а Ван в отчаянии взирал на него. В конце концов старик сдался.

– Ну, так как насчет завтрака, сынок? – спросил он с напускной бодростью.

Ван поплелся за ним в кухню. Там уже ждала тихая вежливая госпожа Шринивасан. Она насыпала старику отрубных хлопьев в стальную миску, залила молоком, подала большую резную ложку. Старик хмуро уставился на хозяйку через ламинатный стол.

– Телевизор! – потребовал он. Индианка покорно щелкнула пультом.

Ван сбегал за Хельгой. Та при виде его разразилась от облегчения нервной болтовней. Ван терпел. Он замечал, что рослая, фигуристая, сентиментальная Хельга многим мужчинам кажется сексуальной, но никогда не мог понять, почему. Девушка была совершенно не в его вкусе и не привлекала ни капли. Ван был доволен, что молодая шведка ловко обращается с ребенком, по общество ее возбуждало его не больше, чем компания ручной ламы.

Когда он привел ее в квартиру, Хельга с госпожой Шринивасан уставились друг на друга так, словно прибыли в Калифорнию не из Индии и Швеции, а с Венеры и Юпитера. Обе казались Вану милыми или, по крайней мере, приличными женщинами, но установить контакт у них как-то не получалось. Друг с другом они общались через Вана: «Спросите вашу блондинку, не хочет ли она присесть», «Спросите эту милую даму, где у нее тут ванная, ну, то есть уборная». Старик в раздражении прибавил громкости. Утренние новости надрывались, рассказывая о войне и ужасе, бумажных полотенцах и таблетках от головной

боли, самоубийстве и мести.

Затрезвонил телефон. Звонил сосед – мистер Чан. Мистера Чана удивил шум поутру. Он спрашивал, не грабят ли его соседку. Похоже было, что госпожа Шринивасан, вдова со стариком на руках, во всем полагалась на мистера Чана, китайского зеленщика в отставке.

Пришлось пригласить и мистера Чана. Тот пришел – невысокий, седой и сгорбленный, в натянутых до подмышек штанах. Мистер Чан окинул взглядом гостей, уселся среди пышных подушек на плетёной кушетке госпожи Шринивасан и принялся сворачивать самокрутку. Делал он это так сладострастно и тщательно, что становилось ясно – курение поглощало всё его свободное время.

Госпожа Шринивасан заварила зеленый чай.

В кармане у Вана зазвонил другой телефон – проснулась Дотти. Они с малышом тоже зашли в дом. Явление малыша Теда вывело деда Чака из хандры. Ван помог старику пересесть на плетёную кушетку и устроил малыша на тощем колене. Вместе двое Вандевееров смотрелись, точно на открытке. Даже мистер Чан улыбнулся поневоле. Ван едва не онемел от неожиданного сходства между правнуком и прадедом: такие же круглые щеки, такой рассеянный взгляд прищуренных серых глаз.

Дотти отобрала Теда у старика, пока испуг малыша не перерос в плач. Используя ребенка в качестве кирки, она быстро расколола лед между Хельгой и госпожой Шринивасан. Очень скоро все трое уже квохтали над малышом счастливым интернациональным курятником. В животе у Вана заурчало. Настроение портилось стремительно. Программист понял, что хочет жрать.

Было очевидно, что прокормить такую ораву незваных гостей госпоже Шринивасан не под силу.

– «Кентукки фрайд чикен»? – предположил Ван. Прозрение его встречено было всеобщим согласием.

Госпожа Шринивасан была вегетарианкой, но только не по праздникам. Для мистера Чана после краснокитайской культурной революции жареная курица являла собою вершину роскоши. Хельга обожала американский фаст-фуд. А дед и Тед могли обсасывать косточки.

Ван съездил за «семейной» коробкой особо прожаренных ножек. Забираться в машину снова, хоть бы ради того, чтобы проехать пару кварталов, было всё равно что расчёсывать солнечный ожог.

Когда Ван вернулся в дом госпожи Шринивасан, оказалось, что прибыли ещё двое гостей. Смуглая женщина средних лет в

строгом черном брючном костюме и защитного цвета куртке с капюшоном. И немолодой солидный мужчина в дизайнерских джинсах, с золотой серьгой в ухе и седеющим «хвостом» светлых волос.

Это был отец Вана.

Наступила тишина.

– «Кентукки фрайд чикен»? – спросил в конце концов отец.

– Э… да, пап.

– На завтрак?

– Угу.

Ван демонстративно поместил картонку в центр стола. Отец набрал побольше воздуха в грудь и выдал цитату:

– Позвольте мне прописывать стране диету; кто пишет её законы, мне безразлично[16].

Вана охватило знакомое отчаяние. Ну почему отец всегда так себя ведет? Почему не может сказать прямо, что думает? Почему должен был добыть из дальних закоулков хипповского черепа очередную нелепую, бессмысленную, околополитическую цитату? Роберт Вандевеер был когда-то стипендиатом Родса[17]. Губительно одаренный, он был в буквальном смысле единственным человеком в мире, владевшим одновременно языками пушту и банту. И единственным знакомым Вану человеком, использовавшим в устной речи отчетливо слышимую точку с занятой.

Ван мрачно глянул на отца. Тот выглядел скверно: лихой, щеголеватый, абсолютно ненадежный. Но не так скверно, как обычно. Например, он был трезв.

Отец блеснул короткой, весёлой («Папа пришел, всё хорошо») улыбкой, улыбкой тонкой, ломкой и прозрачной, как целлофан. Как отец прознал, что Ван в Калифорнии? Как подгадал время? Без единого слова, звонка, е-мейла – даже разрешения не спросил! Невозможный человек.

– Скорее ранний обед, – милосердно вмешалась Дотти.

В редкие минуты встреч с непредсказуемым свёкром Дотти обожала играть роль миротворицы.

– Пахнет вкусно! – провозгласила Хельга, жадно зарывшись в картонку с куриными ногами.

Все разом сгрудились вокруг стола, занятые веселой болтовней, – все, кроме потерявшего аппетит Вана. Пытаясь скрыть замешательство и обиду, он передал особо прожаренную ногу деду – тот стоял посреди толпы, усталый, недоумевающий, всеми забытый.

Ван никак не мог понять, почему его личными, щекотливыми проблемами занимаются шведы, индусы и китайцы. Все были

вроде бы довольны жареной курицей… но как он вообще попал в этакий переплет?

– Сынок – это Рейчел Вейсман, – представил отец свою новую подружку.

– Привет, – неохотно проронил Ван.

Рейчел изобразила полукниксен, пытаясь достать из картонки куриную ногу. Бедро ее как-то странно гнулось.

– А вы из каких мест? – поинтересовалась Дотти.

– Из Боготы, – соврала Рейчел. – Я нефтяник.

– Мы с Рейчел купили прекрасную *residencia* к северу от города, – усугубил отец.

Дотти прищурилась.

– Роберт, так вы теперь перебрались в Колумбию? Насовсем?

– Всё не так страшно, как пишут в газетах. «Природа каждое время года одаряет собственной красотой»[18].

Отец бросил на Рейчел ласковый ободряющий взгляд. Похоже было, что его спутница в опасности ещё большей, чем предполагал Ван.

Рейчел, как заключил Ван, была явно еврейкой, а никак уж не колумбийкой. Даже отец, светловолосый и плечистый, больше нее походил на латиноамериканца. Роберт Вандевеер был сложен точно медведь, но, ещё прежде чем он поступил на работу в ЦРУ, в нем затаилась какая-то странная гнильца. Но только когда его загнали в отдел по борьбе с наркотиками, этот тупик карьеры разведчика, гордость его не выдержала.

В восьмидесятые годы Афганистан его слегка взбодрил: он вновь приобрел форму, слегка подлатал свой брак и даже вывез Вана в поход и на рыбалку в горы Калифорнии. Но в Анголе он отчудил нечто совсем уже неописуемое. Обыкновенно ЦРУ не направляло лучших своих агентов в страны третьего мира на задания, грозящие малярией и чреватые поносом, но отец Вана был очаровашка. У него наличествовал особый талант загонять себя в ситуации, где его присутствие было неприятным, нежеланным, ненужным и больно умным.

В Анголе отец пересек какую-то невидимую черту и уже не смог выбраться назад в мир здравомыслия. Что-то елейно подлое осталось в нем навсегда. Из Анголы он вернулся с глазами, немигающими, как блюдца, всё чаще цитировал поэтов… Кошмары детства возвращались к Вану: когда мать визжала от тоски, а отец влетал в кабинет и запирался там, чтобы нюхать кокаин и переводить Уолта Уитмена на африканские языки. В эти часы Ван тихонько закрывал дверь своей комнаты, запускал модем и погружался глубоко-глубоко, в самые недра программного кода. В каком-то смысле он так оттуда и не вылез.

Дотти болтала за всю компанию. Губы ее шевелились, покуда Ван стоял, погруженный в безмолвные раздумья. Только сейчас он понял, о чём именно говорит жена. В машине у нее было много времени, чтобы поразмыслить, и она приняла смелое решение. Дотти собиралась бросить лабораторию в Бостоне и заняться совершенно новым проектом.

– Так что, если Дерека ждет другая карьера, для меня сейчас самое время сменить место, – доверительно сообщила она всем.

– Ммм-ммм!

Отец невыразительно закивал.

– Это постоянно открытое предложение. Потому что Тони Кэрью… слышали о Тони Кэрью? Он единственный наш по-настоящему знаменитый знакомый. Давосский форум, конференция «Возрождение»…

– Наслышана, безусловно! – заметила Рейчел, впервые проявив интерес к окружающему миру.

– Понимаю, – проговорил отец. – Вот как, Дерек? Тони, должно быть, твой добрый друг, который работает на Томаса Дефанти?

Ван сообразил, что от него ждут ответа.

– Вроде того.

– А вы встречались с самим Томасом Дефанти, доктор Вандевеер? – ввинтилась в разговор Рейчел.

– Да, – хором отозвались Ван и Дотти: на «доктора Вандевеера» откликались оба.

– Это будет мое новое место работы, – сообщила Дотти. – Один из фондов Томаса Дефанти финансирует обсерваторию в Колорадо. Он всегда поддерживал прикладную астрономию.

Это очень было похоже на Дотти, с тоской подумал Ван. Если уж он решил разрушить установившийся между ними хрупкий, призрачный статус-кво, она не станет с ним спорить. Она поддержит мужа безоговорочно и тем разрушит их семейную жизнь ещё быстрее. Неужели Дотти переберется из Бостона в Скалистые горы, в то время как Ван переедет из Нью-Джерси в Вашингтон, чтобы работать на контору Джеба? Тогда их совместное бытие сойдет к нулю.

Останутся только е-мейлы.

Довольная Хельга жадно обгладывала куриное бедро. Она ещё не понимала, что скоро – очень скоро – Вану придется её уволить. Ему негде было теперь поселить няньку. Меблированная комната в мервинстерском особняке отошла в историю.

Ван вытащил из картонки кусок курицы и мрачно впился в него зубами.

Под женскую жизнерадостную болтовню он молча обсосал

косточку, отправил её в мусорник и вышел к машине. Отщелкнув багажник, он вытащил телефон «Иридиум» – огромный и тяжелый, точно кирпич. До сих пор ему не выдавалось случая поговорить по «Иридиуму»: мало того что телефоны были неудобны и дороги, так ещё и не работали в помещении. Компания спутниковой связи обанкротилась в свое время, но в последний момент её новых владельцев спасло министерство обороны США. Армия осознала вдруг, как удобно иметь под рукой систему связи, которая работает в захолустье вроде Афганистана. Сейчас Вану предстояло воспользоваться системой в первый раз. Судьбоносное решение – например, принять предложение Джеба – стоило нелепых сателлитных тарифов в два доллара за минуту разговора.

Отец выбежал за ним следом.

– Я знаю, что тебя заманивают в Вашингтон, сынок! Но ты не обязан соглашаться. Оно того не стоит! – с обезоруживающей искренностью выпалил он.

Ван по-мальчишечьи стеснительно пожал плечами.

– Подумай лучше. Что ты с этого будешь иметь? Открытку к Рождеству от Генри Киссинджера? Сынок, я знаю людей из «Аль-Каеды». Лично. Это ничтожества. На них обращают внимание, только когда они взрывают вместе с собой наши самолёты и дома. «Аль-Каеда» ничего не может построить. Ничего не изобретёт. А ты можешь, сыпок. Ты строитель, ты изобретатель. Такие, как ты, превращают в ничтожества таких, как они.

– Слушай, пап, я всего лишь пишу софт. Не надо лишней философии. Я никого не собираюсь убивать. Но информационная безопасность – это действительно важно. Ван жалобно вздохнул. – Это просто кошмар. Ты не представляешь, что это такое – администрировать большую сеть. Пока не попробуешь – не узнаешь. Нормальному человеку невозможно представить, какой там бардак. Там от рождения века порядок не наводили.

На пороге квартиры показался дед. Приглядеть за ним было некому. Старик деловито зашагал в сторону перекрестка.

– Это к любой организации относится, сынок, настаивал отец. – Я бы тебя с Олдричем Эймсом познакомил, кабы он уже в тюрьме не сидел. Этот сукин сын – просто пример тому, как рыба гниет с головы. – Отец застонал. – Эймс продал все наши источники в России. И никто в конгрессе этого даже не заметил, вообще не заметил! Наши парни умирали, и никто этого не видел.

– Пап, а какие-то пацаны из Канады рушат Интернет на спор. Так тоже не пойдет.

Оба разом перевели взгляд на деда.

– Да я только за пачкой «Мальборо»! – возмутился старик.

– Я хочу, чтобы ты был счастлив, сынок, – не унимался отец, решительно подхватив деда Чака под костлявый локоть. – У тебя уже всё есть, Дерек. Прекрасная карьера, вся жизнь впереди. Твоя девочка тебя обожает, у вас чудесный малыш. Ты понимаешь хоть, чем рискуешь? Тем, чего уже не вернуть.

– Пап, мне не отделаться так легко. Я нужен этим людям. Потому что я могу им помочь. Все остальные уже облажались.

– Дерек, если ты перейдешь на работу в Вашингтон, те, кто всего лишь облажался, станут тебе лучшими корешами и боевыми товарищами. Потому что приходить к тебе станут такие сволочи, что ты и представить не в силах, с такими вопросами, что волосы дыбом встают. А тебе нет надобности опускаться на их уровень.

– Есть надобность, папа, есть! Я знаю, что могу что-то сделать, и я должен попытаться. Если никто не попробует хотя бы привести Интернет в порядок, будущее просто…

Ван осекся. Для него это была слишком длинная речь, и отец не понимал в ней ни слова. Отец воспринимал Вана как мягкотелого мечтателя из поколения счастливчиков, любимцев фортуны. Ван не знал, злиться ему или пожалеть родителя, поэтому чувство его охватило то же самое, что всегда преследовало его рядом с отцом, – мучительное смятение.

– Интернет превращается в ад! – заорал он. – В кошмарную помойку! Где каждая приличная компания разоряется за год. Вирусы и трояны повсюду. Судебные иски, куда ни глянь. Где психи из худших уголков земли пытаются надрать тебя на бабки или продать порнуху или наркоту…

Отец с тревогой покосился на него. Дед недоуменно поглядывал на рассвирепевшего внука. Даже самому себе Ван показался нелепым истериком. С какой дури он взялся выкладывать наихудший сценарий эволюции кибермира? Не надо было открывать рот, понял он. Не надо было разрушать их драгоценные старомодные идеалы.

В мире таились ужасы превыше их скудного понятия.

ГЛАВА 4

Чечня, ноябрь 2001 года

Американские агенты в Чечне маскировались всё лучше. Но своими они на Северном Кавказе не станут никогда. У них не было вшей, и от них не воняло.

На голом скалистом уступе Полковник лежал вместе с американцем по фамилии Икота: лежал так близко, что это напоминало любовные объятия. Черная ушанка и мятая полевая форма советской армии на американце помогали ему выглядеть привычно среди местных жителей. Но зубы его сверкали неестественной белизной сквозь седеющую бородку, а лицо было неприлично чистым. Шелковистое альпинистское белье грело драгоценную шкуру американца от лодыжек до запястий. Носки у него были целые и крепкие. А поверх них – *прокладки.* Тонкие мешочки, волшебным образом предотвращавшие мучительную гниль «траншейной стопы». Как гондоны на ногах.

От самого Полковника сильно несло потом, страхом, скукой, перегаром и «беломором», но весь этот букет совершенно терялся в непереносимой вони гниющей полутуши ишака. Вокруг этого уязвимого участка чеченской «трубы» стычки случались постоянно. Неглубокая пещера, в которой скрывались Полковник с Икотой, обыкновенно служила убежищем бандитам, так что пролетающие мимо федеральные вертолеты регулярно по ней отстреливались. Время от времени под удар «громовой палки» подворачивался контрабандистский ишак.

Сегодня они с Икотой будут убивать чичей. Не всех, конечно. Ровно столько, чтобы доказать хозяевам американца, что идея работает. Во всём мире не хватило бы солдат, чтобы на всём протяжении охранять все трубопроводы мира от всех воров, саботажников и вандалов. Эту задачу следовало как-то перепоручить машинам – ведь трубопроводы служили артериями для всех машин планеты. Воры, точно комарьё, научились прокалывать нефтеносные сосуды и питаться их содержимым. Машинам в ответ следовало научиться находить, преследовать и убивать.

Икота сунул Полковнику тяжелый, как кирпич, спутниковый телефон.

– И снова здравствуй, Алексей, – прощебетал телефон по-русски.

– Привет, красавица, – отозвался Полковник, тут же повеселев.

Ему уже не казалось странным, что приходится по спутниковому телефону общаться с незнакомой женщиной в Бетесде, штат Мэриленд, только ради того, чтобы переговорить с Икотой. Но американец знал по-русски не больше дюжины слов, зато был человеком практичным. Если он не мог потащить переводчицу за собой на поле боя, он ей просто позвонит.

– Мы так близко сошлись, милочка, и так быстро, – заметил Полковник. – Но, как понимаю, вскоре мы расстаёмся?

– Мне тоже жаль, но… такая работа, Алёшенька.

Икота расстегнул пятнистый рюкзак и вытащил оттуда изумительную снайперскую винтовку: сплошь углеволокно и глянцевый белый стеклопластик. Потом протявкал что-то в телефонную трубку.

Полковник снова приложил трубку к уху.

– Уйма всякой технической фигни про его большую пушку, – пояснила женщина. – Тебе это интересно? Переводить?

Икота явно был бывшим военным – у него остался взгляд солдата, – но официально считался гражданским консультантом. На памяти Полковника Икота впервые взялся за оружие: винтовку пятидесятого калибра западного спецпроизводства. С такими игрушками ходят изнеженные спецназовцы. Которым, в отличие от русских солдат в Чечне, не приходится каждый день валяться в грязи и крови, убивая мусульманских террористов.

– Красавица, только если тебе это интересно. Ты мне и скажи – хороша ли его ба-альшая пушка?

– В постели, что ли? В постели он ве-ли-ко-ле-пен, – спокойно отозвалась переводчица: американка, бесстыдная совершенно. Полковнику это очень нравилось. С непривычки.

– Накачанный парень и на лицо не урод, – согласился Полковник. – И зубы у твоего Икоты белые.

– Его фамилия не Икота, а Хикок. Майкл Хикок.

Полковник попробовал оба варианта на вкус: Икота, Хикок – какая, к чертям, разница? И кому какое дело, если они общаются только через переводчика? Странные вещи порой тревожат женщин.

– Он тебя хоть любит-то? – спросил Полковник. – Не один ли ему хрен?

– Любит? – грустно переспросила переводчица. – Да он не знает даже, что это такое. Только и слышу от него: «Счастливо оставаться». Зато покупает мне дешевое бельё с кружавчиками.

– Господи ты боже мой, как так вышло, что люди разучились любить? Куда катится мир? – промолвил Полковник, садясь на любимого конька. – А раз уж это последняя возможность с тобой поговорить, могу я попросить твоего мудрого совета по личному

делу? Я должен решить, что делать с Наташкой.

– Не меня об этом спрашивать надо, Лёша. Несчастливая я.

– Если я оставлю Наталью здесь, «чехи» ее шлёпнут, потому что она со мной спала. Если отвезу ее домой в Питер, её убьют, потому что она «чёрная». Если мы оба останемся здесь, на Кавказе, рано или поздно нас убьют обоих. Я уже не говорю о моей жене! Ну и что прикажешь делать?

– Ладно, подскажу. Подкопи денег и делай ноги из страны. Моя мама переехала в Нью-Йорк в семьдесят восьмом. Так что она удрала из России, чтобы я, её единственная и любимая дочка, заводила теперь безнадежные интрижки с чокнутыми американскими наёмниками. – Мучительный вздох переводчицы донесся до ушей Полковника через полмира. – По крайней мере, «Исполнительные решения» пристроили меня на отличную должность. Медстраховка, стоматология, все дела. Липосакцию себе сделаю, вот.

Икота выхватил телефон у Полковника из рук.

– Теперь он хочет, чтобы ты заглянул в прицел большой винтовки, – сообщила женщина. – И злится, что ты так долго болтаешь со мной, а ему и слова не говоришь.

– Это потому, что ты умна и обаятельна. А он всего лишь опытный киллер. Может, перейдем к главному? Моя Наталья – единственная счастливая женщина в Чечне. Правда-правда. Есть что-то несказанно сладкое в том, чтобы отдаться злейшему врагу… Наташа святая женщина, такая тихая… я в ней словно растворяюсь… просто беда какая-то… Я на неё кричал раньше, бесился сдуру… Я её так люблю, что даже пить бросил…

Икота нетерпеливо ткнул пальцем в огромную винтовку. Полковник устало встал на четвереньки и покорно приник к черному резиновому наглазнику прицела.

С очками ночного видения он сталкивался раньше – ими пользовалась «Альфа». Но с такой штуковиной – никогда. Это было что-то фантастическое. Взгляд сквозь этот прицел пронизывал кавказские сумерки, будто совиный.

Икота рявкнул что-то своей обиженной американской любовнице. Его спонсоры отправили Икоту в Чечню с огромным запасом военных игрушек и без всякого знания иностранных языков. В дикие горы Кавказа он подался всего лишь с тремя игрушечными самолётиками-роботами, шестью видеокамерами, сотней хрупких анемометров, спутниковыми телефонами, солнечными батареями, ударостойким компьютером в стальном корпусе камуфляжной расцветки… а также толстой стопкой банкнот и тугой папкой с документами за подписями всевозможных олигархов и высоких чинов. «Тюмень-нефтегаз» и

«Коноко-Филипс», «ЛУКойл» и «Эксон-Мобайл», «Сибнефть», «Халибертон» и «Шеврон-Тексако». В бумагах Икоты многократно мелькала подпись министра энергетики Игоря Юсуфова. Алексей Кузнецов, Томас Дефанти, Михаил Ходорковский. И даже разрешение на ввоз за подписью не кого-нибудь, а Владимира Путина.

Не то чтобы Икота был лично знаком с этими важными птицами или те знали о его существовании. Но вот услуги, которые готов был предоставить Икота, им определенно требовались. И когда американец утверждал, что не шпионит, а всего лишь выполняет легальную работу по контракту с частными компаниями, – скорей всего, он говорил правду.

Полковник повернул винтовку Икоты на сошках, через непривычный прицел разглядывая светящийся увечный пейзаж. Бессчётные бомбардировки превратили местные нефтехранилища в груды стальных обломков. Сквозь горы скверного бетона и рваного рубероида прорастали тощие десятилетние деревца. Нагретые поверхности в тепловом спектре сияли ярко. Выглядело это хирургически жутковато – будто кровоточили вспоротые жилы самой земли.

Почему только такая красота зря растрачена на скучную работу – отстреливать нефтяных воров?

Полковник осторожно подкрутил верньер. Молодой месяц взбухал в перекрестье прицела, расцветая квадратными пикселями. Он казался огромным и сырно-оранжевым, словно корка огромной пиццы в лучшем московском «Пицца-хате». Электронный анализатор, заменявший оптику, творил своё волшебство: пылающий серп становился всё темней, всё глуше, пока взгляду Полковника не предстала обширная темная равнина между рогами месяца – озарённая, в священном трепете осознал Полковник, светом стареющей Земли.

Из глубины лунного кратера подмигнул ему алый огонёк. Полковнику понравилось, как оживали лунные округлости в его кровавом свете. Только через секунду он сообразил, что на Луне не должно быть видно никаких огней. Там вообще нечему светиться. Это же, в конце концов, Луна.

Полыхнул и угас второй огонёк, в другом кратере. Полковник отклеился от резинового окуляра и уставился на луну невооружённым глазом. Человеческому зрению она представала далеким узким полумесяцем. Красный огонёк был слишком слаб, чтобы разглядеть его… хотя нет – это же инфракрасный прицел. Он видел на Луне тепло, а не свет.

Он снова припал к окуляру. Призрачная алая искра танцевала по лунной поверхности, оставляя по себе тусклый след.

Полковник вцепился в телефонную трубку. – Передай Икоте, что я видел на Луне что-то странное. Кажется, вулкан.

– Что? Я не могу это перевести.

– Вулкан! На Луне! Извержение! Красный свет! В прицел хорошо видно.

Переводчица рассмеялась.

– Ах, это! В эту цифровую штуковину? Там же всё на электронике, Лёш!

Напряжение внезапно отпустило загривок Полковника. Конечно. Просто шалит дурацкая техника. Что вероятней – пришельцы там, или действующие вулканы на Луне, или всё же покрасневшие нечаянно пиксели в матрице экрана? Экая глупость…

Икота дёрнул Полковника за рукав и ткнул пальцем в экран компьютера. Скрытые в ночной темноте самолётики прислали новую серию снимков. Вверх по ущелью пробирался грузовичок-пикап «тойота», совершенно новый – без сомнения, купленный на саудовские деньги.

Полковник поднял два затянутых в кожу пальца. Грузовиков будет два, как всегда. И пеший заслон с автоматами и рациями.

Икота покачал головой и полоснул пальцем по горлу. Он не собирался ждать случая прихлопнуть сразу обе машины. Для его целей это было не столь существенно. Его задачей, сколько мог судить Полковник, было опробовать технику и систему снабжения на поле боя. Икота аккуратно воткнул проводок в видеоразъём на боку теплового прицела. Сдул пыль с плоской коробочки и бережно, как драгоценный камень, вставил в щель чистый диск. Потом дал отмашку Полковнику.

Тот кивнул и занялся делом. Первая пуля пятидесятого калибра – стальная таблетка размером с большой палец – пробила капот «тойоты», прошив двигатель насквозь. Грузовичок застыл, и Полковник уложил ещё две пули в фонтан стекла и металла. Тощая бледная винтовка едва покачивалась на сошках при каждом выстреле. Шипели отходящие газы, но длинный чёрный ствол не озаряла вспышка. Винтовка действовала хирургически аккуратно. Только что сама по себе не стреляла.

Из разбитого грузовичка вывалилась сверкающая человеческая фигура. Полковник выстрелил – промахнулся. Четвёртая пуля достигла цели. Нефтяной вор развалился на два полыхающих теплом куска: отдельно истерзанное тело и отдельно оторванная рука.

Полковник потянулся к телефону.

– Передай ему, что пора убираться из этой пещеры. Будут другие. «Чехи» нас не боятся совершенно и очень захотят

отобрать снайперку.

Икота вежливо выслушал тревожный писк в трубке и покрутил в воздухе пальцем. Полковник нагнулся к трубке.

– Мне плевать, сколько он запустил игрушечных самолётиков и много ли они разглядели. Мы сидим в темноте рядом с отрядом партизан. Они нас накроют ракетным огнем сверху и обрушат пещеру. Да, и передай ему, что винтовка отменная.

Выслушав перевод, Икота разразился долгой заранее подготовленной речью.

– Лёш, он передает спасибо на добром слове. И говорит, что возвращается домой, ко мне. – В голосе переводчицы звучал восторг.

– И увезет с собой спутниковый телефон, моя хорошая?

– Конечно заберет, Лёш! А винтовку оставит – ему не положено её в Америку ввозить. Говорит, можешь оставить её себе. Дескать, хорошему солдату пригодится хорошая снайперка. Это в знак благодарности.

– Щедрый парень твой здоровенный приятель. Икота предлагал солдату оружие, а не жалкую пачку долларов. Со стороны американца это была неслыханная тактичность. Полковник был тронут. После такого щедрого подарка следовало предполагать, что они с американцем ещё встретятся когда-нибудь. Почему бы нет? Недостатка в нефтекрадах покуда не отмечалось.

– Уж поверь, Лёша, он не на свои деньги её покупал!

– Ну да. Понятно, не покупал.

А кто-нибудь может купить. Хорошая снайперская винтовка стоит очень дорого. Особенно в хороших плохих руках. При этой мысли Полковник поёжился. Молоденькие солдатики, только что призванные в армию, смятённые, обречённые – когда неслышимые страшные удары кромсают плоть… Но деньги в Чечне были только у одной стороны. Не той, на которой воевал Полковник. На его стороне была всего лишь армия одной страны, а не глобальный заговор. С деньгами у армии всегда было туго.

Помыслить об этом было тяжело. И всё же… и всё же… Наташа. Да. Если придется, он мог бы пойти на такое… ради Наташи. Любовь побеждает всё.

ГЛАВА 5

Вашингтон, округ Колумбия, сентябрь 2001 года

Тощие желтые краны оттаскивали от стен Пентагона почерневшие обломки. На стенах федеральных учреждений, словно бешеные обои, расцвели американские флаги размером с баскетбольную площадку. Тут и там проросли барьеры против машин-камикадзе, замаскированные почему-то под бетонные цветочные горшки. Улицы вокруг Белого дома превратились в голые асфальтовые дорожки, и только пробегали по одному-двое нервные туристы.

Новосозданное Бюро координации прохождения критической информации собралось в старом здании Исполнительного управления под патронажем вице-президента. Набитый под завязку конференц-зал мог похвастаться кожаными креслами, стальными кофейниками, обшарпанными столами красного дерева и портретом дряхлого государственного деятеля по имени Джон К. Колхаун[19] (масло, холст). Мистер Колхаун был недоволен. Собравшиеся – тоже.

Лица собравшихся Вану не были знакомы. А вот конторы – были. Каждое из федеральных агентств имело свои интересы в области информационной безопасности. У ФБР был департамент юстиции. У казначейства – Секретная служба. У министерства обороны – Управление информационного обеспечения. ВВС прислали птиц высокого полета, в то время как ВМФ только разводил пары. Присутствовали представители департамента торговли, Национального института стандартов и технологий, НАСА, отряда быстрого реагирования компьютерной безопасности, Федерального центра тренировки правоохранительных органов. И даже случайно затесавшийся сисадмин из Совета но вопросам социального обеспечения железнодорожников.

Приглашения рассылал Совет национальной безопасности – новые наниматели Вана. Это был первый бал Золушки. Если всё выгорит, значит, дело в шляпе. Если нет – Ван только что продул свою карьеру в бюрократической лотерее.

Джеб, который отдал раскрытию компьютерных преступлений тридцать лет, был в сфере компьютерной безопасности живым динозавром. Немалую часть собравшихся в конференц-зале он учил лично, и большинство из них было обязано Джебу личными услугами. Ван успел заработать репутацию гениального программиста, но в лицо его не знал почти никто. Собственно,

мало кто из собравшихся мог назвать по имени остальных.

Совещание это представляло собой локализованную версию тех процессов, что шли по всему объёму федеральных правительственных структур, от Пенсильвания-авеню до «Квонтико», от Форт-Мида до Пентагона. 9/11 спровоцировало во всех федеральных спецслужбах ужасающий процесс, получивший название «пайки труб». Людей, всю жизнь отдавших узкой специализации, жизнь заставила сверять свои действия с представителями агентств, с которыми прежде они никогда не встречались.

Что это за незнакомые типы из жутких дальних уголков американского правительства? Соперники? Союзники? Нейтралы? Никто не знал. Новая империя «национальной безопасности» скоро пожрёт гордые своей независимостью бессчётные агентства: кто-то говорил, что шесть, кто-то – что двенадцать, а некоторые доходили до двадцати двух. Это значило, что безопасных мест больше не осталось.

Но это значило и кое-что многообещающее – перспективы. Впереди маячила крупнейшая реорганизация федеральных органов власти за сорок лет. В такую эпоху компания маньяков-программистов способна вырваться из забвения, если окажется в нужное время в нужном месте. Может так случиться, что отважные ботаны из дальнего серверного чулана в департаменте торговли станут командовать парнями из Секретной службы.

Джеб относился к числу тех людей, которых программисты призывали в час отчаяния. Внешне он напоминал Хатта-Джаббу в роли техасского рейнджера. Настроение его, обыкновенно мрачно-циничное, в ходе последних событий перешло в мрачно-агрессивное. Взгляд у него был стеклянный, как у человека, который готов был подвести итог своей жизни и всё подведенное поставить на карту. Он сбрил драгоценную свою бороду, обнажив гнездилище бледных подбородков. И даже нашел в Вашингтоне портного, который не побрезговал пошить ему синий саржевый костюм титанических размеров.

Ван никогда раньше не слышал, чтобы Джеб отзывался на «доктора Еремеенко». Строго говоря, докторской степени он так и не получил никогда. И непроизносимую его фамилию тоже никто не помнил. В информационную безопасность Джеб пришёл из патрульных полицейских после того, как столкнулся в шестидесятые с УНИВАКом в Хьюстоне.

Джеб заколотил толстой ладонью по столу красного дерева, усмиряя хаос. «Собравшись здесь, – проревел он, – на совершенно секретное, закрытое совещание, мы можем навести некоторый порядок в федеральной политике информационной безопасности.

Иначе говоря, взяться разгребать навоз».

Против определений Джеба не возражал никто. Федеральные учреждения Америки пользовались компьютерами и сетями дольше, чем кто бы то ни был на планете. Это было скорее плохо, чем хорошо: в результате компьютерные сети федерального правительства принадлежали к числу самых древних, неудачных, неэффективных и глючных. Любой, кто поддерживал хоть малейшую связь с реальностью, знал, насколько всё плохо. До сих пор информационной безопасностью занималась спустя рукава горстка недооплаченных подвижников-любителей, разбросанных по различным службам. Единого руководства не было. Чёткой политики не было. Ответственность не лежала и рядом. Бюджет? Курам на смех!

Однако 11 сентября наступило, в кои-то веки, Судный день. Джеб это знал. Слушатели это знали. Это понимал конгресс. И все, кто смотрел новости или читал газеты. Старые, разгильдяйские способы уже не годились.

Всякий серьёзный кризис – одновременно и шанс для тех, кому хватит смелости рискнуть и выиграть. Сейчас, объявил Джеб, наступил ключевой момент, когда можно собраться, оценить волю и способности специалистов по компьютерной безопасности и, расчистив сцену, взяться за дело с новыми силами.

Ван понимал, что Джебова проповедь возвещает большую беду. Джеб позиционировал БКПКИ как команду отмороженных камикадзе от программирования. Ван готов был рискнуть – рассуждая практически, иного выбора не было. Если он, Дерек Р. Вандевеер, должен стать чиновником госбезопасности, то Вашингтону придется пожертвовать ради этого старыми правилами.

Какой-то не в меру энергичный умник из Института конкурентного предпринимательства попытался перевести стрелки на Вана.

– А наш стэнфордский профессор согласится с неклассическим подходом доктора Еремеенко?

– Быстро! – рявкнул в ответ Ван. – Тихо! И – вовремя!

Никто не понял, что он имел в виду, но конференц-зал утих на целых двадцать пять секунд.

Больше Вану никто вопросов не задавал – оно и к лучшему. Ван ненавидел совещания. Потому что никогда не мог себя показать. Он понимал, что представляет сейчас для Джеба что-то вроде орхидеи в горшке: натуральный гений-программист, лицензированный, одна штука, приглашен с поста начальника исследовательской лаборатории в ведущей компании страны.

Пытаться переполитичить вашингтонских бюрократов ему не стоило.

Ван уже придумал новую программу для своей будущей карьеры. Если уж ему приходится изображать нечто в горшке, пусть это будет кактус. Мысли как крутой, гляди как крутой, говори как крутой. Настоящие профессионалы никогда не сюсюкают с клиентом.

Некоторое время Ван слушал, окидывая случайно выбранных соседей мрачным взглядом и поглаживая клавиатуру лэптопа, потом заскучал. Собравшиеся усердно тыкали пальцами в небо. Никакого прогресса не наблюдалось; докладчики твердили каждый о своём и пытались прикрыть срам. Что за чертовщина творится на самом деле, никто не мог сказать, но каждый опасался за себя и свою карьеру. Политика. Потому что мы в Вашингтоне. И ничего Ван с этим поделать не мог – оставалось только смириться.

Два душераздирающих часа спустя Джеб перешел наконец к вопросу об аппаратном обеспечении работы нового бюро. Атмосфера в зале тут же изменилась. Всем собравшимся – без исключения – вопросы компьютерного «железа» были близки. Очевидно было, что организации, которой поручено координировать меры по обеспечению компьютерной безопасности в остальных ветвях федерального правительства, потребуется внутренняя сеть – новейшая, мощнейшая и, в общем, впечатляющая весьма.

В этот момент Ван, дотоле жалевший себя и жестоко тосковавший по сынишке, немного взбодрился.

Будучи профессиональным программистом, Ван в глубине души ненавидел информационную безопасность – ремесло скучное и недостойное его таланта. Заставлять его трудиться над этой темой было всё равно что заставить чемпиона Олимпийских игр по велоспорту ковать велосипедные цепи.

Однако же в этом теперь состоял его долг. Кроме того, Вану пришлась по душе идея создать в натуре продвинутую систему безопасности с нуля, положив в основание теорию и прошлый опыт, а не накладывая один патч на другой и не слушая нелепые советы тупоголовых маркетологов. Если ему придется всю работу делать самому – тем лучше. Ван знал, что справится, работа была честная, хотя и скучная, и, во всяком случае, последователям он поставит высокую планку.

Теперь ему оставалось убедить полный зал народу, что идея его сработает. Ван попытался победить страх сцены – своего старинного врага. Как справиться с демоном, Ван знал: обманом придать себе уверенности.

Можно сделать вид, что перед ним полный класс стэнфордских аспирантов. Только какие из них аспиранты? Или представить себе, что у каждого бюрократа в зале красные трусы. Бандиты с Окружной не из тех, кто щеголяет в экстравагантном исподнем.

А лучше всего – запустить руку в рюкзак и взять всех на прицел дедова бластера. Титанового бластера! Прямо в лоб! Вот уж чего они никак не ожидают!

Эта мысль оказалась для Вана решающей: он пришёл в себя.

– Ну, – заявил он, открывая лэптоп, – Джеб говорит, что мы должны быть откровенны друг с другом.

Он вызвал на экран пауэрпойнтовскую пёструю диаграмму, чтобы зрители не заскучали, и принялся тарабанить по бумажке:

– Как видите, нынешняя индустрия информационной безопасности даёт вам вполне определенные немногочисленные советы. Они посоветуют любому федеральному агентству затовариться их продукцией. Защищённые сервера, защищённые маршрутизаторы, брандмауэры, криптография, системы опознания – всё новенькое, только с конвейера… Это традиционный способ.

Ван поменял диаграмму на другую, ещё лучше с множеством разноцветных полосочек и стрелочек.

– Но даже для нас, небольшого координационного бюро, необходимые закупки потянут на шестнадцать миллионов долларов. Таких денег у нас нет.

Третья диаграмма.

– Мы в БКПКИ не можем ждать, как обычно, восемь месяцев установки традиционного защищённого оборудования. Мы со вчерашнего дня должны приступить к работе. Ни времени, ни денег мы не можем тратить на лишние закупки. Но одновременно мы должны соблюдать весьма жёсткие условия безопасности. Совместите два этих вектора, и сойдутся они в одной точке.

Ван поменял диаграммы. Экран довольно долго оставался тёмным, но, к облегчению программиста, «Пауэрпойнт» не завис.

– Мы должны создать самоновейшую, принципиально иную систему. Вырваться за пределы. Очень быстро. Очень тихо. Силами десятой доли тех специалистов, что были бы вовлечены в обычный проект. Совершенно новое оборудование и алгоритмы.

В зале стало тихо, как в церкви. Слушатели не сводили с Вана глаз. Джеб сиял в бледных отблесках плазменного экрана.

– У нас в БКПКИ есть одно огромное преимущество перед всеми остальными. Мы можем не оглядываться на безмозглых поставщиков софтвера, потому что мы, в БКПКИ, программируем сами. Так что мы в силах построить – и построим – собственный

суперкластер «Грендель». «Грендели» базируются на устаревших процессорах, но параллельное распределение устраняет тупики фон Ноймана.

Ещё одна красивенькая диаграмма.

– Всего за сотню тысяч мы создадим новую федеральную систему, по вычислительной мощности превосходящую всю сеть министерства торговли. И – в ближайшей перспективе – эта система будет превосходно защищённой. Потому что ни один хакер ещё не нашел и не вскрыл уязвимостей в алгоритме распределённых вычислений «Грендель». Во всём мире есть с десяток программистов, которые этот алгоритм понимают. Все они – законопослушные американцы, академики программирования… и все они очень, очень занятые люди.

Руку вскинул поздно пришедший долговязый парень с обшарпанным лэптопом на коленях:

– Можно вопрос, сэр?

– Да?

– Вы, доктор Дерек Вандевеер, принадлежите к их числу?

– Да. Остальные девять – мои знакомые. А вы кто такой?

– Я вообще-то сетевой журналист, и…

– Совещание закрыто!!! – взвыл Джеб, вскочив на ноги.

Ван лежал в постели, пялился в потолок и размышлял о потоках. Вану всегда хотелось учудить с потоками данных что-нибудь важное и полезное, потому что поточная структура изначально совершеннее обычной файловой. Ван намеревался воспользоваться распределённой поточной структурой в новом «Гренделе», что было уже совсем лишним. Нет на свете кульхацкера, крэкера, пирата-активиста или даже разведслужбы, способных взломать «Грендель». Но «Грендель» на потоках – блин, это был бы полный рулез.

Ван размышлял о потоках, слегка моргая. Размышлял очень вдумчиво. А потом очень-очень вдумчиво. В конце концов до него дошло, что кто-то молотит кулаками в дверь квартиры.

Вздрогнув, он сел и натянул штаны.

Квартиру в Вашингтоне Ван снял через Интернет, на сайте маклерской конторы. Ван очень торопился найти себе жильё в столице, а улица проходила достаточно близко от телефонного коммутатора, чтобы туда можно было протянуть ADSL-кабель. В gif-файле квартира выглядела пристойно. В действительности крошечные комнатки воняли средством от тараканов. Ещё квартира отличалась голыми стенами из уродливого жёлтого кирпича, обшарпанным линолеумом и слоем мерзкой жирной грязи на стенах и потолке кухни. Унитаз качался.

О соседях на веб-сайте тоже ничего не говорилось. Район оказался жутковатый. Ван завёл привычку держать у двери дедов бластер. Люди, которые стучались к нему в дом, обычно пытались продать жильцу понюшку крэка или немного секса.

Сняв очки, Ван припал к глазку. На темной обшарпанной лестнице стояла тощая носатая девчонка с близко посаженными тёмными глазами и черной кудлатой шевелюрой. Одета она была в нелепый халатик из некрашеного – экологически чистого – хлопка, на плече у неё висела бесформенная полотняная сумка. Похожа она была на девочку-скаута, которая распродала всё печенье и живет теперь подаянием.

Ван отпер три здоровенных латунных замка и приоткрыл дверь, не снимая стальной цепочки.

– Доктор Вандевеер?

– Да.

– Я ваша новая секретарша. Можно войти?

Ван поразмыслил и над этим неожиданным вопросом.

– Не покажете ли документ?

Девчонка продемонстрировала залитую в пластик карточку с магнитной полоской и фотографией, на изумительном алом канате. Карточка сообщала, что это «Фанни Гликлейстер, помощник заместителя директора по технической части, БКПКИ».

– О… – выдавил Ван.

Фанни показала ещё одну карточку в глянцевой покуда обертке.

– Я принесла ваш бэджик… э-э… Дерек. Они новые. Вас три дня не было на работе.

– Я работаю, – обиженно заявил Ван. – Просто мне сейчас не до совещаний.

– Можно мне войти? Пожалуйста! Тут страшно!

Ван отстегнул цепочку.

Фанни шагнула через порог, опасливо покосившись на огромный тренажёр культуриста, что занимал б**о**льшую часть квартиры. Измызганную стену за тренажёром прикрывали постеры с изображением чемпионов фул-контактного карате: выпученные глаза, брызги пота и ноги в красных нейлоновых обмотках.

– Это всё ваше?

– Я только что въехал.

Предыдущий жилец оставил в квартире все свои пожитки, включая стриптизёрские трусы, порножурналы и спортивные тапочки двенадцатого размера. Ван был совершенно уверен, что его или пристрелили, или посадили – что именно сделали, никто то ли не знал, то ли не пытался узнать.

– Вау! – выдохнула Фанни. – Кресло какое кульное!

Магниевое кресло оказалось единственным предметом меблировки, который Ван сумел спасти из мервинстерского особняка: по наитию он зашвырнул кресло в багажник «рейнджровера». Собирался он вообще-то повыбрасывать всю мебель в арендованной квартире и поставить свою – хозяин-кореец уверил его, что против не будет, – но всё времени не хватало.

Фанни Гликлейстер было определенно не двенадцать лет – если приглядеться, она казалась старше Хельги, несчастной уволенной няньки. Но угомонить её было не проще, чем шестиклассницу. Губы ее были обветрены, карие глаза покраснели, веки набрякли.

– Это кресло – оно точно никаких токсинов не испускает? – пропищала она.

Ван уставился на нее.

– Литой магний! Какие токсины?

Фанни элегантно опустилась в кресло.

– Вау! Намного удобнее, чем кажется на вид!

Из полотняной сумки она извлекла толстые очки без дужек и огляделась. Воцарилось зловещее молчание.

– Дерек, ты только не обижайся, но тут ещё страшнее, чем на лестнице. Ты точно программист? Я толпу ботанов знаю, но среди них, ну, культуристов-каратистов из жутких трущоб почти нет. Оп-па… вау! А с кухней что случилось?

– Посидите тут минуточку, – приказал Ван с порога.

Он выскочил в темный коридор и плотно затворил дверь за собой.

– Джеб на проводе, – прохрипела трубка.

– Джеб, ты кого мне прислал? Девчонке двенадцать лет, Джеб, и она только что сбежала из «Маппет-шоу».

– Это, надо полагать, Фанни Гликлейстер.

– Как её зовут, я сам знаю! Спасибо, очень помог!

– Гликлейстер! – настаивал Джеб. – Ей не двенадцать. Ей двадцать шесть. Она дочь Гликлейстера.

Явилось просветление.

– Того самого Гликлейстера? Хаймена Гликлейстера?

– А ты знаешь ещё каких-то Гликлейстеров?

Ван перевел дух. Хаймен Гликлейстер. Легендарный утопист компьютерной эпохи. АРПАНЕТ. Гуру пакетной коммутации. Человек, на три десятилетия обогнавший свою эпоху. Последние пятнадцать лет жизни Гликлейстер провел в инвалидной коляске, снедаемый редкой и летальной формой нервно-мышечной дистрофии, но болезнь лишь подстегивала его творческое

воображение. Смерть Гликлейстера в свое время подкосила Вана – словно погас огромный жаркий костёр. Бронзовые идолы этому человеку следовало ставить перед каждым маршрутизатором.

Потрясённый, Ван поразмыслил над этим открытием. Странно было думать, что Хаймен Гликлейстер оставил по себе потомство. Нашлась ведь женщина, которая вышла за него замуж и выносила его дитя. Одного раза, в принципе, вполне хватало, мрачно решил про себя Ван.

– Ну ладно. Значит, она его дочка, – признал он.

Фанни даже лицом похожа была на Гликлейстера.

– Ван, ты же преподавал в Стэнфорде, – попытался спустить ситуацию на тормозах Джеб. – Ты же знаешь нынешнюю молодёжь. Фанни умница, она учится быстро. Ты на неё хорошо повлияешь.

Джеб был специалистом старой закалки. Он до сих пор думал, что студенты в колледже – это бешеные мальчишки. У Вана в Стэнфорде учились но большей части мрачные трудоголики, индийские и китайские программисты с заоблачным средним баллом на вступительном тесте[20].

– Джеб, мне не нужна секретарша. Она мне не нравится.

– Тогда я подберу тебе другую. Старушку из Минобороны с карандашом вместо заколки для волос. И ты знаешь, что она с тобой сделает, Ван? Она запишет на магнитофон все твои разговоры с Моникой Левински и сдаст тебя с потрохами какому-нибудь политикану. В этом городе и не такое бывает. Я тебя защитить пытаюсь, Ван! У нас, бешеных программёров, внутри Окружной заступников нет. Ты мой заместитель по технической части. Ты мой вундеркинд, флаг тебе в руки, но кто-то ведь должен отвечать за тебя на телефонные звонки, потому что ты трубку не берешь! Этим займется Фанни. Потому что она – из наших. От рождения – из наших. Ей можно доверять.

Речь была сокрушительная, но Ван упрямо стоял на своём.

– Как насчет Джимми Мэтсона из «Мондиаля»? В лаборатории он был моим заместителем. Джимми справится. Он вообще молодец.

– Ты мне уже рекомендовал Джимми Мэтсона. Мы его проверили. Он гей и злоупотребляет медикаментами.

– Джимми – педик? – потрясенно переспросил Ван.

– И наркоман. Ван, мы не в частном секторе! Фанни прошла проверку на благонадёжность, даже не заметив. Дочка Гликлейстера лояльнее тебя самого. Намного.

Мобильник Вана пискнул, предупреждая о входящем вызове. Ван решил сменить собеседника – спор с Джебом был считай что проигран.

– Я тебе перезвоню, – бросил он. Звонила Дотти.

– Привет! – в радостном удивлении выпалил Ван. – Ты в Вашингтоне?

– Я в Колорадо, – отозвалась Дотти. – Ты зачем Фанечку обижаешь?

– Милая, я ее не обижаю!

– Фанни умеет готовить, – принялась уговаривать его жена. – Блюда сычуаньской кухни. Фанни нашла меня через «Гугль», и мы обсудили все твои проблемы. Она очень славная.

– У меня нет никаких проблем! Мне не нужна секретарша и не нужна повариха. Кроме того, это неконгруэнтные классы.

– Дерек, – Дотти повысила тон на пол-октавы, – ты что сегодня ел?

– Готовый обед, – поспешно соврал Ван.

На самом деле ему вообще не пришло в голову пообедать. Он думал.

– Какой именно?!

– Рубленый бифштекс, – торопливо выпалил Ван. Это была правда. Он действительно пообедал в тот день готовым рубленым бифштексом с грибным соусом. Просто забыл об этом и нечаянно наврал жене.

Первая хакерская атака произошла через двадцать минут после включения «Гренделя». Это был дозвон портов, и, разумеется, ни к чему он не привёл. Портов в обычном смысле у построенного на потоках данных «Гренделя» не было. Ван установил эмуляторы, которые смутно напоминали порты – так же, как венерина мухоловка напоминает полный нектара цветок.

Взбудораженный атакой, ожил пейджер, заколотившись через штанину в правое колено, – за прошедшие сутки Ван выхлебал столько кофе, что ему показалось поначалу, что содрогаться начала его собственная нога. Ван выудил пейджер из глубокого кармана и, недоумевая, вошел в систему. Атака – через двадцать минут? Откуда?

Несколько минут он наблюдал, как нарушитель маниакально барабанит по клавишам, потом позвонил Джебу.

– Джеб, иди сюда! *Это* ты должен увидеть!

– Ван, я занят перестрелкой с BBC.

– К чёрту BBC – подойди, посмотри!

К тому времени, когда Джеб добрался до кабинета своего заместителя, нарушитель-неудачник уже набил пять экранов бессмыслицы, перемежаемой рядами пробелов. Ван молча перелистывал длинный список команд туда-сюда.

– Это… тот, о ком я думаю? – Жабьи глаза Джеба вылезли на

лоб.

– Это он! Он! На самом деле это большая честь.

Фанни бросила попытки вычистить спам из почтового ящика, одновременно слушая аудиокнигу – она обожала беллетристику некоей Кэти Экер[21]. Ван закрывал глаза на ее странные привычки: в наушниках Фанни несколько успокаивалась.

– Кто – он? – поинтересовалась Фанни, пережевывая маркер.

– Это Долгоносик, – торжественно объявил Джеб. – Ты только глянь на него. Он проходится по двадцати главным уязвимостям «Виндузы». Десять попыток на каждую.

– Только псих может запустить у себя сервер «Виндоуз», – возразила Фанни. – У Большого Билла в системе больше дырок, чем в швейцарском сыре.

– А Долгоносик – он сам псих, – ответил Джеб. – Он даже не знает, что такое «Виндоуз». И что такое UNIX, он тоже не знает. Просто когда у него кончится список дырок в «Виндах», он начнет перебирать уязвимости «линухов».

– Я слышал, – заметил Ван, – что он как-то раз опробовал эпловскую дырку.

– Нечаянно, должно быть.

– А что он делает, получив доступ? – поинтересовалась Фанни.

Джеб пожал плечами.

– Находит корневой пароль. – А после этого?

– Делает себя привилегированным пользователем, затирает следы вторжения в логах и начинает искать следующую жертву.

– Ой. – Фанни почесала нос колпачком маркера. – Один из *этих,* да?

– Долгоносик – типичный образец *этих.* Программирования он не понимает. И не поймёт никогда. Его интересуют только дырки и уязвимости. Он их собирает из любви к искусству. Составляет длинные списки. И пробует всё по очереди, как по кулинарной книге. Вручную! Ты посмотри, как он пробелы набивает!

– Вау!

– Двадцать четыре часа, порой тридцать шесть часов подряд. День за днём. Неделями. С лэптопа в сортире, – продолжал Джеб. – Ты с Долгоносиком вживую не сталкивался? Его брали раз тридцать уже.

– Фотографию видел, – сознался Ван.

Его и его берлоги – или как там ещё можно было назвать невероятно грязную дыру, откуда действовал Долгоносик. На памятной встрече в Федеральном информационном центре – в Фениксе в девяносто шестом – во время пивной вечеринки на

диапроекторе показывали кадры времен последней битвы с Долгоносиком. Ван до сих пор не мог забыть, как ржали компьютерные фараоны.

– А я повстречался как-то, – припомнил Джеб и поморщился. – В центре реабилитации заключенных. Нельзя было не посмотреть на Долгоносика! Ну как же – негодяй, взломавший четыре тысячи компьютеров. Федеральных в основном. Один за одним. Вручную. Даже тогда у него такой туннельный синдром был… – Толстяк задумчиво примолк. – Хотя правильно это называется «дегенеративный остеоартрит». Руки – точно хоккейные перчатки.

– О нет! – выдохнула Фанни.

– Да, Фанни. – Джеб одарил её отеческой улыбкой. На широкой его физиономии ласковое выражение выглядело неуместно, но Джеб хорошо знал Хаймена Гликлейстера.

Девушка с сомнением поковыряла носком дешевого мокасина грубый ворс конторского ковра.

– Правда?

– Правда-правда. Фанни, я не шучу. – Фанни поверила.

– И… э-э… что нам с таким типом делать?

– Ну, он же душевнобольной. ФБР его определяет как выдающегося ананкаста[22], и… – Джеб замолк, пытаясь подвести черту под своими мыслями. – Вот лицо нашего врага, – промолвил он в конце концов. – Я хочу сказать, пускай он не из «Аль-Каеды», но он наш клиент. С этим парнем невозможно договориться. Не поможет никакая дипломатия. Никаких компромиссов. Никакого здравого смысла. Его невозможно запугать, подкупить или выполнить его требования. Его система ценностей настолько отличается от нашей, что куда там боргам из «Звёздного пути»!

Ван подергал себя за бороду так яростно, что вырвал волосок.

– Откуда этот Долгоносик вообще знает о нашем существовании? Выше нас по кабелю только АНБ!

– А вот это мне уже совсем не нравится, – проворчал Джеб.

Ван поглядывал на дисплей. Печатал Долгоносик прескверно. Дошколята барабанят по клавиатуре уверенней. Ван сообразил, что Долгоносик печатает двумя пальцами. Возможно даже, двумя культями.

Чтобы довести до ума альфа-версию «Гренделя», у Вана приходилось в сутки по три кофейника и два часа сна. Но проект развивался бодрей, чем программист мог себе представить. Система работала прелюбопытнейшим образом. Она была изящна, и Ван ею гордился. Работа над «Гренделем» была достойна его талантов.

Он погрузился в работу с головой. Ван жил в одиночестве. Работал со страшным напряжением. Каждая мышца болела от того, что ежевечерне он загонял себя в тренажерном зале, чтобы рухнуть в холодную смятую постель и забыться.

А теперь – и мгновения не прошло, как в систему вошел первый пользователь, чтобы восхититься плодами Вановых трудов, первым же «гостем» оказался… оказалась… эта тварь. Конечно, Долгоносик не мог справиться с защитой системы. Всё равно что наблюдать, как термит точит бетонную стену. Но если тот не перестанет точить…

– Мы должны избавиться от этого типа, – заключил Ван.

– Ему никогда не взломать «Грендель». – Джеб пожал плечами. – Маньяк.

Ван понизил голос:

– Мы должны от него избавиться просто потому, что он – это *он,* а мы – это *мы.*

– Хорошие парни уже пытались, – напомнил Джеб. – Любому окружному прокурору хватает одного взгляда на Долгоносика. И начинается: вы хотите, чтобы я вот ЭТО выставил перед присяжными? Оно почти слепое! Безрукое! Немое! Оно в жизни никогда не работало. И жизни у него никакой нет. Я не уверен даже, умеет ли оно читать.

– А чем он питается? – спросила Фанни.

– У него вроде как родственники в Канаде. Пересылают ему наличные. Неплохие вроде бы люди, как я слышал. Но очень счастливы, что Долгоносик держится от них подальше.

Ван стащил очки с переносицы.

– Долгоносик – канадец?! Так он ещё и иностранец? Я не знал.

– Ну да, а что?

– Гос-споди! Всё! Шутки кончились! Партизан-террорист! Враг человечества! За колючую проволоку его! Джеб – это Гуантанамо. Карцер.

– Ван, успокойся.

Программист ткнул пальцем в монитор:

– Джеб, ты посмотри на это! Он взламывает Совет национальной безопасности! Это, если ты забыл, *мы.*

– Хм. – Джеб прокашлялся. – Ну… что-то в этом есть.

– Это его последняя выходка! Ему хана! Мы его раздавим!

– Ван, СНБ не полагается напрямую участвовать в оперативной работе. А мы всего лишь консультативный орган при совете. Координационная группа.

– Этот криворукий болван лезет в наши дела, – вскипел Ван, – а мы ему это спустим с рук? Он же знаменитость! Его каждая

собака знает! Мы что, тряпки какие-нибудь, мы – жертвы насилия?! Дай мне его адрес! Он в Орегоне живёт, верно? Я ему вышибу дверь вместе с зубами…

Ван осекся. Бледные Фанни и Джеб не сводили с него глаз.

– Я перебрал, – понял он.

– Э-э… – выдавила Фанни. – Да.

Ван легонько погладил экран.

– Но, Джеб, ты же знаешь – это моё детище.

Толстяк кивнул не сразу.

– Может, мне не следовало бы этого говорить, но я понимаю, Ван. Интуиция тебя не подводит. Надо что-то предпринимать. Я тебя буду держать в курсе.

– Ладно.

– Но ты нужен нам здесь, при «Гренделе», Ван. Я не могу отпускать тебя на оперативные задания.

Наступила очередь Вану пучить глаза. Джеб взаправду поверил, что он, Дерек Вандевеер, помчится через всю Америку с пушкой наперевес и вышибет душу из негодяя. Положит его на пол и, наверное, пристрелит.

Ван наблюдал, как мучительно ползут по экрану рваные строки.

«А ведь я бы так и сделал», – понял Ван в приступе ошеломительного самопознания.

У него руки чесались пристрелить Долгоносика. И спал бы он после этого только крепче.

Где сейчас Дотти, где Тед? Где его место, где дом? Как всё плохо…

– Я бы предложил «проблемы с визой», – пророкотал Джеб. На лице его сгущались тучи. – «Нарушение закона об иммиграции». Я бы предложил даже «кибертерроризм». Звонок Джону Эшкрофту[23] лично, и полторы тонны кирпичей на голову.

– А они уже приняли этот закон? – поинтересовалась Фанни.

– Патриотический акт? Лапочка, они ещё и не такое примут.

Квартирка Вана в Вашингтоне была грязна и небезопасна. Кабинет в СНБ обставлен наспех и скверно. Но второй кабинет Вана, расположенный в четырёх часах езды от Вашингтона в том, что называлось Склепом, был настолько ужасен, что даже нравился хозяину, и быстро стал для него любимым рабочим местом.

На каналах CNN и MSNBC Склеп неизменно именовали «месторасположение засекречено». Предположительно здесь дневал и ночевал Дик Чейни. Вообще-то Ван ни разу не видел в Склепе вице-президента, но публика там подобралась интересная.

Кто-то, вооружившись весьма странными критериями, попытался составить список людей, которые станут управлять Соединенными Штатами Америки, если Вашингтон будет уничтожен ядерной атакой террористов. Это и был концептуальный замысел Склепа: бодрящая мысль о том, что федеральный округ Колумбия может в одночасье обратиться в свалку черного шлака.

Вашингтон будет разрушен мгновенно. А пять, от силы шесть минут спустя к жизни пробудится Склеп. Выжившие под его сводами толпы станут постъядерным правительством Америки.

Население Склепа постоянно циркулировало – оставаться надолго в зловещем бомбоубежище никому на самом деле не хотелось. Каждый мечтал побыстрее вернуться к нормальной жизни, даже если при этом рискуешь погибнуть от зарина, сибирской язвы или ядерного взрыва. Поэтому в Склепе царила постоянная неразбериха – всё та же «пайка труб», только помноженная на десять.

Обитатели Склепа спали на одинаковых стальных койках. Сидели на одинаковых железных стульях за одинаковыми армейскими раскладными столиками. Кем окажется завтра твой сосед, никогда нельзя было угадать: Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям, инженерные войска, даже почтовая служба США… Все они появлялись по очереди, чтобы провести, тиская ламинированные блокноты и озираясь испуганно, свои две недели в подземном убежище.

Склеп появился в 1962 году, когда страну ещё мутило после кубинского кризиса. Его удалось сохранить в тайне, потому что строилось ядерное убежище скрытно, в большой спешке, узким кругом лучших подрядчиков. Располагался Склеп в Аллеганских горах, на самой границе Западной Виргинии. Поверх него для защиты от русских и журналистов построили совершенно восхитительный роскошный отель. На протяжении сорока лет Склеп успешно оставался неведом миру. Работавшие в отеле семейственные жители Западной Виргинии никому из посторонних не промолвили и слова о затаившемся под их ногами гигантском муравейнике.

Склеп мог похвалиться огромными стальными воротами и угольной электростанцией, она же крематорий – на случай, если кто-нибудь помрёт от лучевой болезни. Телефоны все были дисковые, из красной пластмассы, словно одолженные на съёмках кубриковского «Доктора Стрейнджлава». Самым большим помещением в Склепе был тренажёрный зал – чтобы последние люди на Земле не свихнулись вконец от тесноты.

В тренажёрном зале Ван проводил немало времени. В

отсутствие Дотти мрачное безбрачие превратило его в заядлого культуриста. Нетренированное тело программиста требовало заботы: приличной еды, секса, сна и долгого отдыха. Ничего подобного Ван не мог себе позволить. Оставались яростные тренировки.

В полувоенную атмосферу Склепа его невольная сублимация вписалась отлично. Здешние жители навешивали дополнительные грузы на пятидесятифунтовые гантели и тренажёры. Обитатели Склепа поневоле становились невротиками. Смысл пребывания в убежище в том и состоял, что всё, что ты знаешь, завтра может превратиться в прах.

Был даже один несчастный здоровяк, который качал мышцы, не снимая навечно пристегнутого к его запястью чемоданчика. Курьер никогда ни с кем не разговаривал, но не заметить его было трудно: рослый, мрачный, молчаливый, чеканный… на любителя.

Вана загадочный незнакомец заинтересовал. Проходили дни, а никто так и не освободил курьера от его бремени. Чемоданчик на цепи был водонепроницаемый и, похоже, взрывоустойчивый. Курьер даже мылся с ним. Ван его, разумеется, никогда о чемоданчике не спрашивал. Это была слишком личная тема.

Склеп представлял собою барак, и жизнь в нём подчинялась простому казарменному распорядку. Питались все в столовой, три раза в день, за длинными общими столами. Казенный кошт обзавелся грубыми армейскими кличками: телятина в сырной панировке превращалась в «слоновьи струпья», а оранжад – в «давленых жучков». Когда после отбоя гасили свет, никто не задерживался побуянить. В Склепе становилось темно – как в гробнице.

Ван и его «бэкапки» стали в Склепе популярны до невозможности. На второй день после прибытия Ван установил надёжно зашифрованный широкополосный WiFi-канал. Благодаря ему и его кибервоякам даже самый одинокий, скучающий зомби, замурованный в кабинете с лэптопом и дешёвым камуфляжным пледом, мог невозбранно лазить по новостным порталам. Ван ожидал, что кто-нибудь из начальства пожалуется на бесплатный доступ к Интернету с секретной базы, но жалоб не было. «Наверху» Интернет воспринимали как современное стихийное бедствие.

В Склепе Вану было удобнее, чем в вашингтонской квартире. Да, в убежище было тесно, мрачно и душно, но там программист по крайней мере регулярно ел и мылся. А ещё там он чувствовал себя в безопасности.

Большинство госслужащих в Склепе ёжилось в страхе перед

апокалипсисом, который уничтожит всё вокруг. Для Вана апокалипсис уже наступил. Его мир рушился – по телевизору, в газетах и журналах – день ото дня.

Трудно было поверить – Ван, по крайней мере, не мог такого вообразить, – но «Мондиаль», могучий «Мондиаль», лопался. «Мондиаль» трещал по швам. Героическая, славная, провидческая, передовая компания расползалась под ударами «медвежьего» рынка, точно старая боксерская груша.

Это было совершенно бессмысленно. «Мондиаль» не хлипкий веб-магазинчик с фантасмагорической бизнес-моделью. «Мондиаль» был необходимым фундаментом современной цивилизации. Гигант телекоммуникаций владел реальной собственностью: кабелями, микроволновыми ретрансляторами, оптическими коммутаторами, франшизами дальней голосовой связи, большими участками региональных абонентских шлейфов и даже спутниками на орбите. Огромные доходы «Мондиалю» давала прокладка оптоволоконных кабелей по всей планете. «Мондиаль» воплощал собой будущее, где мир объединится в глобальном благоденствии. Безумием было бы полагать, что обществу информационной эпохи окажутся не нужны «Мондиаль» и его способности.

Но мир перестал в это верить. Террор проткнул электронный пузырь, и фондовый рынок канул в омут. Состояние Вана – его собственный капитал, его владения – ушло в безнадежное пике. И он был беспомощен. Ван ничего не мог поделать, чтобы избежать катастрофы, – как федеральный служащий он вынужден был поместить свои вклады в слепой трастовый фонд.

Это его не встревожило поначалу. У Вана никогда не хватало времени заниматься фондовым рынком. Конечно, он знал тех, кто жил биржей, – его лучший друг, Тони Кэрью, был из таких. Ван хорошо знал Тони и потому никогда не пытался обыграть мастеров первичного размещения на Уолл-стрит. Поэтому он не против был оставить свой пакет мондиалевских акций в федеральном сейфе, уверенный, что просто сохранит там свои капиталы – как положено типичному мудрому инвестору, – пока паника не схлынет и «Мондиаль» не примет его обратно на работу.

Но ужас пожирал компанию. Всё, чего требовал от «Мондиаля» здравый смысл, в одночасье обернулось отравой. Всё, что создал и открыл Ван – златоносные перспективы исследований, орды возможностей, мощеные дороги в будущее… всё прах. Надутый пузырь. Бездна.

В такие времена очень уютно делается, когда работаешь в бомбоубежище.

Ван был разорён. Но не до конца. Как заместитель директора бюро по технической части Ван получал от правительства зарплату – каждый месяц, как по часам.

Платили ему столько же, сколько старшему агенту ФБР, – иначе говоря, гроши. Агенты ФБР начинали зарабатывать, только когда уходили из конторы. Бывшие агенты неплохо получали в новой ипостаси высокооплачиваемых работников частных служб безопасности в больших серьёзных коммерческих предприятиях, куда обыкновенно уходили. В таких, как «Мондиаль».

Даже для Тони Кэрью, классического дот-комовского нувориша, наступили тяжёлые времена. Тони больше не твердил о «горящих» рынках. Тони химичил что-то с исследовательскими проектами в Колорадо и метил на высокотехнологические оборонные подряды. Тони потерял больше денег, чем Ван мог бы сосчитать. А ему ещё приходилось во всем этом жить.

Но в Склепе можно было прожить на овсянке и порошковом омлете. Кредиторы никогда не доберутся сюда. Не надо было смотреть по телевизору финансовые новости или высматривать в газетах котировки акций. Зато в Склепе подавали макароны с сыром. Засохшие желтые кексы. Пива да и любой другой выпивки не было. Давали виноградный сок.

Вот и всё. Больше в Склепе ничего не было. Только Стратегия и федеральное правительство. Беспокоиться не о чём.

Дальше – хуже. Федеральные снабженцы славились неторопливостью. Когда Ван с Джебом прошлись по графику создания «Гренделя», выяснилось, что на оплату компонентов системы времени уйдёт в восемь раз больше, чем на её строительство. Можно было ждать, когда выпишут счета на закупку, но к тому времени критическое преимущество, которое и заставило их создать «Грендель», будет упущено.

В результате Ван заплатил за установку «Гренделя» из своего кармана.

Ван был уверен, что поступает разумно. Он знал, что новорождённое бюро вскоре отомрет, если не поиграет на публику техническими бицепсами. Джеб обещал, что рано или поздно федералы вернут Вану деньги. Как часто твердила ему легендарная контр-адмиральша Грейс Хоппер, всегда проще получить от начальства прощение, чем разрешение. У самого Джеба денег не было: б**о**льшую часть последних двадцати лет он проработал инструктором в правоохранительных органах.

Так что Ван возложил на Фанни задачу купить на «eBay» 350 подержанных компьютеров. В качестве краткосрочного кредита БКПКИ Ван продал свой «рейнджровер». Всё равно машина простаивала на стоянке недалеко от снятой им в Вашингтоне

квартиры. Разумнее было от неё избавиться, чем ждать, когда её угонят.

По иронии судьбы Ван, продав «ровер», без труда вытребовал себе роскошный казенный лимузин – оказалось, что водитель живёт от него неподалеку. В результате Ван рассекал по Вашингтону в бронированном катафалке с тонированными окнами, которым обычно пользовался госсекретарь. А отсыпаться потом возвращался домой, в трущобы.

На электронных аукционах Фанни набила руку – там она покупала б**о**льшую часть своего гардероба, у крошечных нью-эйджевских поставщиков гипоаллергенной одежды. Теперь она приобрела себе набор фальшивых опознавателей – «по соображениям безопасности» – и очень скоро залезла по уши в паутину электронных транзакций, распутывать которую у Вана не было ни времени, ни сил.

Триста пятьдесят подержанных компьютеров доставили быстро. Винчестеры их были забиты по большей части пиратским софтом, вирусами и порнографией, но с этим трудностей не возникло. Триста пятьдесят материнских плат Ван вставил в припаянные вручную гнёзда. Он инсталлировал совершенно новую операционную систему, превратившую 350 процессоров в компоненты чудовищной сети. «Грендель» установили на свободное место среди интернет-коннекторов во чреве Склепа, напрямую подключив к всемогущим серверам АНБ в Форт-Миде.

Пару дней спустя прибыла офисная мебель. Мебели Ван не заказывал – он мог работать и на складных стульях, – но Фанни взяла дело в свои руки. Она купила обстановку закрытого офиса усопшего дот-кома и самым наглым образом отправила его посылкой на секретный почтовый адрес Склепа в Западной Виргинии.

Отведённый БКПКИ угол безрадостного бункера расцветился леопардово-пятнистыми эргономическими креслами и странными, похожими на соты полупрозрачными перегородками, ширмами из лайкры и чертежными столами.

Многокрасочная добыча Фанни произвела в Склепе фурор. О подобной роскоши федеральные служащие даже не слыхивали. Завистливые трутни из Минобороны заглядывали к ней только ради того, чтобы стянуть позолоченную скрепку или тиковую кнопку.

БКПКИ заработало себе несмываемую кличку – «эти кибервояки».

Ван снова ожидал, что кто-нибудь вставит им фитиль за наглость, но похоже было, что вставлять фитиль тесной группе консультантов при Совете национальной безопасности попросту

некому. Во всём федеральном правительстве не было никого, обладающего полномочиями распоряжаться БКПКИ, за исключением самого президента. И даже тому пришлось бы создать специальное бюро для оценки действий своих специальных бюро – ав военное время не до того.

БКПКИ, строго говоря, вообще не считалось федеральным агентством. Как и сам Совет национальной безопасности, бюро представляло собой не более чем рабочую группу близких коллег, которая пытается развернуть махину федеральной бюрократии в направлении, указанном последней политической модой. Как и президент, БКПКИ в федеральной власти было лишь случайным прохожим. Такого понятия, как «карьерный бэкапщик», не существовало в природе, если не считать Фанни – на тот момент, когда она попросила об услуге Джеба, безработной. Любой бюрократ из БКПКИ был переброшен временно из другой организации. Карл Боуэн, главный экономист-аналитик, прибыл из Национальной лаборатории Лос-Аламос. Брайан Кун, старший следователь, – из отдела криминальных расследований СВД[24]. Герберт Хоулэнд, заведующий по связям с общественностью, – из службы вещания ВМФ США. И так далее.

Джеб планировал сформулировать в рамках БКПКИ реалистичную политику национальной информационной безопасности, под которой могли бы подписаться президент, госсекретарь, Минобороны, ЦРУ, АНБ и ОКНШ[25]. Катастрофически уязвимым федеральным сетям придётся подтянуться и оправиться. Благим примером, недобрым словом и угрозой насилия БКПКИ поставит в строй ленивых бюрократов. Всё, что может подвинуться, подвинется. А остальное – к чёрту.

На Рождество политическая жизнь замирала. Ключевые персоны попросту исчезали из столицы. На электронные письма отвечать было некому. Ван только порадовался случаю сосредоточиться. В пустой голове звенели продвинутые идеи.

Ван снова в вашингтонской квартире ждал, покуда скомпилируется последний блок программного кода. Жизнь в опасном районе преподала ему несколько полезных уроков касательно безопасности. В жизни, если у тебя достаточно крепкие стены, дверь можно запереть. Если не хватает одного замка, можно врезать пять. Или шесть.

Но в компьютерных сетях нет стен. Брандмауэр – это всего лишь метафора.

Плодотворнее было бы создавать компьютерную иммунную систему. В конце концов, подавляющее большинство серьёзных взломов проводится вовсе не хакерами «снаружи». Хакер не

«взламывает», потому что ломать ему нечего. В жизни большая часть компьютерных преступлений совершается изнутри брандмауэра – двойными агентами или воришками, теми, кто уже знаком с системой и прекрасно знает, что нужно стереть, сломать, подправить или незаконно скопировать.

Так что более совершенная система безопасности ничего не будет «запирать» или «ограждать». Она должна постоянно отслеживать вредоносные процессы в системе. Охотиться за вредными участками кода, как кровяные клетки сражаются с микробами.

Идея была захватывающая. Она открывала пути к разрешению множества сложнейших нынешних проблем в области компьютерной безопасности. Она обогнала свое время на целое поколение. Или на два, учитывая, в каком жутком состоянии находится рынок.

Тем более важно становилось, чтобы первым столь существенный прорыв осуществило БКПКИ. В Склепе возможно было установить рабочую версию – идеальное место для демонстрации перед ключевой аудиторией. Пилотная альфа-версия иммунной системы на распределённом потоковом суперкомпьютере с широкополосным беспроводным доступом.

Вдохновение сжигало Вана. Идея была фантастическая. И что самое лучше – её можно было воплотить в жизнь. Бюджет у БКПКИ был небольшой, но на бюро работали лучшие специалисты в своих областях. В разработке компьютерных иммунных систем у них не было конкуренции. Не было местничества. Не было устоявшихся на рынке поставщиков, готовых защищать свою долю.

Значит, проект можно запустить по образцу систем с открытым кодом – быстро, тихо, отдельными модулями – на принципе «необходимого знания». Так что пока Джеб сражается с бюрократией за компьютерную безопасность на политическом фронте, он, Ван, станет в буквальном смысле своими руками программировать будущее этой самой безопасности. Мануально. С листа. На лету. Вау!

На экране лэптопа мерцал портрет Теда размером с почтовую марку. В яслях в далеком Колорадо стояла веб-камера. Ван и Дотти обычно приглядывали за сыном по Интернету в рабочее время, хотя в яслях ничего интересного не происходило. За детьми присматривала подвижная чистенькая буддистка-феминистка за тридцать из Боулдера – косы, джинсовый комбинезон, гриндерсы и бандана. Обычно она сидела на ковре, скрестив ноги, пока подопечные ползали по ней. Иногда читала им политкорректные гендерно-нейтральные сказки. Теда

подобное обхождение более-менее устраивало, хотя порою выглядел он слегка ошарашенным.

Время от времени Ван гладил мерцающее на мониторе личико и бормотал что-то ласковое себе под нос. Ничего не мог с собой поделать.

На следующий день после Рождества Ван глянул в дверной глазок и с изумлением увидел на лестнице Тони Кэрью.

Ван отпер три замка и отстегнул две цепочки. Тони проскользнул в квартиру, бросив на тёмную лестницу последний опасливый взгляд. На нем был светлый долгополый плащ и безупречно чистая шляпа. Выглядел он совсем по-вашингтонски – как никогда прежде.

– Нелегко тебя разыскать, Ван. К телефону больше не подходишь?

– Нет. Теперь – нет.

Тони окинул квартиру взглядом, подвел итог в уме и с презрением отбросил как невероятный.

– Это конспиративная квартира? Если так, то неудачная. Я приехал сюда с шофёром и телохранителем и всерьёз опасаюсь, что их кто-нибудь изувечит.

Тони пристроил на облупившемся кухонном столе черную сумку и вытащил только что купленную, ещё в бумажном пакете, бутылку бренди-бенедиктина: на самом деле две бутылки, сплавленные вместе, с двойным горлышком. Жёлтый и зелёный – стеклянные сиамские близнецы.

В годы студенческой юности Ван и Тони считали бренди с бенедиктином пойлом для самых искушенных алкоголиков. Разумеется, пить им в те годы вообще не разрешалось, а на территории студенческого городка – вдвойне, отчего алкогольная смесь становилась каким-то образом ещё вкуснее. У каждого из приятелей была своя запутанная теория касательно точной пропорции бренди и бенедиктина, необходимой для подобающего остеклененния.

Вид сплетённых бутылок пробуждал теплые ностальгические воспоминания. Какой невинной радостью была полна тогда жизнь. Как они тогда веселились с Тони. Тони Кэрью в свое время нашёл для Вана лучшее развлечение на свете – подругу жизни.

До той поры у Вана никогда не было соседа по комнате, который мог бы помериться с ним интеллектом.

А то, что Тони был остроумен, скор на язык и обаятелен, Вана ничуть не возмущало.

Тони снял новенькую шляпу и пристроил на рюкзаке, чтобы не соприкасалась с омерзительной стойкой.

– Полагаю, такой штуки, как бокалы, в этом доме нет?

Ван разыскал пару здоровенных одноразовых стаканов. Он всё собирался купить посуду, но как-то случая не было.

Тони занялся пробками. Ван глянул на наручные часы: «Casio» показывали шесть часов вечера.

– Тони, ты пил?

– Как тут не пить? – отозвался тот. – Я только что вернулся с гадски срочного праздничного заворота кишок в Федкомсвязи.

– О!

– Нет, Ван, ещё хуже. Я тебе весьма советую немедленно вместе со мной залить глаза.

– Ладно.

Ван знал, что Тони прав. Слишком хорошо знал.

Тони налил обоим, неуверенно переставляя хрупкие стаканы. Похоже было, что он уже выпил. Не напился – как выглядит пьяный Тони, Ван ещё не забыл, – но определенно слегка промочил горло.

Тони привез ему бремя. И это не просто чудовищная, губительная для всей отрасли авария на федеральных телекоммуникациях. Ради такой мелочи Тони не стал бы являться сюда лично.

Приоритеты Тони Кэрью с течением времени несколько менялись, но Тони всегда оставался собой. Его интересовали деньги, женщины, новые технологии и власть. Тони был обаятелен. Убедителен. Речист. Во всех этих областях Ван никогда с Тони не соперничал. Поэтому Тони мог ему доверять.

Как большинство наполеончиков, Тони был обвешан комплексами, точно наковальнями. Но всё, что его тяготило, – большие деньги, распутные женщины, карьерные интриги, – с Вана скатывалось как с гуся вода. С первого дня их знакомства Ван способен был проникнуться проблемами приятеля. Он не осуждал Тони – и не порицал. Нельзя было даже сказать, что он ему сочувствовал. Но нуждался зачем-то в его доверии. В его откровенности.

Магниевое кресло Ван предложил гостю, а сам пристроился на скамье тренажёра. Тони погладил блестящий подлокотник. Под ним кресло превращалось в трон.

– Вау! Тебе бы таких дюжину. Их можно друг на друга ставить.

– Отличная мысль.

Ван поднес к губам тонкий белый стакан и отхлебнул «B amp;B». Знакомый бархатистый огонь вернул его в студенческие годы.

Тони окинул взглядом голые стены. От кунгфушных плакатов

Ван ухитрился избавиться вместе со всеми пожитками предыдущего жильца. Оставил только тренажёр вместе с гирями – как утешительный приз.

– Ван, а меблированной квартиры СНБ тебе не мог предоставить?

– Она была меблированная, Тони. Я всё вышвырнул.

Тони прищурился.

– «Жучков» искал? Да, это мне знакомо. Такое разорение потом.

Ван пожал плечами.

– Поверить не могу, что ты подался в федералы. Знаю, оно у тебя семейное, но это занятие тебе как-то не очень подходит.

– Времена меняются.

– Да с какой стати они тратят твоё драгоценное время? Почему именно ты? Ты же золотой стандарт программирования в одном лице. Они что, не могут курьерской почтой свои криптографические головоломки отправлять в Мервинстер? Неплохой у тебя там домик.

– Я его продаю.

– Да ты что! Быть не может! – Тони моргнул. – «Мондиаль» настолько рухнул? Даже «Мондиаль»?

Ван кивнул.

– На зарплату госслужащего я не могу оплачивать налог на недвижимость. Мне ещё повезет, если я смогу продать дом – понятия не имею, кто его купит. Весь город стоит на ушах.

Тони скис. Тони был богатым мальчишкой из состоятельной семьи, но разница в их положении никогда Вана не смущала – отец Дотти тоже был не беден, а Дотти – она ведь замечательная.

– Знал, что в этой сфере серьёзные проблемы, но… Ты Дотти уже сказал?

– Она считать умеет.

– Значит, не сказал.

Ван промолчал. У него с женой были раздельные банковские счета. Когда оклад и стоимость пакета акций Вана в период интернет-бума начали расти точно на дрожжах, ему показалось, что не время предъявлять Дотти нелепые претензии и менять сложившийся порядок. Это слишком напоминало ему кромешные брачные контракты. Ван не собирался бросать Дотти Вандевеер ради безголовой золотоискательницы. Другие вице-президенты «Мондиаля» могли бы исполнить подобный трюк, но что с них взять, с клоунов? Финансисты.

– Ты к ней в последнее время заезжал?

– Да нет. На Рождество созвонились. Долго болтали.

– Ты её вообще видел с тех пор, как она перебралась в

обсерваторию?

– Э-э… нет. Мы оба работаем как прикованные. Это потрясло Тони.

– Слушай, Ван… может, это не мое дело… но я познакомился с Дотти ещё раньше, чем с тобой. Мы с ней в Колорадо виделись, не знаю, раз пять за последние два месяца. А ты не можешь один раз слетать? Ты на ней женился, приятель! В чём проблема?

– Мы каждый день е-мейлы пишем.

С жалостью глянув на Вана, Тони плеснул ему в одноразовый стакан ещё бренди.

– Ты оглянись только на свою берлогу. Ты правда тут ночуешь? Ты что, федеральный тролль пятого левела? Кобольд? Горлум какой-то? Она тебя никогда не видела в этой жуткой дыре, я прав?

Ван кивнул.

– Благодарение богу хоть за это. – Тони вздохнул. – Перейду к делу. Придётся мне вами заняться. Ван, она ранимая натура. Уязвимая. Ей сейчас одиноко, но она никогда первой не позвонит. Бывает у действительно умных женщин такая вот застенчивая гордость. Она скорее в петлю полезет. Ты должен сказать ей сам, что хочешь ее видеть. Ты должен настоять, Ван.

Ван прищурился.

– Ну, – пробормотал он, – как-то тяжело вот просто так пойти…

Тони потеребил под плащом жилетку – натуральная шерсть.

– Ван, я ошибался? Десять лет назад мы с тобой это проходили. Слово в слово. Я заставил тебя позвонить Дотти. Я тебя практически силой к телефону подтащил. Я был прав?

Бренди начинало действовать. Щеки Вана разрумянились под бородой.

– Да, Тони. Так всё и было. Ты был прав.

– И… Что на стол выложишь?

– Ну, – промямлил Ван, – может быть… У нас в БКПКИ намечается большая конференция, в огромной усадьбе в Виргинии…

– Это которая? «Коулфакс»? «Эрлетт-Хаус»?

– «Эрлетт-Хаус», точно! Он самый.

– О да. Идеальное место. Там все проводят семинары – ЦРУ, Минобороны, лаборатория Белла, DARPA. Меню фантастическое, пейзажи вокруг роскошные – пруды, лебеди, рощи, клумбы, – господи, винный погреб заложен двести лет назад! Каждый замминистра мечтает затащить в «Эрлетт-Хаус» симпатичную консультантшу. – Тони рассмеялся. – Вот и проблем никаких, старик.

Ван расправил плечи. Звучало и впрямь неплохо. Конференция в «Эрлетт-Хаус» намечалась на раннюю весну, но к марту БКПКИ уже представит свои рекомендации. А он, Ван, уйдет из маленького бюро на какую-нибудь серьёзную постоянную должность в федеральном правительстве. Или окажется перед перспективой скорого увольнения. Так или иначе, рядом с ним должна быть Дотти. Чтобы отпраздновать вместе с ним, или посочувствовать, или… Нет. Просто чтобы они были вместе. Так надо.

– Ты мне ещё спасибо скажешь, – пообещал Тони.

– Уже говорю.

– Тебе бы стоило слетать к ней в Колорадо, и поскорее, – не унимался Тони. – Ты хоть представляешь, что у нас там творится? Мы создали обсерваторию мирового класса. Мы привели астрономию в е-мир. У нас мощнейший узел Интернета-два к западу от Миссисипи.

Да, Дотти новым местом очень довольна.

– Это отличная работа. Будущее астрономии. Цифровая обсерватория не просто наблюдает, старик. Всё, что она видит, уходит в архив, полностью доступный через Интернет-два. Ван улыбнулся.

– Твоя новая замечательная игрушка, а, Тони?

Тони отхлебнул из стакана, поднял бровь и добавил в смесь бенедиктина.

– Знаешь, во времена бума я всё думал: зачем трачу столько сил и времени на каких-то лунатиков? Это был проект старика Дефанти, а я при нем служил главным посудомоем. Но после того кошмара, который я пережил в последнее время… вот теперь я знаю, для чего ему было нужно такое утомительное хобби, никак с бизнесом не связанное.

Ван кивнул.

– Старики правильно относятся к взлетам и падениям. Это часть жизни, вот и всё.

– Я знал, что столкнусь с коррекцией рынка, – мрачно промолвил Тони. – Но не подумал бы, что может стать настолько плохо.

– Не принимай это близко к сердцу, Тони. Время работает на тебя. Всё вернется. И ты вернешься на белом коне.

Ничего более утешительного Ван не мог придумать, и говорил он от всего сердца, но, судя по тому, как скривился Тони, вышло всё равно неубедительно. Может, слишком отдавало жалостью.

– Не стоит об этом тебе говорить, – заметил Тони, – но ты знаешь, как упали в последнее время цены на маршрутизаторы?

Так вот, Дефанти отдал постоянное поручение закупать их, когда цена падает ниже определенного уровня. Старик, ты не поверишь, сколько у нас скопилось роутеров в обсерватории. Полные ангары. Мы же Интернет-два, мы готовы принять на себя весь трафик от Джуно до Лос-Анджелеса.

– Не верю.

– А ты поверь. Ничего нового нет в том, что хаб ННФ[26] служит важным интернет-узлом. «Энрон» при администрации Буша собирался занять этот рынок. Хотели вывести на рынок широкополосный канал Эла Гора. А мы с этой идеей вышли давным-давно. Сорвали бы куш – мы и старые хьюстонские приятели Дефанти. На эти деньги можно дюжину обсерваторий содержать.

– А что с этой затеей стало?

– Ну, стандартная цена на маршрутизаторы скоро вернется к прежней. То, что мы видим сейчас, – это вроде переходного займа для промышленности на самом-то деле. Но покуда мы сидим по уши в маршрутизаторах. Я подумал: твоему «Гренделю» могут пригодиться роутеры. Я прав?

– Разумеется… но, Тони, я не могу закупать у тебя оборудование.

– Я мало что не приплачу за то, чтобы от него избавиться.

– Мы друзья. А я теперь госслужащий. Это неэтично.

– Я похож на младенца? – обиделся Тони. – Ты давно в столице? Разумеется, я не стану их тебе «продавать». А ты не будешь «покупать». Это вообще не будет оформлено как финансовая сделка. Ты из СНБ, я – из ННФ. Плюс, помилуй господи, есть ведь ещё АНБ! Как, по-твоему, они покупают себе технику? Они вообще официально не существуют.

Ван покачал головой.

– Мой босс ненавидит АНБ. Они занимаются нашим делом. Они придушили все криптографические инициативы. Они не дают навести порядок в системе, потому что им так шпионить удобнее. – Ван отставил стакан. – Уроды.

– Ещё бы! Но у АНБ чёрный бюджет таких масштабов, что «Энрон» покажется букмекерской лавочкой. Ладно, чёрт с ним, с оборудованием. Это был один вариант. Как насчет прочитать у нас лекцию следующей весной? Мы понимаем, как скверно обстоит в сетях дело с безопасностью. Следующая совтехконференция будет проходить на ранчо Дефанти. В апреле. Не хочешь заглянуть и поделиться с нами последними слухами с Окружной? Ты же всегда приезжаешь на Совтех?

– Точно. – Все участники совтехконференций были знакомы – это был единственный способ добиться приглашения на Совтех от

Тайных Ботанов – Повелителей Интернета. Там собирались все, кто собой хоть что-нибудь представлял. – Ладно, Тони, я приеду.

– Сможешь представить новую линию партии от своего босса.

– Я проведу демонстрацию «Гренделя».

– Ого! Это будет круто. А почему бы тебе не построить «Грендель» прямо на конференции? Мы бы тебе достали грузовик дрянных компов. И подключим их к системе в реальном времени. Совтех встанет на уши.

А ведь сработает, подумал Ван. Сам он никогда бы не додумался бы устроить подобный спектакль, но Тони был совершенно прав. Ребята из Совтеха будут в восторге, столкнувшись вживую с новейшим потоковым компьютером. Дыхание затаят.

Он поневоле улыбнулся. Невозможно было не любить Тони. Ван едва мог вспомнить, как паршиво ему было двадцать минут тому назад, как тоскливо, несгибаемо и отчаянно. Стоило Тони войти в тесную квартиру – и будущее вновь засияло призывными огнями. Впереди ждали светлые дни. И счастье. В натуре, клёвые времена.

Просто фантастика.

Тони молча потянулся за бутылкой. Минутный экстаз прошел. На шее Тони висела невидимая наковальня.

– Что у тебя в планах? У тебя ведь есть план, как спасти положение?

– Ну-у-у, – протянул уже основательно нагрузившийся Тони, – никогда нельзя терять из виду цели, Ван. После биржевого краха пипл не станет разумней. Но теперь все повернулись умом на терроризме, а не на бабках. Сильней прежнего повернулись, потому что теряют надежду.

– У тебя проблемы с финансами?

– Не так просто. Кстати, мне правда очень жаль, что ваш совет директоров лег под холдинг «Дефанти». Ты был прав, что уволился, прежде чем податься в федералы, но… знаешь, я не хотел, чтобы у тебя всё так неудачно обернулось.

– Да ничего, – отмахнулся Ван вполне искренне – совещания совета директоров он ненавидел ещё сильней, чем конференции в федеральных бюро. – Они же ничего не понимали в настоящей безопасности, это как божий день ясно.

– Когда ты – властелин мира, вроде Тома Дефанти, это может ударить в голову. – Тони состроил гримасу. – Ты ведь слышал, что с Томом случилось, нет?

– Знаю, что он ушел в отставку. На совете директоров об этом почти не упоминали. Замели под ковер.

– Ну, все знали, что Том становится эксцентричен, об этом

все газеты трубили, но… В общем, Том подвинулся рассудком. Напрочь. Фактически он сейчас под домашним арестом. Такого человека невозможно просто сдать в бедлам, ты же понимаешь. Можно только построить бедлам вокруг него, как вокруг Говарда Хьюза. Том бредит. Его держат в одном из крыльев усадьбы, жена-китаянка за ним приглядывает… Ван, он твердит о марсианах.

– Гос-споди! Что, правда?

– Вот-вот. Том повстречался с НЛО. Помимо всего прочего. Как во «Вратах рая». Звездолёты и марсиане. Совсем рехнулся. Для всех его работников это сущий кошмар. – Тони опрокинул бокал и обмяк в сверкающем кресле. – Та же сила, что вознесла Тома, его и уронила. Воображение, фантазия. Дерзость мысли. Это, наверное, самая страшная трагедия, какую я наблюдал.

– Боже мой, – прошептал Ван. – Я не думал, что всё так плохо.

– Ван, слушай меня! – яростно прошептал Тони. – Я понял кое-что важное. По-настоящему творческие люди – они не в себе. Вот почему они могут столько отдавать. Должны. Они сражаются с какой-то черной дырой в душе. Великие художники, великие писатели… даже великие бизнесмены. Самые лучшие из них – они намного лучше, чем нужно человеку в жизни. Никакая награда не стоит подобных усилий. Потому что дело не в деньгах и даже не в славе. Это всё ужас. Ужас внутри.

– Да ну тебя, Тони.

– Именно так, Ван, – грустно проговорил тот. – Я это видел собственными глазами.

Ван взял себя в руки. Бренди незаметно действовало. Программисту становилось всё лучше. Пришла пора потрудиться ради блага несчастного приятеля.

– Хорошо сделанная работа – сама себе награда, Тони. Когда справишься… это здорово. И когда делишься – тоже.

– Ты можешь так говорить, потому что у тебя есть творческая жилка, Ван. Ты ученый. Ты в своем уме. Ты умеешь вериться в монитор и нырнуть туда – я видел, как это у тебя выходит, просто чудо какое-то. Я с первой нашей встречи понял – у тебя талант. Но ты не художник. Ты даже не бизнесмен. Потому что в тебе нету беса. Ты хороший парень.

– Тони, кончай. Если уж я в НЛО не верю, о бесах я с тобой точно не стану спорить.

– Со мной? Я всего лишь брокер. У меня творческой жилки нет. Я всего лишь удачливый жулик.

Ван расхохотался.

– Держись, Тони. Всё будет хорошо. Ты молодец. Может, Тони и пострадал от биржевого кризиса, но у него до сих пор был личный реактивный самолёт. Он кружил головы актрисам и

моделям. Он тратил на свой гардероб столько, что хватило бы прокормить кенийскую деревню. С какой стати ему так убиваться, словно рушится мир?

Хотя Тони всегда был такой. Мрачная тяга к самоуничижению служила изнанкой его обаяния.

Тони потёр скулы, как всегда, когда лицо его начинало неметь от выпитого.

– Да, я порой самыми странными способами заключаю сделки. Коллажем и аппликацией, прямо сказать. Настоящий постмодерн.

– Постмодерн? Тони, ты пьян. Кончай болтать ерунду. – Ван поднялся на ноги. – Знаешь, что мы сейчас сделаем? Поедем играть в боулинг. Давай, Тони, пошли!

– Ты ещё катаешь шары? – Тони ухмыльнулся. – Ты мне задницу порвешь.

– Ни в жизни. Ты же у нас игрок. Мистер Ас.

– Ты на руки свои посмотри, – возразил Тони. – Ты что с собой сделал? У тебя плечи, как два ствола.

– Два ствола, – разборчиво повторил Ван. В детстве, когда он страдал заиканием, эти слова ему не дались бы – и не давались сейчас, когда язык заплетается от выпитого. – Поехали в Пентагон. Играть в боулинг. У них там классные дорожки. А у меня есть пропуск.

– Вот это уже интересно, – заметил Тони.

– Пентагон полон красоток.

– Ты надрался, – понял Тони. – Ты сегодня ел что-нибудь?

Ван пожал плечами.

– Поехали. Подальше от этой дыры. Дай вызову мой лимузин.

Не беспокойся, я с шофёром, – бросил Тони, помогая Вану натянуть куртку.

Куртка была немецкая – с распродажи излишков на складах вермахта – зеленая, нейлоновая, с тугими манжетами. Подошла бы военврачу. По множеству карманов Ван распихивал инструменты, запасные платы и всякие мелочи, хотя и выглядел при этом точно сумасшедший хирург-подпольщик. Прохожие на вашингтонских улицах от этой куртки шарахались. В этом было одно из ее главных достоинств.

Кроме того, куртка была тёплая, а на улице подморозило.

Уже в коридоре Тони заметил бластер.

– Это же клеевой пистолет, – заметил он, выхватив инструмент из кобуры и понюхав дуло.

– Угу, – согласился Ван.

Тони простучал костяшками гулкий ствол.

– Так ты плавишь клей в пушке Флэша Гордона? Алюминий?

– Титан.

– Вот и мне показалось – титан. Но слушай, титан же невозможно обрабатывать. Даже Стив Джобс не умеет. Где ты его раздобыл? Это же суперкласс!

– Я им распугиваю толкачей «крэка».

Тони почтительно намотал шнур на рукоять бластера.

– Ты не поверишь, – сознался он, – что мне пришлось сегодня перенести на совещании. Просто кошмар. Кромешный ужас. Но эта штуковина!… – Он расхохотался. – Ты… ты мне поправил настроение.

Тони действительно приехал с шофёром. И с телохранителями – двое мрачных немногословных типов с мордами наёмных охранников на почасовой оплате пристроились на переднем сиденье лимузина, в то время как Тони и Ван развалились сзади на бархатных подушках.

Оба из принципа никогда не понижали градус, так что из бара в салоне Тони вытащил бутылку «Курвуазье». Там же обнаружились и клёвые стопки из флюоресцентно-зеленого стекла.

Ван опрокинул бокал. Бренди было не просто хорошее – отличное. Восхитительное. Как раз этого глотка ему не хватало, чтобы перейти к делу.

– Тони, зачем ты на самом деле приехал?

Тони причмокнул от восторга и налил себе по новой.

– Да просто заглянул, пока я в городе! Завтра – ну или послезавтра, считая линию перемены дат, – я возвращаюсь в Индию. Встречать Новый год на горном курорте с прекрасной женщиной. Я же тебе ещё не рассказал, что познакомился с Анджали, старина! Анджали Девган из Болливуда. Эт-та история для тебя станет сущим откровением.

– Должно быть, горяча?

– Это просто иной мир. Иная вселенная секса. Эта женщина меня сгубила. Натурально. Она изумительная. Я после неё – просто веками изглоданная статуя с фронтонов Кхаджурахо. Мы с ней точно вода и огонь. От наших игр яки в Непале просыпаются.

– Тони, чем я могу тебе помочь?

– Ничем! Вот клянусь, тут уже ничего не поделаешь!

– Просто расскажи мне. Это я, Ван, помнишь?

Тони проверил пуленепробиваемую перегородку между салоном и кабиной водителя.

– Хорошо… хотя мне совсем не стоило бы тебе об этом говорить.

– Ладно.

Ван немного расслабился. Вот и дошло до главного.

– Я не хотел говорить. Ты меня заставил.

– Да, Тони.

– Не надо было рассказывать… потому что речь идет о деньгах. Больших деньгах. И я могу их получить, так что я в этом деле необъективен. Имей в виду.

Ван молча кивнул.

– КН-тринадцать, – прошептал Тони. Спутник-шпион.

– Слышал.

– Жалкий кусок криво перепаянного металлолома.

– Слышал и это.

– На два года отстали от графика. Бюджет превышен на сотни миллионов. Вес при запуске – больше семи тысяч фунтов, он даже в стандартный «Титан» не влезает. Дефанти обвели вокруг пальца с этим проектом. КН-тринадцать – единственный американский спутник-шпион на орбите, в котором не стоят распознающие процессоры Тома. Его обошли на аукционе – знаешь, там всё подтасовано было, но это долгая история… В общем, это же бюрократы. И они попытались создать спутник-шпион новой модели. Попытались – и облажались в хлам, Ван! Дефанти мог бы провернуть такой фокус, потому что у него всегда была наготове такая небольшая команда лучших спецов…

– Очень тихо, – промолвил Ван. – Очень быстро. И всегда ко времени. Лучшие специалисты, но в десять раз меньше, чем привлёк бы любой другой.

Тони отставил стопку на откидной столик.

– Вот-вот. Я об этом немного иначе думал, но да – именно так и получилось бы.

– Так в чём проблема?

– Они отдали новенький КН-тринадцать на окормление этой банде продажных спонсоров. И теперь, когда Америке действительно нужны зоркие глаза на орбите, мы облажались. Они исхитрились запустить ровным счетом один КН-тринадцать, и тот, уродец, при последнем издыхании. Спутник получился слишком сложным, слишком навороченным, особенно по инфракрасным камерам. Предполагалось, что КН-тринадцать должен в реальном времени засекать дульные вспышки при стрельбе из автомата в лагерях подготовки террористов. Это безумно завышенные требования к спутнику. И кто виноват, что проект летит коту под хвост? Все виноваты! Все, кроме ВВС всемогущих и НБР! Они ищут, на кого бы повесить всех собак. Виноватого ищут.

Зачем Тони ему это рассказывает?

– Тони, я работаю в киберпространстве, а не в открытом космосе.

– Есть такой тип – Майкл Хикок…

Ван ждал продолжения. Вот к чему дело клонится.

– Хикок из тех парней, за кем остаются трупы. Выполнял для правительства чёрную работу. Чечня, Центральная Азия, Казахстан – ну там, где пусковые шахты… Он наёмник. Человек без совести. Сейчас его наняли ради политического прикрытия. И знаешь, какая сейчас пошла волна? Это все «проблемы программного обеспечения», Ван.

– Ага. – Ван нахмурился. – Во всём виноваты программисты. Умников к ответу.

– Хикок бродит по кабинетам в поисках козлов отпущения. Не становись к нему в очередь, ладно? Твоя новая контора в программёрском мире уже начала зарабатывать себе имя. Это значит, что всякая бестолочь будет вешать на вас свои дерьмовые проблемы. С высоких-высоких кресел.

– Тони, мы в БКПКИ не напрашиваемся решать проблемы со спутниками. Уж поверь, у нас своих проблем выше головы!

– Ван, выгляни в окно. Это город Вашингтон. Заниматься своим делом здесь – недоступная роскошь. А КН-тринадцать – большая политика. Проблема из тех, что сами тебя находят.

Ван обдумал эту идею – достаточно мерзкую, чтобы быть правдой.

– Ты хочешь сказать, что дерьмо посыплется на меня и нашу команду?

Тони посмотрел, как мимо пролетают фонари.

– Том Дефанти был мой человек, хотя я и не могу ему сейчас ничем помочь. А Том Дефанти был сам себе производством спутников-шпионов. Так что я точно знаю – эта проблема свалится на тебя.

Ван поразмыслил над этим.

– А что, если я смогу его починить? – Тони потерял дар речи.

– Ладно, – признал он в конце концов. – Если бы проблема была только в программном коде – да, пожалуй, ты бы её смог исправить. Но беда же не в этом. Весь проект КН-тринадцать от начала и до конца – сплошная липа. США обогнали весь мир по спутникам-шпионам. Никто не полагал на самом деле, что нам потребуются ещё более мощные. Подрядчики заняли хлебное место, получили свой гарантированный бутерброд. А теперь они вывели на орбиту летающий золотой «кадиллак» с дрянным детройтским моторчиком под капотом. Хочешь починить чего-нибудь? Почини мозги «Локхид-Мартину» и «Дженерал динамике»!

– Ладно, Тони, я уже понял.

– Ты хороший парень, Ван, но военно-промышленный

комплекс тебе не переделать. Я не прошу тебя устраивать большую разборку и устанавливать справедливость. Я бы никогда тебя не попросил об этом. Я только предупреждаю: поберегись. Это всё.

– Спасибо за информацию, Тони. Я у тебя в долгу. – Не стоило тебе об этом рассказывать. У тебя же допуска нет, Ван. Мы оба можем в тюрьму загреметь.

Ван вздохнул.

– Тони, мы не поедем в тюрьму. Мы едем играть в боулинг.

– Ага.

– Мы вместе катали шары. И больше ничего.

– Точно, старина. Совершенно верно. Клянусь на Библии.

– А ты рассказывал мне о свиданиях со своей индийской актрисой.

– Актрисой, это точно, – согласился Тони, очевидно повеселев. – Но знаешь, Ван, это далеко не главный её талант…

ГЛАВА 6

Месторасположение неизвестно, январь 2002 года

Попытки Джеба привести к консенсусу все связанные с информационной безопасностью федеральные агентства имели свою оборотную сторону. Компьютерами политический истеблишмент не интересовался. Все будто помешались на безопасности авиаперелётов. С точки зрения Вана, это была совершенная бессмыслица – типичная реакция перепуганных дилетантов, неспособных взглянуть на проблему с точки зрения вменяемого инженера.

Очевидно было, что «Аль-Каеда» не собирается повторять атаку самолётов-камикадзе. Террористы так не поступают. Элемент неожиданности был жизненно важен для их плана. Никакой экипаж и никакие пассажиры на Земле больше не сдадут самолёт банде угонщиков с опасными бритвами теперь, когда ясно стало, что все на борту при этом погибнут.

Логически рассуждая, пытаться защитить самолёты от людей с опасными бритвами было столь же бесполезно, сколь и невозможно расточительно. И бессмысленно. В любом аэропорту продолжали торговать выпивкой в бутылках. Любой угонщик с бутылкой спиртного держит в руках тяжелую стеклянную дубинку, полную горючей жидкости, причём удар по переборке превращает ее в смертельно опасный нож. Четверть «Джека Дэниелса» представляла собою оружие куда более страшное, чем резак для картона. Ну и что важнее? Почему об этом никто не подумал?

Но Ван всё же мог понять, почему политики так озабочены падающими самолётами. Упавший самолёт – один из немногих видов оружия, способных уничтожить разом достаточно большое количество вашингтонских политиков.

Так что эту глупость БКПКИ готово было проглотить из политической необходимости – но ею дело не ограничилось. Если бы террористы действительно собирались атаковать правительство, использовать для этой цели гражданские пассажирские лайнеры было неумно. Они слишком медленно летают, за ними слишком хорошо следят, а на борту слишком много посторонних свидетелей. Идеальным летающим орудием убийства для террористов-камикадзе был бы частный реактивный самолёт. Команда у него маленькая, и угнать его из ангара нетрудно. Потом краденый самолёт можно загрузить взрывчаткой на манер Тимоти Маквея. Задача на элементарную механику –

ответ становится очевиден, если правильно записать условия. Угнанный частный самолёт нанесёт удар быстрей, страшней и куда эффективней, чем пассажирские лайнеры 11 сентября.

Но в то время, когда всем Джо и Джейн Потребителям просвечивали в аэропорту подмётки, в ответ на очевидную угрозу со стороны частных реактивных самолётов никто в федеральных правоохранительных органах даже не почесался. Владельцы частных самолётов были самыми богатыми людьми Америки. И никто в конгрессе не осмеливался наступить им на мозоль.

Американские богачи слишком богаты, чтобы с ними обходились как с террористами. Несмотря даже на то, что Усама бен Ладен, лучший на свете террорист, был далеко не беден. Сёко Асахара, зариновый йог-заговорщик, мог позволить себе личный вертолёт. Если кто и представлял собой террористическую угрозу, то в первую очередь богатые психи.

Однако от внимания Бюро опытных разработок авиационной радиоэлектроники ВВС США – конторы, проходившей под цыганистой аббревиатурой БОРАРЭ и расположенной в Колорадо-Спрингс, – этот зияющий пробел в противовоздушной обороне не ускользнул. С негласной помощью НАСА и DAPRA первой жертвой конверсии был выбран BBJ, «боинг бизнес-джет», самый большой, а потому самый опасный самолёт в частном авиапарке Америки. Решено было создать маленький потайной автопилот, который можно незаметно установить на борту и дистанционно активировать в случае террористической атаки. После чего автопилот выведет машину на посадочную полосу, где обалдевших террористов уже будет поджидать заранее оповещённая полиция.

Схема выглядела достаточно простой… но сатана, как всегда, таился в мелочах. Дистанционное управление реактивным самолётом в воздухе ставило перед проектировщиками множество сложных задач, но программистам приходилось особенно тяжело. Потому что, если умелый хакер заполучит контроль над системой управления, каждый частный реактивный самолёт в Америке превратится в радиоуправляемую бомбу.

Парни из БОРАРЭ посвятили себя разработке дистанционно управляемых самолётов-шпионов. Вопросы управления воздушным движением и интеграции автопилота в системы бортовой электроники они щёлкали точно орешки, но безопасность связи находилась за пределами их возможностей. Джеб вызвался разрешить проблемы БОРАРЭ с безопасностью связи, потому что для БКПКИ политически выгодно было приложить руку к организации национальной безопасности воздушного движения. С технической точки зрения это было

совершенно бессмысленно, однако должно было привлечь внимание конгресса.

Проект «Грендель» уже не требовал ежеминутного присмотра, и на Вана как-то сама собой свалилась задача модифицировать системы управления спутниками-шпионами для использования на частных самолётах. Ван сомневался, что проекту суждена долгая жизнь, протянет он не дольше, чем заголовки на передовицах газет об угоне самолётов, – но он уже не был сам себе хозяином. Кроме того, когда он оценил детали, работа оказалась очень интересной и многообещающей в плане технического применения. В конце концов, спутники тоже были дистанционно управляемыми летающими объектами, и протоколы шифрования при связи с ними использовались проверенные.

Ван никогда не подозревал, что на орбите крутится столько высокотехнологических гостайн, но на самом деле ситуация складывалась восхитительным образом.

На протяжении сорока лет взломать американские спутники-шпионы пыталось неимоверное количество противников. «Вскрыть» и подчинить сверхсекретную американскую «Замочную скважину» – КН-11 – или «Аквакаду»[27] прямо на орбите было бы колоссальным достижением для любой разведки, куда большим, чем «дело Сокола и Снеговика»[28] или Джонатана Полларда[29]. Усилий на это было потрачено неимоверное количество. Никто – ни китайцы, ни русские, ни даже французы или англичане – не мог сравняться с достижениями американской техники в областях телеметрии, захвата сигналов, систем слежения за фазированными несущими, фазово-когерентного слежения и стохастического интегродифференциального анализа гибридных многоканальных несущих частот.

На новом месте Ван чувствовал себя как рыба в воде. Особенно ему нравились брифинги. Допуск к «совершенно секретным» материалам он уже перерос, достигнув эзотерических ступеней «администрация-гамма» и «НКР» – это когда материалы для ознакомления ему передавали правительственным курьером, машинописные, на хрупких, горючих листах восковки.

Угрюмые инженеры из АНБ и НОР с неохотой расставались с секретными данными. У них плавились не только трубы, но и головы. С б**о**льшей охотой они сняли бы штаны, открыв на всеобщее обозрение семейные ценности. Специалисты АНБ зарождались в каком-то странном параллельном мире, где все основные принципы уже были изобретены в начале шестидесятых сорока тысячами математиков, запрессованных в большой бункер где-то в Мэриленде. Ван испытывал странное уважение к ним, не

к нынешним растерянным лупоглазым снобам из АНБ, а к поколению деда Чака, к великолепным ракетчикам «холодной войны». То была погибшая империя настоящей мужской техники, где лучшие инженеры Америки, закатав рукава, раскуривали «Кэмел» без фильтра и взрывали термоядерную бомбу.

Взявшись работать на БКПКИ, Ван потерял целое состояние, но, без сомнения, приобретал взамен бесценный опыт. АНБ оставалось тайной даже для собственных работников, а шпионские достижения агентства принадлежали к области допотопных жутких легенд.

Прежде чем на орбиту поднялись первые спутники-шпионы, американская разведка использовала для слежки воздушные шары. Запускала в стратосферу облака ядовитых паров металла, отражавшие из-за горизонта сигналы советских раций. Но всё меньше и меньше ветеранов помнило об этом. Шедевры сверхсекретной изобретательности оказывались попросту забыты – засунуты в ящики и брошены на каком-то складе, точно Ковчег Завета в «Индиане Джонсе».

Шифры дистанционного управления, которые изучал сейчас Ван, остались в наследство от той мифической эпохи. Это был не программный код, а машинный. Должно быть, дед Чак успел приложить руку к его разработке, когда создавал крылатую ракету в 60-м году. То было живое ископаемое: код, созданный специально для радиоразведки, для спутниковой электроники, для орбитальной «холодной войны». В мир современных компьютеров он заползал точно цифровой трилобит.

И всё же никто до сих пор его так и не взломал. Потому что математические основы его были крепче гранита. Так что теперь перед Ваном и его заказчиками из БОРАРЭ стояла непростая техническая задача – переформулировать код управления спутником для использования на самолёте. И не просто самолёте. А на гружёном взрывчаткой реактивном лайнере, угнанным или украденным, летящем на предельной скорости очень низко, над самой землёй, ниже зоны действия радаров ВВС, держа курс на Белый дом или Капитолий.

В качестве основного решения рассматривался геосинхронный суперспутник дистанционного управления самолётами, подключённый каким-то образом к сети глобального позиционирования GPS. Это был подход типично пентагоновский – он требовал шестидесяти миллиардов и целого поколения на то, чтобы его спроектировать, построить и запустить. Ван надеялся придумать что-нибудь попроще, полегче и желательно прежде, чем умрет от старости.

По его мнению, для БКПКИ наилучшим выходом было бы

повторить успех «Гренделя». Собрать один рабочий образец и поставить кому-нибудь в самолёт. Парни из БОРАРЭ клянчили у НАСА и «Боинга» небольшой реактивный лайнер – такой, чтобы не жалко было разбить. Конечно, об этих молодых ребятах никто до начала кризиса не слышал, зато они не хвастались, они работали как проклятые и они были очень талантливы.

Ван как раз сидел в своем кабинетике под сводами Склепа, погрузившись в задачу с головой, когда из-за мандариновой офисной ширмы выплыла хмельная Фанни.

– Господибожемой, это он! Он пришёл! Элвис! Элвис тебя спрашивает!

– Кто? – переспросил Ван.

Он уже не удивлялся, услышав от Фанни нечто определенно безумное. Фанни Гликлейстер находилась в здравом уме. Просто она была настолько умна, что реальность под её взглядом расползалась, как бумага под ножницами.

– Тот высокий, симпатичный брюнет с пристегнутым к руке чемоданчиком. Ван, он ждет в коридоре. Просит его проконсультировать!

В голове у Вана завыла сирена.

– Он не похож на Элвиса.

– Но он же южанин! – выпалила Фанни. – От него просто *несёт* Элвисом. Прямо как от Билла Клинтона. Обожемой, Ван, – он та-акой обаяшка! Самый клёвый парень в Склепе!

– Фанни, да что с тобой? Ау!

– Ну давай его отконсультируем!

Ван кивнул. Утомлённый программным кодом мозг требовал отдыха.

– Проводи его ко мне.

В тесный бетонный фоб кабинета бочком пропихнулся «Элвис». Одет он был в белую рубашку-поло, серые штаны, черный блейзер и черные туфли. Тренировочный костюм он, как сообразил Ван, снял. Это значило, что чемоданчик у него всё же отстегивается.

Ван предложил «Элвису» кресло, а сам пристроился на краю гнутой пластиковой столешницы. Кабинеты в Склепе были такие маленькие, что с тем же успехом можно было проводить совещания в телефонной будке.

– Доктор Вандевеер, – представился Ван. – Чем можем помочь?

«Элвис» аккуратно раздавил Вану руку.

– Майкл Хикок.

Ван невольно погладил бороду расквашенными пальцами. Хикок его реакции словно не заметил. Секунду спустя

программист взял себя в руки. Вот наконец и он самый – Майкл Хикок, эта шельма, этот безжалостный наёмник, – сам пришел в руки, точно фальшивый грош. Не диво, что Хикок никогда не расставался со своим чемоданчиком – бродит с ним, точно психядерщик в «Эвакуаторе»![30] Прожжённый ловкач, собравшийся повесить на первого подвернувшегося лоха тринадцать миллиардов казённых баксов растраты. Наивную юную секретаршу Вана он уже успешно обаял. Если бы Тони Кэрью в обход правил не предупредил его…

– Рад познакомиться, – соврал Ван.

– Док, мне сообщили, что у вас допуск «администрация-гамма», – проговорил Хикок.

– Верно. Мы здесь, в БКПКИ, работаем над программными обеспечением и протоколами спутниковой связи.

– Я сам в этом деле ничего не понимаю, – протянул Хикок. – Но моё руководство просто жаждет показать специалисту свою хворую птичку.

– Понятно. – Ван был уже готов принять жёсткие меры, но вблизи, при личном общении, Хикок производил жуткое впечатление каратиста-спецназовца. Похоже было, что он способен переломать любой предмет в комнате голыми ногами.

Куда торопиться? – подумал он. Куда хитрее будет изучить повадки Хикока. Вежливо завлечь его видимостью искреннего сотрудничества.

– Рассказывайте.

Хикок запустил руку в карман и вытащил зловещего вида складной нож, подвешенный на одной цепочке со связкой ключей.

– Мне придется открыть чемодан. Вопрос государственной безопасности.

Ван поднял глаза:

– Фанни, кыш.

Фанни спала с лица. Допуска «администрация-гамма» у нее не было.

– Но…

– Закрой дверь и захлопни наружную. Стой в коридоре. Увидишь подозрительные лица – кричи.

– Так точно, сэр! – отозвалась Фанни, которая никогда не обращалась к начальнику «сэр», и вышла.

Хикок отпер замок крошечным серым ключом. В чемодане пряталась стопка банального вида пентагоновских папок, в каких обычно хранились документы по разработке новых вооружений. За последние месяцы Ван насмотрелся пентагоновских папок на всю оставшуюся жизнь. Пятьдесят лет военизированных ритуалов создали уникальный бюрократический стиль, в котором каждая

бумажка требовала визы от вышестоящего офицера и составлялась в четырех экземплярах.

В представших взгляду папках Ван признал классическое «дело Перл-Харбора». Всякий раз, когда масштабный проект кончался пшиком, документация росла словно на дрожжах, по мере того как виновные пытались обезопасить себя от неотвратимо грядущего расследования. Папки начинали рваться иод давлением изнутри и обтирались по углам, покуда их перебрасывали из рук в руки, точно горячую картофелину.

Ван никогда в жизни не согласился бы тратить свое время на то, чтобы одолеть эту гору очковтирательства. Пора было кончать комедию.

– Как я понимаю, мы имеем дело с высокой ценой выбора.

– Это верно, – согласился Хикок. – Но моё руководство не станет мелочиться с финансированием. Перед вами проект стоимостью десять миллиардов долларов.

Ван совершенно точно знал, что на программу разработки никому не нужного КН-13 выделено было восемь миллиардов, а потрачено – тринадцать. Он обвел рукой завешенные барахлом стены своего кабинетика. Вокруг не продохнуть было от перспективных игрушек информационной войны: камеры видеонаблюдения на солнечных батареях, карманные анализаторы сибирской язвы, гаджеты биометрического доступа, которые пялятся тебе в глаза и облизывают пальцы… Девяносто процентов из них были совершенно бесполезны, но, прежде чем выбросить, их следовало показать ответственному лицу.

– Как видите, мы сейчас заняты другими проектами, более соответствующими нашей ключевой миссии.

«Неужели я только что сказал "ключевой миссии"?» Исходящее от Хикока ощущение опасности и угрозы серьёзно действовало на нервы.

– Послушайте, док, я бы не обратился к вам, если бы расследование уже не зашло в тупик, – промолвил Хикок, доставая ещё одну голубую папку – намного тоньше и другого оттенка. – При запуске птичка работала прекрасно, если не считать небольших трудностей поначалу. Серьёзно чудить она начала с год тому назад. Уж поверьте, за ней приглядывала толпа народу.

Ван уставился на голубую папку, не дотрагиваясь. Против своей воли он заинтересовался историей Хикока. Любопытство его зачесалось.

Что-то несуразное было в этой истории. Майкл Хикок был впечатляющим типом, но не слишком походил на опытного ловкача, только и занятого поиском козлов отпущения. На столь

сложную интригу ему явно не хватило бы ума. Может, Тони Кэрью никогда лично не встречался с Майклом Хикоком. А быть может, всё это просто большая, глупая ошибка. Которую сделали давным-давно. А Ван может исправить.

– Так что – ваша птичка теряет ориентацию?

– Ничего подобного. Стоит как скала.

– Шум на канале связи? Слишком узкая полоса пропускания?

Хикок покачал головой.

– С землей у неё контакт не нарушен.

Ван не мог не посочувствовать человеку, который называет спутник «птичкой».

– Возможно, вы имеете дело с затмениями антенны. В чём проблема – много орсов?

– Много чего?

– Одиночных разрывов связи.

– Послушайте, док, большую часть я понял, но я всего лишь простой деревенский парень, и служба моя была в спецназе ВВС, – ответил Хикок. – Если вам понадобится в глухой глуши надежный корректировщик для беспилотного самолёта-наводчика «Предатор» – вот он я. А ракетные науки – это для меня сложновато. Но не для вас. Давайте начистоту – по мне, вы похожи на парня, который с работой справится.

Ван был польщён. Пока не почувствовал петлю на шее. О да – принцип медовой липучки в действии: никакой самоуверенный всезнайка не в силах устоять перед грубой лестью. Ван поразился, как это весело, когда тебя держат за полного лоха.

– Едва ли я смогу починить для вас спутник, – проговорил он. – БКПКИ – всего лишь координационный орган.

– Но бюджет уже выделен! Сможете нанять специалистов. И мне говорили, что этот ваш «Грендель» обогнал наше время на двадцать лет.

Ван окончательно уверился, что его разводят.

– Возможно, но «Грендель» ещё и занимает большую часть моего рабочего времени. Практически всё. Очень жаль, что приходится вам отказывать.

Хикок набычился. Наемник был не из тех людей, что легко сносят отказ, и видно было, что отказывают ему в последнее время часто.

– Вот так, значит?

– «Так» – это как? – поинтересовался Ван.

– Без толку! Вы же из этих, из ученых, – всегда гоняетесь за следующим призом. Всё скорость – и никакого направления!

Гнев вспыхнул в груди у Вана, точно комок факсовой бумаги от спички.

– Слушай, приятель, это ты ко мне пришел, а не наоборот. Какое мне дело? Убирайся.

– Какое дело? У нас война на носу! Мои друзья мерзнут в снегах Афгана, а вы тут сидите на пидорских своих примочках! – Хикок щелкнул по алюминиевому абажуру галогеновой настольной лампы. Та глухо звякнула. – Это же спутник-шпион следующего поколения, придурок яйцеголовый! Он может спасать жизни американских солдат! Но только не ты – нет, это ниже твоего достоинства!

Героическим судьбоносным усилием Ван обуздал слепящую ярость. Нет, он не будет бить морду посетителю в собственном кабинете. Кроме того, подсказало шестое чувство, перед ним стоял очень опасный тип. Такой и убить может.

– Послушайте, мистер Хикок, если я несерьёзно отношусь к нынешней войне, тогда какого чёрта я делаю в секретном, блин, бункере в Западной Виргинии? Работе моей меня же учить будете? Садитесь, программируйте сами. Посмотрим, что у вас выйдет.

– Об этом я прошу *вас,* док.

– Идите к чёрту. КН-тринадцать – летающая груда мусора. Скоро она рухнет с орбиты, как банковский сейф. Хотите, чтобы она приземлилась мне и моим сотрудникам на головы? Не выйдет. Ищите другого дурака.

– Послушайте, вы же не можете этого знать, – возразил Хикок удивительно мягко. Он провел пальцем по голубой папке. – Вы даже не глянули на данные.

– Мне необязательно смотреть на ваши данные. – Хикок выпучил глаза.

– Это мне говорит ученый? Ученым положено изучать данные. Я так всегда слышал.

– Ну… – Ван осекся, чувствуя, что его прижали к стене. Достойного выхода из положения не находилось. – Послушайте, данные тут ни при чём. Эта вот папочка – голубенькая – не доказательство, а улика. Чтобы заглянуть в неё, я должен расписаться где-нибудь. После чего ваше начальство на меня наедет по полной программе. Тут же. И повесят всё на меня, потому что меня осалили последним.

Хикок прищурился.

– Чёрт. Об этом я не подумал. В этом, значит, проблема? Не желаете носом в мышеловку лезть?

– Ещё бы.

– И правильно, – одобрил Хикок. – Так они и сделают. – Это был не вопрос. И даже не признание. Это была трезвая оценка ситуации. – Но если вы подлечите нашу птичку, док, винить

никого не придется.

– Я бы с радостью за нее взялся, ответил Ван. – Я на поколение обогнал ребят, которые строили нашу космическую промышленность. У нас есть более эффективные методики компьютерного анализа, и мне хочется думать, что я действительно смог бы починить спутник, если бы у меня были время и деньги. Но никто не хочет, чтобы я его чинил. Все хотят, чтобы я оставил на нем отпечатки пальцев. – Ван пожал плечами. – Я не стану расписываться на ваших документах. Не просите от меня слишком многого.

– Это я понимаю, – ответил Хикок. – Куда бы я ни подался, всюду творится какая-нибудь дрянь, которая началась ещё до моего рождения.

Движения его сделались до странности неловки – от сдерживаемой ярости, быть может. Или от стыда.

– Предположим, я оставлю эту голубую папочку под скамейкой в тренажерном зале.

У Вана глаза вылезли на лоб.

– Бред. Это же секретный документ. Не оставите.

– Я долго моюсь! – рявкнул Хикок. – А вы, мистер компьютерщик, вы у нас большой культурист, да? Увидимся в зале. Может, заставите себя пропустить пару занятий на тренажере.

«Может, да, – подумал Ван, – а может, и нет. Может, он оставит мне папку. А может, и нет». Он спрыгнул на пол.

– Пошли?

ГЛАВА 7

Ранчо «Пайнкрест», штат Колорадо, январь 2002 года

Остаток дня Тони Кэрью провел, наблюдая, как его подружка танцует в сугробах. Анджали метила в Героини Болливуда Номер Один, намереваясь обойти Айшварью Раи, Бипашу Басу и сестер Капур. За это Анджали готова была платить кровью и плотью – а ей было чем расплатиться.

Анджали неслышно пела под пронзительные вопли фонограммы и одновременно кружилась, порхала, покачивала бедрами и исполняла танец живота. Снова и снова, блистательно, великолепно. Дубль за мучительным дублем, в ясный зимний день на высоте девяти тысяч футов.

Индийские кинозрители обожали романтические сцены в горах. Обожали до такой степени, что местная киноиндустрия заездила Швейцарию вконец, и Тони Кэрью пришлось подсовывать им вместо нее горы Колорадо. Аудитория болливудского кино своеобразно относилась к снегу. Для простой индусской деревенщины – для миллиарда человек – снег представлял собою сказочную, мифическую субстанцию вроде кокаина или пыльцы фей. Поэтому индийские актрисы, танцуя в снегу, не надевали ни курток, ни шуб. Играть им приходилось с непокрытой головой, голыми руками и голым животом, в традиционном шифоновом костюмчике, с сияющей улыбкой на губах, на зверском морозе. В промежутках между дублями Анджали отбегала в сторону, чтобы отогреться какао на козьем молоке и подышать кислородом из чёрного респиратора.

Главную мужскую роль исполняла вторая звезда фильма и по совместительству двоюродный брат Анджали – Санджай. Ему, как мужчине, позволялось бродить но сугробам в теплых сапогах, длинных штанах и куртке на пуху. Бомбейский клан актеров, к которому принадлежали оба, уже сотню лет разводил кинозвёзд. В лице Санджая семейство произвело великолепную, здоровую скотину.

В Болливуде актеры были не просто лицедеями – они становились героями. Санджай собирался стать индийским национальным героем двадцать первого века. Без шуток.

Как большинство актерских детей, Санджай начал карьеру в амплуа романтического подростка, но для больших гонораров в расцвете карьеры ему следовало стать звездой крутых индийских боевиков. Поэтому Санджай поступил на военную службу. Он охранял залитые кровью горы Кашмира от мусульманских

террористов. Он гонял армейский джип и таскал пулемёт вдоль опасной индо-пакистанской «разделительной полосы». Благодаря этим патриотически-рекламным трюкам он удостоился почтительного и неотрывного внимания индийских кинорепортёров. Самые мудрые брахманы поговаривали уже вполголоса о будущей политической карьере Санджая.

Подходящими для себя политическими лидерами Санджай считал партию «Бхаратья Джаната» – Индийскую народную партию, суровых, крайне правых вояк, возглавлявших с 1998 года правительство страны. А Санджай был их породы киногероем – современным парнем с современными литыми индийскими мускулами, роскошными индийскими костюмами, замечательными индийскими космическими ракетами и ужасно опасными индийскими ядерными бомбами. Кровавые боевики с участием Санджая находили живой отклик в сердцах этих нервозных ура-патриотов. Отец актора, завоевавший огромную популярность ролью Шивы в бесконечном телесериале, теперь избирался в парламент от «Бхаратья Джаната».

Тони всё это знал и весьма беспокоился из-за Санджая. Бурный роман с Анджали уже осветили все болливудские газеты. Болливуд всегда выносил на всеобщее обозрение личную жизнь своих звезд, и чем эксцентричней – тем лучше. Санджай мог переломать Тони обе руки, точно спички. И тем не менее он ни словом не обмолвился о его отношениях со своей кузиной. Тони не был уверен, принимает он сложившуюся неопределённость как данное или об этом просто нельзя говорить вслух. В Индии многое относилось к обеим категориям одновременно.

У Тони после начала этого романа образовалась масса инвестиционных проектов в Бангалоре, аутсорсинг же вообще превратился в основное его занятие. Что от их интрижки получала Анджали, Тони не до конца понимал, но на охоту с Санджаем актриса отправлялась неизменно, на какой бы край света ни приходилось для этого мчаться. На охоте Анджали позволялось обойтись без парчовых сари, без тяжеленных украшений, без грима и камер. Выезд на охоту становился для неё единственно доступным эрзацем свободы.

А ещё Тони был почти уверен, что женская половина семейства поручила Анджали приглядывать за кузеном. Она постоянно следовала за охотником на крупную дичь, чтобы любимец клана не вытворил чего-нибудь по-джеймсдиновски непредсказуемого. Например, не отстрелил себе голову.

Внезапное появление индийских кинозвёзд привело работавших в обсерватории Колорадо индусов в полнейший восторг. Тони нанял для работы здесь бангалорских

программистов, прибывших в США по трудовым визам. Большую часть времени они чувствовали себя заброшенными в безлюдных горах. Санджай и Анджали подняли их боевой дух на недосягаемую высоту. Оба актера с видимой радостью ходили на экскурсии вокруг телескопа и позировали на групповых снимках с астрономами. Бомбейские звезды очень серьёзно относились к заокеанским поклонникам.

Когда очередной эпизод был отснят, а бобины с плёнкой – запакованы, съемочная группа отправилась в «Пайнкрест» пострелять лосей. Желающих рассадили по уютным джипам-вездеходам – с нагревателями, горными шинами и стандартным комплектом принадлежностей для богатых туристов. Шофёром и проводником оказался китаец-слуга, откликавшийся на имя Чет, – как все китайцы из прислуги миссис Дефанти, аккуратный и сдержанный до полной невидимости.

Санджай в новенькой черной ковбойской шляпе и безупречно чистой кожаной куртке развалился на переднем пассажирском сиденье. На ранчо «Пайнкрест» ему одолжили чудовищный «винчестер-магнум» 38-го калибра. Санджай то ласково поглаживал винтовку, то прикладывался к серебряной фляге. На «охоте» он всегда напивался, если только не разгонял скуку бесшабашной игрой в покер и похабными песнями на хинди.

Тони и Анджали ехали в том же джипе на заднем сиденье, которое делили с небольшой, но очень неудобной винтовкой.

За ними тащились ещё два больших джипа из усадебного автопарка, под крышу набитые собутыльниками Санджая из съемочной группы и ощетинившиеся стволами. Санджай, как и положено болливудскому актеру, никуда без подтанцовок не выезжал.

Джип вскарабкался на валун, и Анджали бросило на бизнесмена.

– То-они! – пропела она.

Тот расправил складочку на куртке.

– Что, *sajaana?*[31]

– Тони, ты слишком молчалив. О чём ты задумался?

– Конечно о тебе, *maahiyaal*[32].

Ресницы Анджали затрепетали. В свои двадцать три года она давно освоила взгляд великомогольской наложницы, пробуждавший в близрасположенных мужчинах неконтролируемое стремление осыпать красавицу драгоценностями.

– И что же ты думал обо мне, мой милый? Что я тоскую по тебе, когда мы в разлуке? Потому что я так по тебе тоскую, Тони. Утром, днём и ночью.

Она прижала тонкую ладонь к лифчику с расчетливо-бесхитростной искренностью.

Тони раскашлялся от сухого горного воздуха.

– Милая, лапочка, солнышко, *terii puuja karuun main to har dam*[33].

Смех Анджали раскатился по салону звоном колокольчиков. Она обожала, когда Тони цитировал песни из её фильмов.

– Ах ты, ты… мальчишка! Замолчи, *yaar!*[34]

Джип с ревом вырвался на открытое место, в холод и сумерки. Долгая засуха неласково обошлась с горами Колорадо. Снежные склоны впереди, территория федерального заказника, запаршивели широкими черными подпалинами.

– Ваши мелкие горы выглядят так жалко, – промолвил Санджай. – Это не Гималаи.

– Ты совершенно прав, – согласился Тони.

– И твой модный телескоп стоит слишком низко. Ниже, чем большой телескоп в индийских горах.

– М-да, если ты про астрономическую обсерваторию Индии в Ганле.

– На четыреста метров выше твоего.

– На двести, – поправил Тони. – Я мерил.

Санджай развернулся на сиденье, облокотившись о спинку обтянутым замшей локтем. Оленьи глаза его покраснели от высоты и выпивки.

– Это шутка?

– Как тебе угодно.

– Не люблю шуток.

– А я не люблю тебя, – ответил Тони и, выдержав два вдоха паузы, добавил: *Ruup aisa suhaana fera chaand bhii hai diiwaana tera*[35].

Джип содрогнулся от хохота. Даже болванчик-водитель Чет фыркнул с облегчением, когда Санджай разразился смехом, вместо того чтобы всадить в кого-нибудь пулю.

– *Bindaas*[36], бросил развеселившийся актер кузине.

Анджали восторженно помахала поднятым большим пальчиком жест, лишенный всякого соответствия в западной культуре.

– *Yehi hai*[37]правильно! – промурлыкала она.

Взревел мотор – машина преодолевала крутой склон. Анджали положила чистенькую ручку на плечо Тони.

– Ты с ним так добр, – прошептала она.

– А с тобой, моя драгоценная?

Анджали покосилась на переднее сиденье. Санджай впал в пьяный ступор. Анджали провела тоненькой ручкой по щеке Тони

и осторожно взяла его двумя пальцами за нижнюю губу – её любимая ласка. На Тони она подействовала, как всегда, сногсшибательно. Ему сносило крышу. Его мгновенно, неудержимо, бешено затягивало в головокружительные шафранные бездны Камасутры.

Тони никогда бы не поверил, что такое возможно. В разлуке с Анджали – а он проводил в разлуке с Анджали большую часть времени, опасаясь за свой рассудок, – он сам не мог поверить до конца, что между мужчиной и женщиной может происходить подобное. Но потом она снова оказывалась в его объятиях – и боже ты мой! Не красота ее притягивала Тони, и не потрясающий секс, и даже не нарастающая опасность, что кто-нибудь из разъяренных родственников его пристрелит. Его чаровала причастность к чуду. Анджали Девган была выбрана «Мисс Вселенной» 1999 года. Она была, вероятно, самой прекрасной женщиной на свете.

Чет остановил машину на опушке. Санджай осушил серебряную флягу, застегнул куртку, забросил на плечо «винчестер» и выпрыгнул из джипа. Подтянулись и замерли рядом остальные машины, ломая нависающие сосновые ветки. Следовать за актером и его могучей винтовкой никто особенно не стремился. Похоже было, что несчастные случаи уже имели место.

Индусские киношники не были, в отличие от Санджая, кровожадными убийцами по убеждению. Это были добродушные профессионалы, и в жизни их больше интересовало содержимое багажников, загруженное в расчете на немецких охотников с тевтонской основательностью. Большие непромокаемые палатки, складные столы и стулья, газовые печки, немецкие настольные игры, экологически корректные фонари на генераторах, верёвка, спички, лопатки для выгребных ям, немецкое пиво ящиками…

В багажнике джипа Анджали обнаружила тонкий серебристый плед из космических запасов НАСА.

– Какое красивое! – воскликнула она, срывая целлофан.

– Да, милая. Это для космонавтов. Отточенным движением руки Анджали развернула тонкое серебряное полотнище и заученным взмахом обернула вокруг себя. Получилось космическое сари быстрого приготовления. Киношники цинично зааплодировали.

– Тёплое! – воскликнула Анджали. Глаза её сияли.

Не найдя слов, Тони кивнул. На ней плед выглядел космически.

Анджали одарила его призывным взглядом, от которого у Тони плавился даже костный мозг, и уплыла в тень сосен.

Серебряная накидка тянулась за ней, безупречно чистые туристские башмаки посверкивали бляшками среди бурелома.

Мучительным усилием воли Тони заставил себя дождаться, покуда Анджали не скроется из виду. Бежать за ней на виду у всей съемочной группы не годилось. Анджали – девочка умная и практичная. Дальше, чем на оклик она уходить в лес не станет.

Тони неубедительно поковырялся с затвором, пока охотники ставили палатку из металлизованного нейлона. Последнее, о чём мечтала съемочная группа, – гоняться за лосями по сугробам Колорадо. Они стремились устроиться поудобнее в креслах с подогревом и пустить в дело колоды карт и немецкое пиво.

А Тони отправился выслеживать свою подружку.

К несчастью, Тони Кэрью был безнадежно городским жителем. В бескрайнем студеном лесу он мгновенно потерял всякий след Анджали. Несколько сдержанных любовных йодлей результата не дали. Тони поискал ещё – и потерял даже лагерь вместе с джипами. Как его только угораздило заблудиться без карманного блока GPS? Он шатался между соснами, с каждым шагом всё больше волнуясь.

Потом он услышал выстрелы Санджая.

Актер подстрелил не одного лося, а трех. Три громадные туши лежали на поляне почти цепочкой – горы кровавого мяса.

Из лесу вышел Тони, держа наготове оружие.

– Они не бежали, – сообщил Санджай.

– Нет?

– Нет. Что с ними случилось? Они должны разбегаться.

Ближайший лось валялся неподалеку на заснеженной бурой траве. Тони подвел Санджая к туше: огромной, втрое крупней оленьей. Гладкая шкура обтягивала бока, словно диван. Рога были размером с кресло-качалку.

Черная морда лося обветрилась, потрескалась. Глаза заволокло мутной пленкой. На губах запеклась густая слюна.

Тони перебросил винтовку в другую руку.

– С тех пор как старик повредился рассудком, за скотиной никто не приглядывал.

Санджай был тщеславен и глуп, как большинство молодых актеров, но и у него случались просветления.

– Эти звери больны, Тони. Очень больны. – Он сдвинул на затылок черную шляпу и приподнял изящную бровь. – Они слепы.

Тони мрачно кивнул.

– Именно. Ты слышал о такой болезни – оленья дистрофия?

– Нет. Это она?

– Похоже на «коровье бешенство». Тот же возбудитель на самом деле. Всё начинается с зараженного корма. Старик

Дефанти подкармливал лосей комбикормом, чтобы зимой не тощали. Я его предупреждал, что комбикорм может оказаться заражен. Но он к старости упрям стал. Не всегда прислушивался к добрым советам.

По лицу Санджая расползлась нехорошая улыбка.

– Это твой сценарий?

– Какой сценарий?

– Я бы мог сделать из этого фильм. Блокбастер. История коровьего бешенства. История Запада. Всё началось, когда британцы резали больных овец и кормили невинных коров костяной мукой. Нечистое дело. Годами пытались они скрыть признаки чумы от тех, кто питался говядиной.

Тони пожал плечами.

– Ну, деньги всем были нужны.

– А потом болезнь пришла в Америку. Она поражала не английский скот, а диких зверей Америки. И получила новое имя оленья дистрофия.

– Ну да. Пожалуй, так оно и было.

– А затем гнусная западная болезнь поразила самого Тома Дефанти! Потому что владелец земли кормил зверей нечистой отравой. А затем питался их плотью! Теперь безумие поразило его самого! И великий телевизионный магнат превратился в низкое бешеное животное!

– Не говори о нем так. – Тони стиснул в руках приклад. – Он был моим гуру.

– Извини, *bhaiyya*[38]. – Похоже было, что Санджай устыдился. – Прости. Просто… такой вышел бы отличный сценарий для фильма ужасов. Очень современный. Как у Рамгопала Вармы. Тони скрипнул зубами.

– Я тебе никогда об этом не рассказывал, Санджай. Ты ничего от меня не слышал. Никому не позволено так отзываться о Томе. Никто не спрашивает, и никто ничего не говорит.

Санджай пожал плечами и уставился на Тони сияющими карими очами:

– Я его гость! Как могу я порочить его? Я ел его соль… хотя, слава богу, не прикасался к мясу.

– Точно.

– Я много раз облетел мир. Я видел вещи и более странные, чем судьба твоего гуру. Время ныне такое – странное.

– Тому с самого начала выпала странная судьба. – Поразмыслив, Тони решительно загнал патрон в патронник. – Санджай, этих лосей необходимо уничтожить.

– Что – всех? Сейчас? Сегодня?

Да. Оленья дистрофия – болезнь заразная. Вес стадо нечисто.

Турфирмы Колорадо не распространяются об этом, но борются с болезнью понятно почему.

Санджай призадумался надолго. С высоких веток падал мокрый снег.

– Что за прекрасную охоту нашел ты для меня в Америке! – промолвил он наконец. – Глянь только, какая большая голова у этого великолепного зверя!… Как это называется?

– Рога.

– Рога, верно. Фантастические рога. Прекрасный выйдет трофей для моего охотничьего клуба в Утакамунде.

– Оставь голову в покое, Санджай. Ни один таксидермист не станет прикасаться к его мозгам.

На поляну выбрели, спотыкаясь и не отходя друг от друга, ещё шестеро лосей. Грязные, неуклюжие звери терлись друг о друга боками, будто находя утешение в прикосновениях. Слюнявые морды их склонились к земле, будто лоси пытались идти по следу.

Тони спустил курок. Промахнуться с такого расстояния было трудно. Рухнула в траву и забилась лосиха. Стадо от грохота впало в панику, но звери не видели, куда бежать, – только спотыкались, проламываясь через кусты, и царапали бока.

Санджай уверенно вскинул к плечу тяжелый «винчестер». Винтовка грохотала снова и снова, лось за лосем оседали, взбрыкнув, на задние ноги и падали. Когда нуля попадает в основание шеи, лось падает, словно под ножом гильотины. Санджай был отличным стрелком.

Последний уцелевший лось ломанулся в подлесок. Проследить его движение было нетрудно. Заключительным выстрелом Санджай уложил увечную самку и похлопал Тони по плечу.

– Не волнуйся. Я понимаю, да. С этой бедой я помогу тебе справиться.

– Только побыстрее, Санджай. И без трепотни. Санджай согласно мотнул чеканным подбородком.

– Возьмём моих лучших парней! И твои лучшие винтовки.

ГЛАВА 8

Вашингтон – штат Колорадо, февраль 2002 года

Со спутниками-шпионами у БКПКИ отношения складывались тяжело. Орбитальная группировка представляла собой инфраструктуру, критически и неотъемлемо важную для национальной безопасности. А «чёрный» бюджет у ее программ был такой, что желающие примазаться выстраивались в очередь.

Крошечное бюро находилось не в том положении, чтобы требовать себе королевские регалии орбитального шпионства. Как цинично заметил Тони Кэрью, скорей всего БКПКИ будет уготована роль козла отпущения.

И всё же с приземлённой, технической точки зрения спутник КН-13 был сломан. Очевидно было, что следует найти достаточно талантливого инженера и починить аппарат, потому что до сих пор это никому не удалось. Если КН-13 выйдет из строя, это будет катастрофа – экономическая, техническая, производственная и военная. Ван полагал, что предотвращать катастрофы в некотором роде его долг. А на что он ещё годен? За что ему деньги платят? Что он ещё делает в Вашингтоне?

Ван знал, что на повестке дня бюро стоит множество насущных проблем. То были серьёзные политические задачи, неизбежно встающие при любых реформах в области компьютерной безопасности: как распределить логотипы сертификатов безопасности, как установить базовые стандарты этой самой безопасности, как разумно поделить расходы на соответствие нормам, как справиться с устрашающе нелегкой задачей онлайнового выпуска патчей, как ценить опасность потенциальных ошибок и уязвимостей, каково обнаружить, что некоторые ошибки исправлять будет слишком дорого… Список продолжался до бесконечности. Общее у этих проблем было, в принципе, только одно: их не могли разрешить ни программисты, ни инженеры. Решить их можно было только путем долгих, честных переговоров между полностью информированными заинтересованными сторонами. Поэтому для их решения практически ничего не делалось.

Ситуация ставила с ног на голову дедовские принципы инженерной работы – в особенности жгучую потребность держаться гаек и шестерёнок.

Из гаек и шестерёнок был сделан КН-13. Ван решил, что здесь сможет показать себя.

Он понимал, что чинить спутник-шпион – занятие

рискованное. Рассуждая практически, как может один профессор компьютерных наук подлатать захворавший многомиллиардодолларовый сателлит? Но Ван понимал и то, что занятие сие ни в коем случае не безнадежное. В жизни такое происходит порой. Вот например: Ричард Фейнман был всего лишь физиком. Но Фейнман уронил обрезок резинового уплотнителя в стакан ледяной воды и показал всему миру в прямом эфире, как может взорваться шаттл.

Если Ван каким-то образом разрешит… надцатимиллиардную задачку Хикока, то покажет, что он, Дерек Вандевеер, – специалист высшего класса. Уровня Ричарда Фейнмана.

Ван многим пожертвовал ради своего поста в бюро. Он лишился домашнего уюта, семейной жизни, гражданской карьеры, спокойной совести и уймы денег. Теперь Ван желал получить отдачу от жертвоприношений. Он хотел совершить подвиг.

КН-13 был, вероятно, величайшей и самой секретной штуковиной в американских арсеналах. Если Ван сумеет отыскать лопнувший на спутнике уплотнитель, он вернёт стране способность вести орбитальные съемки в любой точке планеты, в видимом и тепловом спектре, в любое время, с разрешением в три дюйма на точку. Это было важно.

Ван поставил вопрос перед Джебом, стараясь не выдать, какой совет дал ему Тони. Джеб мгновенно оценил возможные последствия. Да, БКПКИ заработает немалый престиж, если сумеет перемудрить ВВС, ВКС, НОР, НАСА и толпу федеральных подрядчиков, которые работали над строительством спутников со времен фон Брауна. Рядом с ними работники БКПКИ покажутся гениями. На конгрессменов это произведёт впечатление. С другой стороны, впереди маячила пугающая перспектива зарваться и попасть в козлы отпущения.

Джеб, в свою очередь, обсудил вопрос с давними приятелями по работе из DAPRA и бюро спецпроектов министерства обороны.

Возник план действий – стратегия брандмауэра. Джеб защищал БКПКИ, выдвинув Вана из рядов организации. Для работы над спутниковыми системами он «одолжил» Вана новообразованному Бюро преобразования архитектуры связи, совместному детищу Управления информационного обеспечения Минобороны и помощника министра обороны по делам командования, управления, связи и разведки.

Работать в Бюро преобразования архитектуры связи было очень просто, потому что такого бюро не существовало в природе. Оно представляло собою лишь пустую клеточку в одном из претенциозных планов Дональда Рамсфельда по реорганизации

министерства обороны. А Рамсфельда боялись даже НРО и АНБ. Когда-то Рамсфельд был руководителем группы футурологов корпорации РЭНД. У него был ужасающий талант задавать простые, ошеломительные вопросы, задать которые до тех пор никому не приходило в голову.

Вопросы кибервойны Рамсфельда, похоже, интересовали. Всякий раз, как они всплывали на совещаниях в АНБ, Рамсфельд живо включался в обсуждение. Мечта Тома Риджа – Агентство внутренней безопасности – буксовала на все четыре колеса, но перспективы министерства обороны под водительством Рамсфельда обнадёживали. Для БКПКИ министр был в кабинете Буша персоной, максимально приближённой к понятию «покровитель».

Так что Джеб, подобно многим политиканам при нынешней администрации, взялся учить рамсфельдовский жаргон. В обмен на разрешение Вану повозиться со спутником КН-13 Джеб объявил, что «Гренделю», его «пилотному проекту», требуется «передача в рамках делегации ответственному органу для структурной перестройки». Ныть и жаловаться на несправедливость Вану тоже не полагалось. Вместо этого Джеб посоветовал ему «отказаться от сверхконтроля» и «расширить кадровое поле».

Хикок перевел эту речь на простой английский.

– Твой босс отберет у тебя любимую игрушку, приятель, и продаст с аукциона. Этот твой «Грендель» теперь не больше чем наживка для высоких чинов. Джеб хочет посмотреть, как они перебивают друг другу ставки ради того, чтобы наложить на проект лапу, понимаешь? Это позволит ему взять настоящую цену.

– Но я построил «Грендель», – запротестовал Ван. – И оплатил его, кстати, из собственного кармана.

– И что? Расширить систему ты не можешь. У тебя нет на это ни денег, ни людей. Ну и наплюй! Если какая-то крупная контора хочет делать за тебя грязную работу – так это большая победа!

Хикок просиял. Лишившись «Гренделя», Ван мог больше времени посвящать его проблемам.

Вот таким образом Ван добился официального разрешения похимичить со спутником. Неофициально оно было пустой формальностью, потому что Ван уже зарылся в голубую папочку с головой. А Майкл Хикок, парень, который передал ему эти документы, в одночасье превратился в его лучшего приятеля.

Им приходилось держаться вместе, потому что к секретным бумагам по программе КН-13 Хикок был прикован цепью. Всякий раз, когда Ван обращался к документации, Хикок обязан был

находиться с ним в одной комнате. Жгучее любопытство, технотрепет, которые Ван испытал впервые, когда перелистывал запретные, загадочные чертежи самого сложного на свете летающего шпиона, так и не оставляли программиста. Поначалу, пока Ван был одержан донесениями о неполадках на КН-13, Хикок просто болтался по бетонному логову БКПКИ. Он флиртовал с Фанни, звонил по мобильнику многочисленным распутницам и листал буклеты по основам компьютерной безопасности.

Но Майкл Хикок был человеком действия. Убивать зря время было не по нему. Изучив должностные обязанности Вана, он нашел способ быть ему полезным.

Самым ненавистным занятием для Вана было демонстрировать всякие приспособления многочисленным склеповским фанатам «кибервояк». Каждый божий день на стол Вану ложились всё новые гаджеты. Ключи-заглушки и декрипторы. Радиочастотные опознаватели-наклейки. Безопасные кабели в оплетке из кевлара и тефлона. Инвентарные бирки и штрих-коды. Нелепые ЭМП-лучеметы, сработанные на колене из фольги и шляпных стоек. Крошечные замки на чипсетах, врезанные прямо в монокристаллический кремний при помощи сверхвысокотехнологичной фотолитографии… БКПКИ превращалось в информационный центр по инструментам информационной войны.

Ван тратил массу бесценного сверхурочного времени, оценивая хитроумные приспособления для войск специального назначения. Отряд «Дельта», «морские котики»… им доставались любые гаджеты, какие только пожелает душа, но для того, чтобы поддерживать собственные исследовательские лаборатории, они были слишком малы. Приходилось зависеть от чужой милости.

Хикок быстро освоил искусство изображать перед гостями шарманку, раз за разом повторяющую ЧаВО по технике безопасности. Умопомрачающее это занятие Ван ненавидел. А когда невежды, не удосужившись прочесть инструкцию, начинали задавать дурацкие вопросы, в программисте пробуждался кактус.

Понаблюдав немного, как Ван мямлит, огрызается и продирается сквозь очередной брифинг, Хикок отодвинул программиста в сторону и занялся этим сам. Получалось у него превосходно. У Хикока обнаружился талант сводить сложные технические вопросы к понятным даже для карьерных бюрократов разъяснениям на уровне инструктажа.

Приятный баритон, суровая привлекательность и руки, способные переломить кирпич, делали Майкла Хикока превосходным агентом по сбыту компьютерной техники. Во

всяком случае, лучшего рекламного агента у БКПКИ не бывало. Хикок пугал федеральных чинуш до истерики. К тому времени, когда он заканчивал трепать нервы очередной стайке, те дрожащими бледными руками доставали визитки и тут же вызывали «скорую».

Новый лучший приятель Вана не был программистом. Он был деревенщиной с высшим образованием. Хикок любил виски, похабные шутки, музыку «хеви-метал» и доступных женщин – кроме воскресенья, потому что по воскресеньям он всегда ходил в церковь. Более простодушного друга у Вана ещё не бывало. Сомневаться в себе Хикок не привык. К сложным идеям не проявлял никакого интереса. Интеллектуальные загадки его попросту раздражали. Ван находил его отношение к жизни бодрящим.

Чтобы из сотрудников стать товарищами, потребовалась ещё одна деталь. Оружие. Стрельба для Майкла Хикока была не просто увлечением. Она была основой всей его жизни.

Дважды в неделю по рабочим дням и вечером в воскресенье, после церковной службы, они выезжали вдвоем напивались, играли в боулинг и стреляли из автоматического оружия. На третью неделю с боулингом завязали, потому что Ван был отличным игроком, а Хикок ненавидел проигрывать в чём бы то ни было. Поэтому от боулинга отказались, а с выпивкой подвязали. Остались автоматы. Ван был только счастлив побольше узнать об оружии. Хикок знал о нем много, а Ван был отличным учеником.

Вану не приходилось держать в руках оружие с тех пор, как он палил по кроликам из охотничьего ружья на дедовом ранчо. В обществе Хикока он научился пользоваться очками и затычками для ушей. От «ингремов» и «узи» он с грохотом очередей пришел к опытным моделям, у которых не было даже названий – только пентагоновские аббревиатуры. Моделям вроде квадратного OICW, M249 SAW и фантастического четырехствольного мини-ракетомета калибра 15 мм, разработанного центром пехотных вооружений армии США в Натике, штат Массачусетс.

Связи Хикока в мире испытателей специальных вооружений были невероятны. Он знавал таких маньяков-оружейников, рядом с которыми Чарлтон Хестон показался бы Винни-Пухом.

Ван быстро обнаружил, что винтовки – это исключительно любопытные технические устройства. Его завораживала изобретательность, с которой гениальные оружейники решали встающие перед ними задачи. Для Вана не имело значения, что он страдал близорукостью и стрелком был в лучшем случае посредственным. На стрельбище он большую часть времени

проводил, разбирая игрушки Хикока и собирая вновь.

Получив возможность повозиться с оружием, Ван научился многому. При желании он теперь сумел бы сконструировать винтовку сам. Разумеется, это была бы цифровая кибервинтовка. Интерактивная, толковая, точная, быстрая. Чтобы укладывала каждую пулю точно в яблочко. И заполняла могилы почище «чёрной смерти».

Ван обнаружил, что общение со смертоносным «железом» прочищает мозг. Оружие вдохновляло его, открывало новые пути. Когда Ван возвращался со стрельбища, чтобы всё внимание посвятить спутнику КН-13, стоящие перед ним задачи начинали поддаваться. А потом – решаться.

На протяжении восемнадцатичасовых рабочих дней и глухими ночами Ван не находил себе покоя. Он упирался в тупики и ловил за хвост озарение. Привлёк к делу всех, кто был ему чем-то обязан. Он выкладывался полностью. Работал молча и торопливо. А потом внезапно к нему пришёл ответ.

Истина заключалась в том, что так называемые проблемы с программным обеспечением спутника ничего общего с программами не имели.

Программное обеспечение спутника было невероятно надёжным. Оно создавалось по ошеломительным, неслыханным стандартам безопасности. По сравнению с ним программы коммутаторов AT amp;T – самые параноидальные коммерческие программы, над какими Вану приходилось работать, – казались расхристанными, точно пьяный матрос в увольнительной.

Эти программы писали и отлаживали триста мрачных и скучных «белых воротничков» в центре авиаэлектронных систем в Клир-Лейк-сити, Техас. На борту КН-13 стояли три раздельных управляющих компьютера, каждый из которых независимо обрабатывал 420 000 строк программного кода. Ремень, плюс подтяжки, плюс смирительная рубашка.

На эти 420 000 строк приходился ровным счетом один полностью задокументированный, вполне понятный баг. Это было неслыханно. Лучшие коммерческие программы подобного объема страдали бы от добрых пяти тысяч ошибок. Более скучного, нетворческого, дисциплинированного, упертого программирования Ван ещё не видывал. Его это пугало. Трезвая, обстоятельно, ужасающе методичная работа. Одни только технические спецификации программы занимали тридцать томов.

Каждая строка из 420 000 была подробно откомментирована. В комментариях значилось, сколько раз её меняли от начала работы над программой, зачем, когда, кто и каким образом. Каждая правка была тщательно увязана со строгими указаниями в

спецификациях. В этой титанической сводной хронике зафиксировано было буквально всё, что когда-либо производилось с программным кодом, до последней мелочи. А поскольку программа базировалась на уже выверенных обрывках кода с ранних спутников-шпионов, хроника эта уходила в прошлое на добрых тридцать лет.

В программном обеспечении КН-13 было нечто неподдельно кошмарное – полное отсутствие воображения, творческого начала, веселого хакерского разгильдяйства. Серая, трезвая, стальная надежность банковского сейфа. С ужасом в сердце Ван осознал, что это и есть тот золотой стандарт, который он и БКПКИ пытаются теперь навязать бестолковому, сумасбродному, чокнутому миру программистов. В идеальном будущем компьютерной безопасности так должны выглядеть *все* программы.

Но не только программисты, при всём их чудовищном канцелярстве, создавали спутник-шпион. Аппарат аэрокосмической бюрократии, которому поручено было создание КН-13, действовал исключительно на принципе необходимого знания. Это означало, что целиком КН-13 не рассматривал никто и никогда.

В познаниях Вана тоже зияли большие и черные дыры. Устройство такого размера и сложности не в силах целиком окинуть мысленным взглядом ни один человек. Но Ван подошел к задаче неординарным способом и понимал о КН-13 то, чего не осознавал никто иной на всём белом свете.

О триумфальных своих успехах Ван отчитался Джебу. Ему не терпелось изложить своё оригинальное решение человеку, который в силах его оценить. К несчастью, допуска к конструкционным деталям спутников-шпионов у Джеба не было – эта труба ещё не расплавилась. Поэтому он только поблагодарил Вана, поздравил с успехом и выдал новое задание.

Теперь Вану предстояло «организовать» презентацию новой технологии для грядущего «федерального саммита по вопросам информационной стратегии» в Виргинии. Конференция эта, кульминационный пункт всех усилий БКПКИ, завладела вниманием Джеба всецело. Он утверждал, что жизненно важно для «сообщества бойцов информационного фронта» извлечь из грядущего слета «наметки политического руководства и стратегического продвижения».

Иначе говоря, совещание в Виргинии было *последним* и наилучшим шансом БКПКИ собрать важнейших игроков на поле информационной безопасности, построить, помирить, вразумить, обчистить и заставить расписаться под одним и тем же

меморандумом. Вот тогда мир увидит настоящие перемены. Настоящая организация и ответственность. Наконец-то – американская система информационной безопасности, которая знает, что делает. Трезвая. Деловитая. Упорядоченная. Вменяемая.

Чтобы доложить результаты своего расследования в соответствующие инстанции, Вану пришлось затребовать разрешения у Джеба. Потом пришлось искать нужные инстанции, поскольку, как лишь теперь понял Ван, никто всерьёз не ожидая, что Хикок найдет кого-нибудь, кто разрешит проблему. Когда в запутанной бюрократической иерархии космических войск обнаружилась наконец подходящая жертва, Хикок настоял на том, чтобы самому отвезти Вана из Вашингтона прямо на гору Шайен.

Под мешковатым корпусом из стеклопластика специальный курьерский «хаммер» прятал телескопическую антенну и стальные стойки на девятнадцать дюймов под платы контроллеров для связи с FLTSATCOM, MILSTAR, NAVSTAR, INTELSAT, INMARSAT, EUTELSAT и пентагоновской Глобальной стратегической оперативной системой. На протяжении всего пути электронные письма поступали к Вану по флотским спутниковым каналам, созданным для связи авианосцами.

Профессиональная карьера Хикока казалась Вану до странности знакомой. В неё вовлечены были элитные команды торопливых спецназовцев, чья работа заключалась в том, чтобы совершать невозможное вчера и без огласки. Их имена не попадали в газеты. Они никогда не хвастались. Они всегда были очень заняты. Короче говоря, они походили на программистов экстра-класса во всём, кроме одного: то были не толстые бледные очкарики за клавиатурой, а спортсмены с холодными глазами, накачанные до безумных стандартов стенобитного орудия.

Баранку «хаммера» Хикок держал стальной хваткой. Машина его мчалась, словно штурмовик на бреющем полете над трассой смерти в Кувейте. По скорости реакции Хикок настолько превосходил обычных водителей, что летел сквозь пробки, едва поводя руками, как автогонщик. Ван приучил себя смотреть на дорогу, словно на экран видеоигры. Куда спокойнее было убедить себя, что у них двоих есть в запасе ещё пара жизней.

Когда Хикоку требовался отдых, он перебирался на просторное заднее сиденье и развлекался там: жевал купленные навынос двойные чизбургеры, потягивал клубничный коктейль и поглощал обычное свое чтиво – христианско-апокалиптические романы. Читать в машине на ходу не составляло для него труда. Хикок прежде служил в спецназе ВВС и не страдал морской болезнью. Желудок его спокойно переносил пять или шесть «же».

Ещё Хикок оказался большим поклонником серии бестселлеров под общим названием «Сила бедствий». В мире после близящегося Армагеддона Вознесение захватило всех верующих христиан, оставив насмешников-либералов, скептиков и атеистов отбивать атаки грешных войск Антихриста. Самые кровавые эпизоды Хикок обожал зачитывать вслух, подхихикивая про себя.

– Зна-ашь… – пропел внезапно «морской котик».

Ван стиснул рулевое колесо. Он вымотался до обморока, но вести машину самому было всё же не так утомительно, как терпеть, когда за рулем сидит Хикок.

– Что, Майк?

– Мы как-то ничего не говорили о твоей секретарше.

– Что Фанни опять натворила?

– Ты не разбирался, почему она носит хирургические перчатки?

– Майк, я всего лишь её начальник.

– Что у неё с этой аллергией? У неё на всё аллергия. И почему всё присыпано тальком? Может, это у нее нервное?

Жалко было смотреть, как Хикок ищет совета по обхождению с «синими чулками». У Вана уже был свой «синий чулок». И в отличие от чудовищно и легкомысленно неразборчивого Хикока он отчаянно хотел сохранить семью. Дотти была единственной женщиной в его жизни, которая Вана понимала.

Теперь, выбравшись из кабинета в бомбоубежище и высунув нос из инструктажных сводок, Ван мог виновато осознать, какой ад прошел и сколько горя причинил сам себе. Какого чёрта он, женатый человек, треплет языком с приятелем из соседнего окопа?

Ван знал, что Дотти любит его беспредельно, искренне, безусловно. Но как же сковывали ими самими поставленные границы! Все эти прозорливо отложенные ради дела личные заботы, ответственность учёного, долги и обязательства. И самое скверное – всё делалось из наилучших побуждений. Не то чтобы они сознательно пренебрегали друг другом – они просто выстроили свою жизнь так, чтобы это в любой момент было возможно.

И как-то уговорили на это друг друга – сверяли планы по электронной почте, перебирали альтернативы, составляли таблицы, серьёзно обсуждали, как лучше будет поступить в долгосрочной перспективе.

А перспективы не было. Все свои интеллект и образование они употребили на то, чтобы отсечь время, которое могли проводить вместе. Что-то бесчеловечное проступало в двоих

старательных трудоголиках – то, что разрушает брак, ломает семью, иссушает сердца влюбленных. То, что их обоих когда-нибудь прикончит.

Вдали от жены и сына в душе Вана начинали лопаться скрепы. Ему казалось, будто некая незаметная, но очень важная часть его сердца по кусочку отправляется в шреддер.

Почему он никогда не мог рассказать об этом Дотти? Она никогда не отказывала ему – когда он просил о помощи. Но сейчас, сточенный до огрызка, точно карандаш, он не мог даже найти в себе сил попросить. Они были словно пара глухонемых, которым отрезали пальцы по одному. Так не пойдет. Нет.

Гора Шайен. Всего лишь одна из дурацких Скалистых гор. Но Дотти сейчас в горах Колорадо. Правильно. Он поедет к Дотти и попробует с ней помириться. Ван уже отправил ей письмо по электронной почте.

День был иссохший и ясный. Солнце играло на крутых склонах, на задержавшихся среди голых красных скал сугробах. Гора Шайен выглядела столь огромной, мрачной и плешивой, что Ван ощутил головокружение.

Легендарная база ВВС «Шайен» программиста несколько разочаровала. Отсюда велось управление американскими МКБР. Отсюда можно было уничтожить весь мир. База просто не могла выглядеть настолько банально. А «Шайен» выглядел так, словно обыкновенную базу ВВС утрамбовали в каменный мешок. Ни травы, ни флагштоков. Тусклые лампы над головой. Миля за милей обнаженных труб и пыльных вентиляционных коробов.

Вся база покоилась на выкрашенных белилами титанических стальных пружинах. Даже если половина горы Шайен испарится в пламени пятидесяти мегатонн превентивного удара, бункер лишь покачнется слегка на своей перине. Механизмы ядерного возмездия не сойдут с рельсов.

Охранники отобрали у Вана мобильник и швейцарский складной нож. Сняли копию с водительских прав от штата Нью-Джерси и записали номер социального страхования. Тяжёлый рюкзак с эмблемой СНБ и выложенный изнутри пробкой чемодан с инструментами ему оставили, но без ножа и телефона Ван чувствовал себя ограбленным и раздетым.

Хикок заранее назначил встречу с генерал-майором Весслером. Тот считался главой программы КН-13, но официально начальником Хикока не был. Майкл Хикок не значился в организационной структуре правительственных организаций, так что начальников у него тоже не было. Заинтересованные стороны он именовал своими «спонсорами».

Генерал-майор Эдвин А. Весслер оказался рослым, лысеющим, щекастым типом в очках без оправы. На базу «Шайен» сто только что перевели со станции слежения на Тихом океане, и гавайский загар ещё не сошел. В новом кабинете он пока не успел обжиться. Вокруг видны были только бежевая краска, стальные полки и разбросанные голубые папки.

Если верить картинке на экране новенького «Делла», Весслер работал над презентацией в «Пауэрпойнте» на тему «GEODDS[39], камеры Бейкера-Нанна[40] и ШОГ[41] ВВС США».

– ОЕСШОБ, – пробормотал Ван, потирая виски.

– Точно так, сэр! – прогрохотал генерал Весслер. – ОЕСШОБ может засечь на орбите предмет размером с баскетбольный мяч!

Ван опустил на пол свои рюкзак и чемодан. Спина болела, запястья ныли, а высота его просто убивала. В каменных пещерах высотная болезнь отчего-то усугублялась.

Весслер щелкнул по визитке Хикока чистым пожелтевшим ногтем.

– «Административные методики». И что это за контора, мастер-сержант?

– Это долгая история, сэр. О группе «Карлайл» не слышали?

– Сегодня мне не до бесконечных историй, – с натянутой улыбкой сообщил Весслер.

Генерал-майор Весслер был не простой генерал. Он имел научную степень в области аэронавтики, степень МБА, работал в НАТО и НАСА. Он был в буквальном смысле слова «ракетчик». Одет он был в облегающий синий комбинезон с погонами на плечах и нашивкой «Военно-космические силы США» на груди. Подтянутый, смуглый, он словно был готов запрыгнуть на борт шаттла при ближайшем старте. Несмотря на то, что в жизни не занимался ничем более романтичным, чем пялиться в экран радара.

Вану показалось совершенно диким повстречать натурального, без шуток, генерала Космических сил. Ещё нелепее было, что ВКС США обладают базами по всей планете и насчитывают сорок тысяч человек личного состава. Космические войска были созданы двадцать лет назад. Как получилось, что он никогда не видел солдат ВКС в кино? Или по телевизору. Хотя бы в «Секретных материалах».

Ван подавился сухим горным воздухом. Весслер убрал книги с железного конторского стула.

– Дай отдых ногам, плоскатик! Я прикажу дневальному принести пепси.

Пепси Ван ненавидел, но на стул опустился с удовольствием. Воспалённые глаза его остановились на стопке новеньких книг.

На корешках значилось: «Война на крыше мира», «Турнир теней» и «Приз: героический поход за нефтью, деньгами и властью». Между страницами гроздьями торчали желтые листки для заметок.

Весслер пролаял приказ в алую телефонную трубку.

– Я вам привез кое-что интересное, сэр, – проговорил Хикок. – Отыскать это было непросто. Пришлось перецеловать горы лягушек. Но, сэр, я полагаю, что этот подход может дать результат!

Весслер нахмурил брови. За ними простиралось с полторы мили глянцевого лысого скальпа.

– Почему вы ушли из ВВС, мистер Хикок?

– Ну… – Хикок изумился. – Мне показалось, что пришло время идти дальше, сэр.

– Не втирайте мне очки! Почему мы потеряли такого летчика, как вы? А теперь вы расскажете мне, что умеете обращаться со спутниками, мастер-сержант? Что за чертовщина?

– Знаете, сэр, – выпалил Хикок, подобравшись, – если хотите знать правду, почему я ушел из ВВС, – стало слишком очевидно, кто играет первую скрипку у нас в Косово. Чёртовы ооновцы, вот кто!

Веселеру эта реплика пришлась не по душе. Ван встревожился. Они с Хикоком заранее договорились, что выступать будет сержант, потому что Космические войска – это подразделение внутри ВВС, а Хикок служил в спецназе – тоже ВВС. Два крыла воздушных сил должны махать в унисон. Если удастся их заставить.

– Мистер Хикок сейчас, возможно, считается гражданским лицом, – заметил Ван, – но я работаю на СНБ.

– Ваша визитка утверждает иное, доктор Вандевеер! Она утверждает, что вы приписаны к Минобороны! «Бюро преобразования архитектуры связи министерства обороны США», – внимательно прочел Весслер и недобро сверкнул очками. – Такого бюро пока не существует в природе! Объявлено только о его создании!…

– Ну, мы несколько обогнали график… – пробормотал Ван.

Спасло его прибытие молоденького лётчика с обещанным пепси в здоровенной пластмассовой кружке с эмблемой «Лос-Анджелес лейкерс».

– Сэр, – сказал Хикок, – эта реорганизация ВКС, которую затеяли в Пентагоне, не наша с доком забота, он программист. Так что не надо поминать при нас «преобразования архитектуры». Если вы просто выслушаете нас в течение минуты… Мы приехали издалека и… э-э… привезли пару толковых мыслей.

Весслер поддернул эластичный пояс синего комбинезона и уселся за стол.

– Слушаю.

Хикок бросил на Вана отчаянный взгляд. Программист с перепугу поставил стакан с пепси на пол.

– Ну, – выпалил Ван, – э-э… сэр, когда я впервые увидел эти отчеты об орсах, я подумал вначале о сбоях, вызванных перегревом. Результат тепловой атаки. Но, конечно, на спутнике стоят самые лучшие инфракрасные камеры. Так что если бы они засекли что-то неладное, то нагрев – в первую очередь.

– Мне говорили, что вы программист.

– Это верно.

– Ну так переходите к делу! Что случилось с программным обеспечением?

– Ничего, – откликнулся Ван, вцепившись в запотевший стакан с пепси. – Это аппаратная проблема. Во-первых, мне пришлось установить корреляцию выявленных аномалий с положением спутника на орбите.

Весслер уставился на него:

– Вы отслеживали его зенитные углы?

– Ну… да.

– Этого вообще никто знать не должен! Орбитальный период спутника – это самый охраняемый наш секрет! Если об этом узнает противник, то сможет проводить маскировку и дезинформацию!

– Это было нетрудно просчитать, – ответил Ван.

Правительства других стран уже знали о КН-13: выяснять такие вещи – работа разведки. Поэтому Ван воспользовался сателлитными фотографиями, которые легко было купить через Интернет у французской коммерческой сети СПОТ. На этих фотографиях индийские ученые в различных центрах разработки ядерных вооружений деловито перегоняли грузовики, стараясь сбить с толку камеры КН-13. Индусы, как всегда, пытались скрыть лихорадочную активность вокруг своих ядерных реакторов от нового американского спутника-шпиона. А учитывая, что индусы определенно знали параметры орбиты спутника, Вану оставалось только перекачать из астрофизической лаборатории Дотти программу-симулятор и вычислить их. Дотти сама помогла ему разыскать подходящую программу и ничего не заподозрила.

– КН-тринадцать выведен на стандартную для американских спутников-шпионов низкую полярную орбиту, – продолжал Ван, – с апогеем пятьсот тридцать и перигеем двести пятьдесят шесть…

– Дальше не надо! – Ван торопливо кивнул.

– Так что, когда я выявил орбитальный период, стало

очевидно, что сбои происходят вовсе не случайно. А только в те моменты, когда ваша птица переходит из полярных, электрически заряженных регионов в средние широты.

Это известие сбило генерала Весслера с наезженной колеи.

– И что вы хотите сказать? – поинтересовался он, нервно поигрывая колесиком мыши. – Это разряды с поверхности? Дуговые?

– Отчасти, – ответил Ван. – Мне пришлось проверить SD-SURF.

– «Космический мусор»? Да, мы проводили диагностику чуть меньше года тому назад.

– Да, вы всегда пользуетесь этой программой, – согласился Ван. – Но SD-SURF писали в восемьдесят третьем году ещё на Фортране. Поэтому программа обрабатывает поверхность спутника как сложный многогранник. А эта модель не вполне точна, поскольку выдает потоковые волны и пики вероятности, которые на самом деле являются артефактами модульности. Это всё потому, что подпрограмма выдает запрос поверхности баллистического предела…

Ван осекся. Хикок и Весслер смотрели на него совершенно пустыми глазами, ничего не понимая. Программист откашлялся.

– В общем, я переписал программу и отослал своим знакомым в НЦИА.

– НЦИА… в Боулдер? Центр исследований атмосферы?

– Ага. То есть да, сэр.

– Но НЦИА не относится к вооруженным силам. У них нет допуска!

– В SD-SURF нет ничего секретного. Программа в открытом доступе. Ее можно скачать с веб-сайта НАСА.

Весслер торопливо черкнул что-то на бумажке.

– Это мы сейчас же исправим.

– В общем, я попросил НЦИА прогнать мой улучшенный вариант SD-SURF на их прогностическом суперкомпьютере. А заодно заставил их прошерстить архивы на предмет погоды на орбите. Солнечный ветер, вспышки в фотосфере, всё такое. Вообще всё.

Весслер прищурился.

– О нет.

– Никакой корреляции, – продолжал Ван. – Поначалу. Но, чтобы сохранить секретность, я попросил своего знакомого проверить вообще *всё*. И он прошелся по архивам погодных сводок НАСА. И вот там обнаружилась четкая корреляция. Прямая связь между… э-э… случаями повреждений и прохождением грозовых фронтов по западной части США.

– Вы имеете в виду погоду на Земле?

Ван кивнул. Он ненавидел столько болтать. У него разболелась голова.

– Доктор Вандевеер, могу я вам напомнить кое о чём? До спутника двести пятьдесят миль. Вверх.

– Я знаю, генерал. Но мы ещё многого не знаем о верхней термосфере. Мой знакомый в НЦИА помог связаться с *его* знакомым в Национальной администрации по океану и атмосфере. Он мировой эксперт по эльфам и спрайтам.

Весслер подергал себя за ухо.

– Эльфам?!

– И спрайтам. Эльфы и спрайты – это колоссальные разряды на верхушках грозовых облаков, – пояснил Ван. – С молниями ничего общего. Они уходят *вверх*. И они огромные. Чудовищные. Шаттлы фотографировали их с орбиты. – Он прервался. – Майк, покажи ему снимки этих самых эльфов.

Покуда Хикок отстегивался от чемодана на запястье, Ван заставил себя отхлебнуть пепси. На вкус оказалось ещё гнусней, чем ему помнилось.

Весслер перебрал стопку глянцевых распечаток из НАСА.

– Итак, доктор Вандевеер, вы утверждаете, что на мой спутник напали эльфы.

– Это лишь одна из гипотез, – ответил Ван. – Но я могу утверждать, что не наблюдалось ни единого эпизода нарушений, которые не были бы связаны с грозовыми фронтами. Только когда я изучил архивы наблюдений за погодой, стало понятно, что эпизодов было не четыре, как говорится в вашем отчете. Их было семь, включая три незначительные грозы, связанные с тремя незначительными проблемами. Хуже всего повлияла на спутник страшная гроза прошлой зимой. Семнадцатого декабря. Нарушения в бортовой системе питания.

– Скверно было, – мрачно заметил Весслер. – Мы тогда уже подумали, что потеряли птичку.

Видно было, что фотографии эльфов его потрясли. Ван, когда впервые их увидел, чувствовал себя так же. Странно было сознавать, что в верхних слоях земной атмосферы происходят титанические взрывы, которых не видел никто, кроме пилотов и астронавтов. Спрайты и эльфы, «кратковременные разряды». Звучало это ещё нелепей, чем «летающие тарелки», но эльфы и спрайты существовали на самом деле. Так же как северное сияние.

– Что касается декабрьской атаки, – продолжал Ван. – Очень похожие скачки напряжения наблюдались на «Хаббле», прежде чем команда шаттла починила на нем каптоновые муфты. Это

значит, что солнечные батареи вибрировали на креплениях. – Ван потряс кистями рук. – Проще сказать, что-то едва не оторвало вашему спутнику крылья.

Ван отставил стакан с пепси. Он был совершенно вымотан. Но с лица Весслера не сходило прокурорское выражение.

– У нас наблюдались, как вы говорите, «эпизоды». Но сейчас мы имеем постоянные сбои в работе бортовых систем. Что вы на это скажете?

На этот вопрос Ван мог ответить.

– БАМПЕР – ваша программа обсчёта столкновений с космическим мусором. Я по ней тоже прошелся. Оказалось, что в техническом задании на программу имелось необоснованное предположение. Она по умолчанию считает, что мусор не может сталкиваться со спутником с векторов, более чем на десять градусов отклоняющихся от плоскости, касательной к орбите и перпендикулярной нормали. Весслер почесал загривок.

– Разумеется. Иначе мусор тут же войдет в атмосферу Земли и сгорит.

Нет, поправил Ван. Этого не случится, если источником обломков является сам спутник. Некрупных, понятное дело, обломков. Тонкая пыль. Отслоившаяся. Ионизированная. Частицы, отделившиеся в результате ударов. Электрический заряд притянет их обратно, и они станут оседать на определенные участки корпуса.

– Как в микроволновке, сэр, – попытался помочь Хикок. – В космосе даже дыма не получишь, потому что там воздуха нет, но если спутник попадет под разряд эльфа или спрайта, или как их там, пыль и газ всё равно образуются. Как облако горячей смазки.

– Я понимаю, о чём идет речь, – процедил Весслер.

Хикок пожал плечами.

– Ну, тут вы меня обогнали.

– Понимаю, но пока не вижу оснований верить, – продолжал генерал. – С какой стати я вдруг должен поверить в эльфов?

– Не знаю, – ответил Ван. – У меня не было времени полностью разобраться в проблеме. Но временное решение у меня для вас имеется.

– Вот тут мы с доктором Вандевеером расходимся, сэр, – перебил его Хикок. – Потому что я знаю. Никакие это не эльфы! На нас напали, сэр! Это космическая война!

– Напали? – переспросил генерал. – Как? Кто? Русские?

– А почему бы и не русские? – парировал Хикок. – Я видел русских, сэр. От них всего можно ожидать.

– Не могут русские ничего против нас запустить! Я лично инспектировал их космические центры. Они банкроты! Они счета

за электричество оплатить не могут.

– И красные китайцы строят ракеты, сэр! – настаивал Хикок. – Полезная нагрузка у них огромная! Думаю, это они нас песочат.

Весслер поднял брови.

– А вы что думаете об этой концепции, доктор Вандевеер?

– Я не верю в кинетические атаки, – ответил Ван. – Песок не самое эффективное орбитальное оружие. Мелкие частицы быстро ионизируются и сходят с орбиты. Кроме того, облако песка причинит повреждения другим сателлитам, а мы не видели следов этого. – Ван подергал бороду. – Не видели, генерал?

Весслер поджал губы. На эту тему ему сказать было нечего.

Ван попытался улыбнуться.

– Давайте рассуждать здраво. Не будем приплетать к делу эльфов, НЛО или коммунистов. – Он прокашлялся. – Скажем… неизвестная причина или причины. Сосредоточимся на том, чтобы разрешить проблему.

Физиономия Весслера окаменела. Ван понял, что лучше поспешить с разъяснениями.

– Майк, ты мне не поможешь с чемоданом?

Хикок открыл выложенный пробкой ящик для инструментов. Ван снял дополнительную пенопластовую набивку. К счастью, макет пережил дорогу из Вашингтона. Паяльный пистолет деда пришлось оставить в багажнике «хаммера». А программист так привык работать бластером, что с обычным паяльником уже и не справился бы.

Ван понял, что эта демонстрация – его последний шанс.

– Как я говорил, космическая пыль… – промямлил он. – У меня есть знакомый в национальной лаборатории Лос-Аламос, который моделирует поведение частиц в электрическом поле.

– У вас, доктор Вандевеер, просто толпы безымянных друзей.

– Генерал, – огрызнулся Ван, – у нас в Совете национальной безопасности хватает полезных связей.

Весслер отодвинул в сторону груду папок, чтобы уместить на столе коробку.

– Прошу. Располагайтесь. Ван перевел дух.

– Заряженная пыль стремится к противоположно заряженным участкам поверхности. Поэтому она откладывается там, куда направляют ее электрические поля. – Он вытащил из чемодана совершенно секретную распечатку и показал пальцем: – Это значит, что облако пыли оседает на вылетах датчиков, на краях рамы и особенно вот здесь. Вот сильно заряженный участок на самом краю миларового изолятора. Под обшивкой в этом месте расположена крупная деталь – конденсатор MIL-STD-1541, тайваньский. Точно такой, как в этой коробке.

Весслер уставился на коробку.

– Где вы его взяли?

– Это стандартная деталь. Моя секретарша ее купила на eBay. – Ван вздохнул. – В идеале я бы ещё поставил опыт на трех контрольных процессорах военного образца, но это уже не по моей зарплате. – Он положил руку на выключатель. – Так, генерал, мы готовы. Смотрите внимательно на вольтметр. Майк, заводи модель.

Хикок взялся за серую пластмассовую рукоятку. Внутри модели затрещало.

– Видите, как пляшет стрелка? – спросил Ван. – Теперь посмотрите на ваши отчёты об орсах. Бац, бац, провал, провал, бин. Такие же серии, те же пики, та же скорость затухания. Вот, пожалуйста, генерал, – вот ваш баг, вот ваша текущая эксплуатационная аномалия. Типичный аппаратный сбой в этом вот конденсаторе. Его так засыпало пылью, что он перегрелся.

– Вы утверждаете, что на нем скопилась пыль, – проговорил Весслер. – Но не можете объяснить, *откуда* взялась пыль на орбите.

– Нет, сэр, не могу. Но могу посоветовать, как от нее избавиться. Надо раскрутить спутник.

– Раскрутить, – повторил Весслер.

– Раскрутить вдоль продольной оси. Лишняя пыль слетит, и если эти… хм… эпизоды будут повторяться… ну, вращение поможет распределить нагрузку по всей поверхности равномерно. Так что не будет этого питтин-га… э-э… то есть напыления… – У Вана начал заплетаться язык. Он только что сказал «текущая эксплуатационная аномалия», а живые люди так не разговаривают. – Майк, объясни ты!

– Наша птичка крутится, как курица на вертеле, сэр. Не пригорает с одного боку, а румянится.

Но какой смысл иметь спутник, если мы лишаемся стабильной, неподвижной камеры?!

– Нет, – возразил Ван. – Смысл в том, чтобы получать стабильные изображения. Кадры, снятые камерой с вращающегося спутника, можно преобразовать в нормальные.

– Это невозможно.

– Да нет, вполне возможно.

В этом серьёзную помощь могли бы оказать астрономы. Ван не обмолвился Дотти ни словом об этой идее, но знал, что подобного эффекта можно добиться.

– Спецэффекты – как в Голливуде, сэр! – гордо объявил Хикок. – Обработаем при монтаже, вот и всё. Как «Парк юрского периода»!

Весслер поднялся из-за стола и сунул обе руки в карманы. Видно было, что ему очень хочется выпить.

Раскрутив камеру, вы потеряете два, может быть, три процента резкости, – признал Ван. – Но вы уже потеряли столько же на так называемом помутнении ПЗС. Это, кстати, вовсе не ПЗС шалит. Это пыль сдувает со спутника, и она оседает на линзах.

– У нас нет горючего, чтобы раскрутить пташку. – Весслер не останавливался. – На орбите нет заправок с гидразином.

Верно. И вы потеряете месяцев пятнадцать из девяти лет ожидаемой стабильной работы. Но такими темпами, как сейчас… спутник и два года не протянет.

– Наша птичка под угрозой! – вскочив, страстно воскликнул Хикок. – Там что-то творится, сэр! Я не знаю, как это случилось, но то, что проблема возникла во время «войны с террором», никак не может быть случайностью. Какой-то негодяй нас прижучил, сэр. Я это точно знаю.

Весслер снова сел.

– Не каждый день слышишь подобные отчеты.

– Да, – согласился Ван.

– Где вас такого откопали, доктор Вандевеер? Вы отличный специалист, а я никогда о вас даже не слышал.

– МТИ, – ответил Ван. – Стэнфорд. «Мондиаль».

Весслер уставился на него, словно Вана стошнило лягушками.

– Вы из *«Мондиаля»?*

– Исследовательский отдел, – поспешно уточнил Ван. – Ушел оттуда, чтобы поработать на государство.

– Ушам своим не верю! – взревел Весслер, поднимаясь на ноги. – Недоумки сучьи! Моя *мать* покупала акции «Мондиаля»! *Жульё!!!* Как можно было опустить собственные акции на девяносто процентов?! Прохиндеи!

Ван не сдержал стона.

– Пострадала вся отрасль…

– Я не могу сказать лучшим своим работникам, чтобы они ковырялись в потрохах сателлита по одному слову какого-то олуха из «Мондиаля»!

– Я знаю! – выпалил Ван, отчаянно взмахнув руками. – Я знаю, что из-за «Мондиаля» пострадало множество людей. Но вы же не обязаны мне верить на слово! Проблема же не в этом! Я не собираюсь приписывать себе все заслуги – нет-нет! Но вы только посмотрите на него. И всё. Посмотрите на спутник. И вы увидите повреждения. Следы разрядов или сажи. И всё!

– Как?

– Отправьте шаттл.

– Вы представляете, сколько стоит один рейс шаттла? А график? Старые челноки скоро развалятся!

– Наведите на него «Хаббл». Поищите опалины.

– Гражданские телескопы не в нашем ведении.

– Да посмотрите на него, вот и всё! – умолял Ван. – С Земли.

– Нет! Наземным обсерваториям категорически запрещено проводить съемки американских спутников-шпионов, и я не собираюсь выдавать им на это разрешение. Кроме того, у них хватит разрешающей способности.

Ответить Вану было нечего. Новому, на адаптивной оптике, телескопу Дотти разрешающей способности хватило бы. Но он вступит в строй только через два года. К этому времени от него уже не будет толку.

Хикок глядел на программиста, ожидая завершающего, финального чуда, а Ван уже понял, что проигрывает. Он не мог поверить, что его план рухнул только из-за «Мондиаля», но в этом была своя жуткая логика – за последние месяцы из-за «Мондиаля» пошла наперекосяк вся его жизнь. Большие шишки, выманившие его из Стэнфорда большими деньгами, выходили теперь на прогулку гуськом и в наручниках. Мошенники. Неудачники. Разорители. Обманщики. Из вожаков цифровой революции они превратились в жуликов и лжецов. Ван сделал всё, что мог. И проиграл.

– Какого чёрта?! – рявкнул Хикок. – Я нашел решение ваших проблем, генерал! А вы даже глянуть не хотите?!

– Этот тип из «Мондиаля»!

– Можно подумать, «Локхид» чем-то лучше! Для спецназовских корректировщиков в Афгане этот спутник – просто спасение! А вы мне что пытаетесь сказать – что вам не под силу его чинить? Подключите КН-одиннадцать!

– Это уже совершенно за рамками стандартной процедуры!

– Вы позволите врагу уничтожать наш лучший инструмент разведки, пока сами сидите тут болваном?!

Весслер побагровел.

– Мистер Хикок. Бредовые лекции о летающих тарелках не помогут вам запугать офицера Военно-космических сил. Мы *единственная* армия на земле, обладающая орбитальной группировкой. Других не существует. Это даже теоретически невозможно.

– Какое мне дело, что считают возможным ваши разъевшиеся лоточники? Наша птичка дохнет! Я рвал задницу! Я приволок вам натурального, дипломированного компьютерного гения! Он может починить чёртову хреновину! И если вы на это не согласитесь, вы – именно вы! – предаете наших бойцов.

Весслер пошевелил кадыком. Ван сообразил, что генерал медленно считает про себя до десяти. До сих пор ему не приходилось видеть, чтобы так делал взрослый человек. Выглядело жутко.

– Полагаю, – выдавил наконец Весслер, – я уделил вам, двум дилетантам, достаточно времени.

– Всё! – объявил Хикок. – Я ухожу в отставку. – Он вытащил из кармана ключ, отстегнул наручники и швырнул чемодан на стул. – Ваша птичка сдохла уже давно! Теперь это не моё дело! А вы, безмозглые сукины дети, даже конкурс авиамоделистов не смогли бы устроить!

Весслер уставился на него. Его налитая кровью физиономия выражала одновременно ярость, омерзение и жалость.

– Эта игра, я полагаю, не в вашей компетенции, мастер-сержант.

Хикок уставил на него убийственный взгляд:

– Так для вас это игра? Асимметричная угроза в вашем куцем мозгу не умещается, генерал? Не диво, что на чёртов Пентагон самолёты падают с ясного неба! Да я скорее стану окопы в Ливане долбить, чем болтаться тут с вами, игроками! Гос-споди Иисусе…

– Майк, – проговорил Ван.

– Что?

– Пойдем, Майк. Ладно? Просто… Идем.

ГЛАВА 9

Колорадо, февраль 2002 года

Хикок был не из тех, кто лелеет обиду молча. На первой же остановке за воротами базы «Шайен» он купил две четверти[42] «Джека Дэниелса».

Ван сидел за рул ё м, покуда Хикок похлебывал бурбон и ворчал. Он собирался навестить Дотти и ради этой цели позаимствовал у Хикока машину.

Неудача терзала его. Он был прав. Он знал, что прав. Так почему это не помогло? Почему он не смог убедить генерала?

По двум причинам на самом-то деле, и первая из них была до обидного субъективной. Он, доктор Дерек Вандевеер, был в душе своей ботан. Типический интровертный бородач не от мира сего. Да, он справлялся, если к нему обращались с техническими проблемами. Но твёрдости, чтобы прогрызать себе дорогу и выстоять под ударом, у него не было. А должна быть. Некого винить в собственной слабости, кроме себя же. Дед переломил бы этого генеральчика от авиации двумя пальцами.

Почти. Совсем чуть-чуть не хватило. Если бы не та скверная история с «Мондиалем»… но не в ней дело.

Или, по крайней мере, она была лишь одним из симптомов кризиса куда более глубокого. Вообще не надо было идти в кабалу к частному бизнесу. В Стэнфорде, в МТИ, учёные придерживались определенных стандартов. Принципов научной работы. В «Мондиале» принципы никому не были нужны. Их метод – слепить в лаборатории прототип и перекинуть в отдел маркетинга для доводки. Это и попытался сделать Ван с генералом Весслером. И не вышло.

Ван яростно стискивал резиновые накладки на рулевом колесе. Он вел по извилистой, заснеженной горной дороге машину размером с маленький дом, пробиваясь через плотные колорадские пробки. Дорожная лихорадка тянула из него нервы.

В снегу впереди плясали миражи стыда и вины. Мало того что руководитель из него скверный – он даже и не учёный. В этом заключался трагический исток нынешней безобразной каши. Компьютерные науки – это сплошное притворство. И всегда им были – единственная отрасль науки, получившая название по своему инструменту. Ван и его коллеги были, в сущности, не кем иным, как механиками-любителями. Вот физика – это настоящая наука. Физиков никто не называет «рычажниками» или «бильярдистами».

Ахиллесовой пятой вычислительной техники было то, что она моделировала сложные системы, не понимая. Компьютер имитировал сложность. Можно было предсказать более-менее точно, что случится, но неясным оставалось, почему. И когда расчетливый, практичный человек вроде генерала Весслера спрашивал – «почему», Вану оставалось только беспомощно разводить руками.

А ведь он мог пойти в математики. У него был талант. Математика куда лучше подошла бы некрасивому, стеснительному, робкому парню. Только слабость заставила его поддаться притяжению компьютеров. Говорят – «программотехника», но это даже и не техника. Будь Ван настоящим инженером, как дед, он никогда не сунулся бы в ВКС с дешевым, дрянным патчем. С недооформленной идеей. Патч – это заплатка, которой залепляют дыры в системе слишком большой, сложной и запутанной, чтобы ее чинить. Вот поэтому он потерпел неудачу и с позором вылетел за ворота.

Джеб заманил его той же самой песней сирен: «На сей раз мы всё исправим». Нет. Никто не мог обещать подобного. Потому что это ложь. Как бы ты ни был умён или опытен – компьютеры не «чинят». Их выбрасывают и ставят новые. Реальных перемен не будет. Можно только замазать трещины свежей штукатуркой.

Или опустить руки. Уйти в пустыню, спрятаться от жгучего стыда. Да, он, Дерек Рональд Вандевеер, был дутым экспертом из несуществующей спецслужбы. Но и к прежней жизни он не мог вернуться. То, что случилось с «Мондиалем» и его конкурентами… это была не «депрессия». Это было крушение пополам с лавиной. Он, Дерек Вандевеер, приложил руку к величайшему расточительству в истории мира. Люди, которых он знал и которым доверял, корпоративные мечтатели, посвятившие себя строительству нового, лучшего электронного мира, стояли на расстоянии залога от тюрьмы. Те самые люди в кашемировых свитерах и отглаженных брючках, что заглядывали в его мервинстерскую лабораторию, чтобы поохать и поахать над опытными образцами. Их особняки распродавали судебные исполнители. Декоративные жены со страниц модных журналов перемещались в наркологические клиники.

Ну почему, с какой стати он поверил когда-то в эту ерунду? И – подводя смертную черту – какой приговор вынес тем самым собственной честности и здравому смыслу? В своей лаборатории он разбазаривал деньги, доверенные компании вдовами и сиротами. Ну или матерями генералов ВКС.

Какое право он имел влезать в политику? Что он вообще здесь делает? Кошмарное зрелище явилось перед глазами Вана –

чудовищный призрак орды обманутых, обездоленных и надутых. Миллионы простых людей по всей Америке, по всему миру не ведают, что он сотворил с ними и от чего пытался уберечь… Эй, мистер и миссис Америка, помните те горящие акции, что вы купили? Помните умников, которые обещали вам Новую Экономику? Вон один из них, гоняет здоровенный джип по дорогам Колорадо. В одиночестве. В компании пьяного отставника. В год «войны с террором». Отчаявшийся, отчаянный, богохульствующий, смятенный.

Во время панического бегства с горы Шайен Ван забыл на базе мобильник и даже любимый швейцарский нож. Карманы его были пусты. Поговорить не с кем. Он был обречён. БКПКИ обречено. Спутник обречён. Кто их знает, может, и Штаты обречены.

– Что-то ты молчалив, – заметил Хикок.

– Я облажался, Майк. Я должен был справиться. Всё должно было получиться.

– Ты ещё жалуешься? Это я без работы остался! – Хикок вышвырнул пустую бутылку в окно – с размаху, точно «коктейль Молотова». Открыл вторую.

У тебя, приятель, есть жена и сын! А у меня только эта тачка и пара кассет «Дикси Чикс»[43].

– Нужна работа, Майк?

– Не помешала бы, – отозвался Хикок. – Работа в вашей конторе, ты хочешь сказать? – Идея эта его позабавила. – Собираетесь сделать из меня настоящего кибервояку, а, дохтур-профессор?

– Ага. Майк, ты принят. Вернешься в Вашингтон – загляни ко мне в кабинет.

Хикок вгляделся в мелкие буковки на этикетке.

– Я, пожалуй, поеду прямиком через Теннесси. В Теннесси гонят лучший виски на всём белом свете.

Телескопам Дотти требовались черные небеса. С темным небом в Америке был дефицит. Но в глухих углах Колорадо таились жуткие чудеса. Горцы всегда жили свободно. По теснинам и закоулкам Скалистых гор прятались генералы ВКС, дряхлые хиппи, искатели серебряных жил и мормоны-подёнщики.

– У нас, в земле Господней, такие отщепенцы попадаются! – урчал Хикок, в пьяном восторге поколачивая себя по бедру булыжным кулаком. Настоящие психи! Многожёнцы. Парни типа Унабомбера. Да, и сервайвелисты!

Во время паники 99-го года, вызванной «нроблемой-2000», Ван немало нового узнал для себя о сервайвелистах, и то, что он узнал, ему не понравилось. Это были люди дурной веры. Они

верили, что цивилизация погибнет, и должна погибнуть, и заслуживает погибели. Что никому, кто облечен властью, доверять нельзя. Что любая власть бесполезна, безумна и гнусна.

Их символом веры было отбросить всё и вся. Скрыться. Накупить противогазов. Бетона. Фильтров для воды. Мешков с зерном. Золотых слитков.

– Майк, ты с сервайвелистами знаком?

Хикок заморгал, приподнявшись с заднего сиденья «хаммера».

– Ещё бы! Мы, «змеежоры», чем угодно можем прокормиться! Скрываться и бежать, как тати в ночи! Намазав морду грязью! Я в здешних местах тренировки проходил. Если не путаю, тут дальше по дороге должен быть магазин. Продают почти всё, что на самом деле нужно.

Магазин Ван скоро нашел. Здоровенный красный барак выглядел непритязательно. Программист хотел уже проехать мимо – он торопился к Дотти, – но тут заметил ослепительно желтую вывеску, прислонившуюся к ржавым бензоколонкам.

«НОЖИ ПАТРОНЫ, – хвастались пробитые мелкой дробью буквы. – СТВОЛЫ СТВОЛЫ СТВОЛЫ».

– О-па! – сказал себе Ван и затормозил.

На место он приехал, когда уже стемнело. Пьяный Хикок укатил на ревущем «хаммере» обратно по двухрядке вниз по склону. Сержант уверял, что его в Форт-Коллинзе ждет девушка, но Ван не поверил. Освободившись от секретного чемоданчика, Хикок взирал на мир с выражением человека, нацеленного на грандиозный запой.

Ван остался один в холодной ночи, в сдвоенной луже янтарного света под кривыми, извитыми фонарными столбами. Обсерватории не выносили светового загрязнения. Марсианского вида фонарные столбы оснащены были едва мерцающими панелями светодиодов. Читать в их свете было всё равно что курить кальян под водой.

Ван опустил на землю новенький рюкзак сервайвелиста и уставился на красивую вывеску. «Международный центр астрономии имени Альфреда А. Гриффита», – объявляла она. Ниже на величавом рекламном щите теснились микроскопические логотипы целой своры федеральных спонсоров и частных подрядчиков. «Национальный научный фонд». АУРА[44]. «Национальная обсерватория оптического диапазона». НАСА. Отдел оптических систем корпорации «НортропТрумман». Канадское космическое агентство – AGENCE SPATIALLE CANADIENNE. MAX PLANCK INSTITUT FÜR EXTRATERRESTRISCHE

PHYSIK[45]. «Осторожно: заказник для вымирающих видов министерства внутренних дел США».

По обе стороны от ворот тянулась ограда против лосей: двенадцать футов высотой, со спиралями колючей проволоки поверху и под током.

А вот дверного звонка не было.

Попасть за ограду Ван не мог никаким способом. Очевидно было, что без приглашения сюда не заглядывали. Ограда была слишком высока, чтобы через нее перебраться. Ворота бы не вышиб и разъяренный бизон. Ни переговорника, ни сторожа на посту.

А мобильника у Вана не было.

Зимняя ночь становилась всё холоднее.

Ван вытащил из рюкзака лэптоп. Опять не повезло. WiFi-карта не могла поймать сигнал.

Когда Ван уже примирился с тотальным поражением, фонари над головой мигнули и погасли. Миллионы горных звезд засияли вдруг очень ярко.

Ван открыл лэптоп. Pdf-файл с федерального сайта носил пугающее заглавие «Черновые инструкции по отчетности исполнения Акта о реформе системы правительственной информационной безопасности и обновленного Руководства по этапному планированию безопасности». Читать этот кошмар Вану, однако, больше не требовалось. Вместо этого компьютер даст ему достаточно света и тепла, чтобы пережить ночь.

Покопавшись в рюкзаке, Ван закутался в плед из космических запасов НАСА стоимостью четыре доллара. Он жевал брикет нерастворимых макарон, тоже из космических запасов, и грел руки о горячий аккумулятор лэптопа. В лавке сервайвелистов на него напала паранойя.

Закутанный в непродуваемый плед, Ван сидел на пуленепробиваемом рюкзаке, точно серебряный мешок с мусором. Глаза его не отрывались от сияющего экрана.

Какая разница, что он застрял в тупике, одинокий, замёрзший, несчастный и униженный? Вана ждали горы бумажной работы. Множество нечитаных отчётов, меморандумов, важных официальных документов. Резолюции. Приглашения на важные семинары. Замерзая в лесу, можно очень многое сделать.

Воздух в горах был разреженный, отчего холодало всё сильнее. Ван рассортировал и пометил разными цветами бесчисленные файлы и папки. Пальцы его понемногу синели.

Час и сорок две минуты спустя черные ворота отворились сами собой – Вану пришлось отскочить в сторону, чтобы его не придавило створкой. Мимо прокатился квадратный белый

грузовичок. Не дожидаясь, когда ворота закроются снова, Ван подхватил сумку и поспешил внутрь.

Во мраке и холоде Ван ковылял вверх по склону. В звездном свете глаза его округлились, как у филина. Дорога была крутая. Несмотря на тренировки в спортзале, очень скоро Ван задыхался, пыхтел и потирал бедра. Перевалив кое-как через гребень, он увидал вдали подсвеченные прожекторами роторы, неторопливо кружащие в танце, словно игрушечные балерины. Энергия ветра, неиссякаемый источник. Эти ветряные мельницы в своей пляске не застят копотью идеально чистое небо.

На Вана бесстрашно глянул олень и продолжил объедать кусты. Дорога вдруг выровнялась. Ван обнаружил, что бредет по гулкому железному мосту. Впереди в вышине горели янтарные огни. Это оказалась автостоянка, воздвигнутая на колоннах и полная облепленных рекламными наклейками электромобилей.

Ван добрался до обсерватории Дотти. Фотографии, которые жена ему пересылала, не передавали нелепой жути здешних мест. Обсерватория походила на курорт для горных хоббитов, построенный в Силиконовой долине.

Подсвеченный мерцающими янтарными огоньками комплекс прорастал прямо из склона. Отделанные кедром, гранитом, стеклом и алюминием здания – сплошь решётчатые переходы, балюстрады, сверкающие стальные поручни – возвышались над землей на тоненьких кривых ножках. Вымирающие виды могли резвиться прямо под фундаментами. Дождевая вода и тающий снег стекали по желобам в особые цистерны.

Выглядело это на удивление симпатично, словно картинка из детской энциклопедии. По каким-то экофанатическим причинам рыть котлованы, нарушая хрупкий почвенный слой, в горах было запрещено. Поэтому водопроводные трубы, канализация и провода были аккуратно подвешены на опорах, точно трубопроводы на Аляске. Фундаменты оказались опутаны толстыми обмотанными серебряной плёнкой трубами. Похоже было, что среди проектировщиков числился Супер-Марио[46].

Ван перевёл дух и затопотал вверх по крутой алюминиевой лестнице. Отворил двустворчатые стеклянные двери. Прошел по коридору, отделанному темной пробкой.

В комнату А37 он постучал.

Дверь открыла старуха в бифокальных очках, пёстром платке на волосах и свалявшемся вязаном свитере.

– Извините, – пробормотал Ван, – ошибся.

– Вы, должно быть, муж, – заявила цыганка.

– Э… да.

– Поздно вы. Дотти уже ушла. Почему не позвонили?

Ван увидел телефон на прикроватной тумбочке.

– Сейчас же позвоню!

– Не надо. Она на съёмке.

– Ночью? – удивился Ван.

– Конечно ночью! Это же обсерватория!

От шума проснулся Тед, спавший в пластмассовой люльке у изножья кровати. Малыш заерзал на разукрашенных диснеевскими мультяшными персонажами простынях, высунулся из-за решетки и, увидев Вана, заорал.

Ван переступил порог и подхватил сына на руки.

Тед очень вырос. На головке вились новенькие светлые волосики. Похоже было, что он потяжелел раза в полтора и, когда начинал сопротивляться, делал это всерьёз. За долгое отсутствие Вана лакрично-мягкое младенческое тельце налилось мышцами. Казалось, что он сейчас натянет штанишки, подхватит чашку с погремушкой и пойдет наниматься на работу.

– Это я, твой папа, – попробовал поторговаться Ван.

– Ниииии! – Тед заколотил толстыми ножками, будто бежал дистанцию с барьерами. В красной фланелевой пижамке, надетой по случаю холодов, он походил на маленького лесоруба. – Ниииииииииии, ни, мама!

От подгузника его попахивало.

– Я скажу Дотти, что вы наконец добрались, – сообщила неведомая нянька и тут же испарилась.

Ван опустил Теда на холодный пол, нашаривая пачку подгузников. Он уже сто лет не менял малышу подгузники, но это умение было не из тех, что забываются. Тед очень обиделся на эту бесчеловечную процедуру и уставился на Вана с горьким, бессильным подозрением.

– Всё в порядке, малыш, – соврал Ван.

Он застегнул Теду пижамку и поставил сына на пухленькие ножки. Упрямо нахмурившись, Тед вцепился в край маминой кровати и бочком отодвинулся от Вана подальше.

Впервые в жизни Ван понял, что сломало его отца. Это было чувство вины. Вот почему он в конце концов сдался – от жгучей, мерзостной, мучительной, унижающей, вполне заслуженной вины. Бывают в жизни грехи, которые невозможно искупить до конца дней своих.

Ван присел на кровать Дотти – узкую и жесткую. Высокоэкологическая комната действовала ему на нервы. Он словно забрел в каюту какой-то альтернативной Дотти из дурацкой серии «Звёздного пути». С тугих чистых простыней подмигивали крошечные незабудки. На бамбуковом гардеробе стояли электроплитка и миленький чайник. В углу – небольшой

холодильник почему-то овальной формы.

Страшнее всего была эргономическая подставка под компьютер, собранная из пластиковых колец и алых пластиковых таблеток. Одна гнутая полочка торчала в сторону на металлическом штативе, изогнутом под немыслимым, жутким кэрролловским углом. На ней стояла одинокая пустая пыльная вазочка.

Комната неслышно орала, требуя мужского тревожного присутствия. Она нуждалась в том, чтобы ее взъерошили. Ван с трудом удержался, чтобы не расколотить что-нибудь.

– Тед, сынок, как ты тут живешь? – Тед ответил жалобным хныканьем.

– Ну, Эдвард! – настаивал Ван.

Тед обернул к нему личико и смерил отца скептическим взглядом.

Ван раскрыл рюкзак.

– Хочешь посмотреть на классную штуку? Я тебе покажу мой бластер!

В коридоре послышались шаги. Дотти сделала новую прическу и набрала пять, а то и десять фунтов. Ван вскочил на ноги. Дотти метнулась через всю комнату и повисла у него на шее, чтобы поцеловать – крепко и надёжно, будто говоря: «Я твоя жена, а вот мои губы».

– Долго добирался, милый?

Мягкие ее ладони держали Вана, словно спасательный круг. Одиночество истекало из него, точно отрава.

– Какая же у вас тут глухомань!

Дотти кивнула, блеснув голубыми глазами.

– Да! Да. Но от нас не уходят.

Она стряхнула с плеч куртку-пуховик.

– Почему?

– Кормят уж очень хорошо! Индийская кухня, китайская кухня, сегодня вот барбекю было… Лосятина!

При взгляде на Дотти Вану делалось так хорошо, что он едва не терял сознание.

– Ты так выглядишь здорово.

– Это мой костюм телеведущей. – Дотти включила экологически чистую экономичную лампочку в тесной ванной. – Сегодня к нам приезжали с австралийского телевидения. Я получаюсь главный пиар-менеджер… оказалось, у меня неплохо выходит. Это не самый большой адаптивный телескоп в мире, но, знаешь, по телевизору отлично смотрится.

– Ещё бы!

– Это единственная обсерватория, построенная видным

современным архитектором. А ты видел наши оптоволоконки? У нас такой трафик!

Ван вздохнул. Ему трудно было оживить в себе интерес к очередному дорогостоящему интернет-проекту. После биржевого краха «Мондиаль» провел душераздирающую переоценку материальных активов. Маршрутизаторов на рынке образовался такой избыток, что стоили они двадцать пять центов за доллар. Неудивительно, что Тони решил сбагрить лишнее оборудование в эту глухомань. С глаз долой – из сердца вон.

Дотти вытащила стёганое одеяло.

– У нас так холодно бывает, – заметила она, укладывая Теда обратно в колыбель. – Электрические калориферы нам не советуют использовать…

Малыш оглянулся с интересом и облегчением. Он уже несколько детских эпох не видел родителей вместе, но мама была счастлива, и старые привычки всплывали в памяти. Тед подарил отцу первую улыбку. В ответ Ван придержал его щечки ладонями и заглянул сынишке в глаза. Словно в мощный телескоп, там видна была юность вселенной.

– Дерек, посмотри – индикатор мощности встроен прямо в термостат. Здорово, правда? Они по всем комнатам стоят.

– Почему вам не разрешают включать отопление? Мы же в горах.

– Астрономы привычные. – Дотти укутала малыша безупречно чистым одеяльцем. – Здесь на самом деле очень славно. У нас свой врач. Оплаченные отпуска… Верховая езда, спортивный зал, массаж… Свой кинозал. Смотрим болливудские фильмы.

– Что, по доброй воле смотрите?!

– В Индии снимают отличное кино. «Физа» – такой чудесный фильм. О девушке-мусульманке из Бомбея. У нее брат пошел в моджахеды. – Дотти понизила голос. – Я так плакала…

Дотти так плакала, подумал Ван виновато. Такая милая, такая красивая. Две минуты прошло, а они будто и не расставались вовсе. Но он помнил, что ей пришлось тяжело. И ему тоже. Так тяжело, что теперь он не знал даже, как себя выразить.

Он вытащил Теда из кроватки и усадил на колени. Отпустить малыша у него не было сил. В Теде накопилось столько энергии, что держать его было – словно лизать новую батарейку.

– А что это за няня с ним сидела?

– Это доктор Людевиг. Она раньше работала в Дании на радиотелескопе. У нас много приглашённых специалистов из-за рубежа. Почти как на Серре-Тололо в Чили. Для коллег из Европы и Азии это настоящее сокровище. – Дотти обернулась к мужу: – Я

наберу отличный материал на пару статей.

– Мне казалось, ты говорила, что до «первой звезды» ещё два года.

– Это правда, но мы не только наблюдениями занимаемся. – Дотти всегда говорила о работе очень серьёзно. – Мы используем Интернет для обработки цифровых данных. Мы создаем крупнейший в мире звёздный каталог. Гораздо больше, чем MAST или HEASARC[47]. Они уже пользуются нашими мощностями для создания резервных копий и «зеркал», потому что у нас пропускная способность каналов огромная. Наш кабель – единственная физическая связь между сетями ННФ на обоих побережьях. У нас тут мощнейшие кабели, горы оборудования, приборы, которые мы даже не успели распаковать. Целые полки цифровых имитаторов. Все, разумеется, принадлежит федералам, но мы же астрономы, нам всё равно. Пустили детишек в кондитерскую.

Федеральные подрядчики-миллиардеры за работой, подумал Ван, вооруженные гремучей смесью казённых и своих денег. Так и должно было случиться. Всё меньшая и меньшая клика сверхбогачей контролировала всё больший и больший сектор американской экономики. Содрать фирменные наклейки, и окажется, что поставщики и покупатели – одни и те же лица.

Ван понимал это очень хорошо. День за днем он наблюдал в действии «менеджмент промышленной базы» федерального правительства. Он сам одновременно работал в исследовательском отделе «Мондиаля» и службе технической поддержки БКПКИ. Система глубоко засосала его.

Джеб называл этот механизм «закулисой». Этап первый: выгоняешь на сцену всех крупных игроков. Этап второй: окна забить, двери запереть. Этап третий: за кулисы приглашают только тех, кто согласен играть по правилам. Из власти не уходят – тебя просто нанимает другая власть. Ты – это они, они – это ты. «Закулиса» со встроенной дверью-вертушкой.

«Вчерашние технологии по завтрашним ценам». Таким способом, например, Национальное бюро разведки заработало себе мраморный особняк и лучшую столовую в Вашингтоне – хотя официально никто даже не слышал о Национальном бюро разведки. Оно занималось спутниками-шпионами. Оно су шествовало. В глубокой-глубокой тайне.

«Закулиса». Бухгалтерия. Военно-промышленный комплекс. У Вана закружилась голова.

– М-м-м-м…

– Высотная болезнь? – заботливо спросила Дотти.

– Да, милая. Извини.

Он ненавидел, когда приходилось ее разочаровывать.

– Милый, отдохни. – Дотти отобрала у мужа Теда и положила в кроватку. Потом взбила подушку, уронила Вана на кровать и стянула с него башмаки. – Поздно уже. Ты ужинал? Знаешь что? У меня есть отличное «шардонне». Тебе поможет.

Ван поневоле рассмеялся. Так приятно было слышать ее болтовню. – Такое хорошее?

– Расслабишься и тут же уснешь. – Голубые глаза ее полнились ласковым уверением. – А вот завтра уже всё остальное…

Ван принял от нее бокал. Вообще-то он недолюбливал девичье-сладкое «шардонне», но это оказалось достаточно хорошим, чтобы ради него приподняться на локте.

– Вау! Отличная штука.

– Могу себе позволить, – отозвалась Дотти. – Платят нам хорошо, а деньги тут негде потратить. Комнаты бесплатно. Кормят за счет предприятия. Даже зубоврачебная страховка. Ого!

Она застенчиво присела рядом и с нежной улыбкой глянула на мужа.

– А знаешь, почему так? Потому что мы ещё живем в девяностых. Когда Дефанти закладывал обсерваторию – в те ещё годы, – он решил, что будет непросто затащить сюда специалистов высокого уровня. В конце концов, нам даже машины водить не разрешают… Вот он и заложил в бюджет все дот-комовские льготы. Тони бы всё отменил, если б мог – он такой жлоб! но Дефанти так всё повернул перед федералами, что условия отлиты в бетоне. Ни у кого не хватает власти их менять.

– Я думал, Том Дефанти сошел с ума.

– Так и есть, но это уже неважно. Обсерватория должна была стать ему памятником. Он всерьёз рассчитывал, что она простоит сотню лет. Дефанти всегда был немножко странным в этом отношении, но… Дерек, место такое замечательное! Мы здесь живём как в те времена, когда были счастливы. Интересная работа. Свобода творчества. Зарплату платят. Чудесный научный городок. Кормят изумительно, оборудование просто фантастическое, есть лазарет… Мне тут нравится.

– Здорово.

Дотти нахмурила гладкий лоб.

– Всякий раз, как выбираюсь в город – в Боулдер или Денвер, – вижу, как скверно всё стало. Люди будто с ума сошли. Все от ужаса соображение теряют.

– Не так всё страшно, – соврал Ван.

– Так.

– Да, Дотти, ты права. Так страшно.

Говорить об этом дальше не хотелось. Слишком мрачная тема. Дотти поправила простыни и накрыла Вана одеялом.

– Милый, для двоих эта кровать слишком тесна. Завтра поедем на ранчо Дефанти. Я забронировала нам место. Там гостевые домики и горячий бассейн! Голова прошла?

– Ага.

Спиртное всегда помогало Вану справиться с высотной болезнью – алкоголь заставлял расширяться какие-то важные сосуды в мозгу. Программист присел и принялся снимать штаны. Для встречи с генералом Весслером он купил новые, чтобы выглядеть профессионально. Пока он их снимал, из кармана выпал нож.

Дотти услужливо подняла черную, как сажа, лепешку с кулак шириной.

– Это какой-то новый гаджет?

Случайно она нажала на кнопку, и рукоять выбросила черное, бритвенно-острое, зазубренное лезвие. Дотти уронила нож, оставив на полу царапину.

– Милый, – вырвалось у нее, – что это за ужасная штука?! Она похожа на орудие убийства!

– Это охотничий нож, – соврал Ван, подобрав оружие. – Тони всегда хвастается, какая здесь, в горах, славная охота.

Хикок уговорил его купить в магазине сервайвелистов боевой нож полицейского спецназа. Нож был чернее, чем ниндзя-металлист: рукоятка из углеволокна и клинок с напылением карбонитрида титана.

– Ты его привез для Тони?

Ван сложил нож и упрятал в рюкзак поглубже. О существовании Майкла Хикока он не обмолвился жене даже намеком, настолько секретно было всё, связанное с КН-13. На ум ему пришла великолепная выдумка.

– В самолёт с такими нынче не пускают. Но я на машине приехал, вот и, знаешь, как-то прихватил с собой.

Он глотнул ещё вина.

Милое лицо Дотти помрачнело.

– Зачем ему эта жуткая штуковина? Что с ним такое? Всего ему мало!

Ван сморгнул.

– А что с ним такое?

– Ничего. Пожалуй, ничего. Если не считать его подружки девятнадцати лет! Дерек, он ее *купил*. Этакая чернокудрая звёздочка индийского кино, которая вьется вокруг него и сияет глазами, как фарами. Это, по-твоему, прилично?

Ван прекрасно знал, что Анджали исполнилось двадцать три

года, но, оценив расстройство жены, он мудро промолчал.

– Просто ужас.

– Я так за него волнуюсь. За все годы, что я его знала, не было случая, чтобы его романы тянулись долго. Эта женщина пользуется его слабостью, я это точно знаю. Он влюблен в нее безумно.

Ван подавил смешок. «Безумно»? Это ещё что такое? В последний раз, когда они болтали с Тони – ещё в Вашингтоне, – тот рассказывал о своей индийской актриске, подвывая и закатывая глаза, точно мультяшный волк.

Вану казалось очень забавным, что Тони Кэрью, образцовый казанова, наконец столкнулся с женщиной, которая в силах водить его за нос. И не кто-нибудь, а индийская кинозвезда. Очень на него похоже. Вана очень заинтересовала её персона, и он нашел один из ее фильмов – правда, на хинди, на DVD индийского производства. Секс-бомба Тони оказалась одной из слащавых, химически ярких потаскушек, которым даже целовать партнеров по съемкам не разрешалось. От нелепой этой истории на сердце у Вана делалось тепло, светло и щекотно. Бедный Тони, бедный старина Тони, счастливчик и олух.

Гос-споди. На такой высоте «шардонне» изрядно ударяет в голову.

Ван похлопал Дотти по руке.

– Милая, – пробормотал он, – оставим старине Тони его проблемы. А мы с тобой – это мы с тобой. Мы можем быть счастливы, если получится. Вот что важно.

Щеки Дотти зарумянились. Вздрогнули плечи. Господи помилуй, она же сейчас расплачется! Сердце Вана затлело от стыда. Хотя отчего бы ей не плакать? Причина есть.

Он неловко приобнял ее за плечи.

– Милая, всё будет хорошо. Всё ещё долго будет хорошо.

Дотти только хлюпнула носом. Ну почему он никогда не мог подобрать верные слова? Порою они болтались перед самым носом, но какая-то судорога извилин не позволяла им сорваться с языка.

Малыш заснул. Они были вдвоем в тесной холодной комнатке. Дотти рыдала, а у Вана до сих пор болела от разреженного воздуха голова. Но, но крайней мере, они были одни, и никто их не тревожил. Вместе с Дотти в комнатушке сразу становилось уютнее. Просторней, чем в кабинете Вана в Склепе, и не так жутко. Главное, что Дотти рядом. А он не мерзнет в снегу под воротами обсерватории. Спасибо и за это. Плюс к тому в окрестностях не водятся генералы ВКС. Жизнь не так и ужасна. Очень даже ничего. Да, вполне терпима.

Он снял рубашку. Дотти уставилась на него, утирая слезы. Ван ухмыльнулся. Да, в разлуке с ней он здорово позанимался. Растряс жирок. Спасибо тренажерам – в такой хорошей форме он давно…

– Что с твоим плечом?!

Ван покосился на выцветающий лилово-желтый синяк. Он чуть не в кровь разбил плечо, когда стрелял из южноафриканского штурмового ружья[48]. Гильзы из барабанного магазина разлетались как конфетти.

Дотти в недоумении коснулась синяка.

– Милый, ты здорово поранился!

Конечно, отдача у штурмового ружья была страшная, но стрелять из него было так здорово, что Ван почти не замечал боли.

– Несчастный случай на работе, – соврал он, растянувшись на узкой кровати.

Дотти тут же нырнула к нему под тяжелое одеяло. Раньше они никогда не спали в одной постели. Жизнь в разных городах не способствовала развитию этой привычки. А эта койка оказалась слишком узкой. Дотти цеплялась за мужа, словно они теснились на спасательном плотике. Ван слишком устал и вымотался, чтобы заниматься любовью, но тепло ее кожи, звук ровного дыхания доставляли ему несказанное утешение. Его звздная девочка. Подарок вселенной. Где-то в темной глубине души сидел отчаянный ужас, убийственная уверенность в том, что он никогда больше не обнимет Дотти.

Дотти пристроила щеку у него на локте, забросила ногу ему на бедро и тут же уснула. В комнате было темно. Ван едва мог различить милые черты ее лица – вот нос, вот скула.

Как хрупок мир.

Прежде чем заглянуть за кулисы власти, он не осознавал, что цивилизация – это по большей части видимость. На самой вершине, в кружках и комитетах великих и могучих даже тем, кто по нечаянности оказались инженерами и учеными, всё равно приходилось изображать шаманов. Да и сам Ван теперь был политиком. А чтобы править миром, приходится найти в себе силы, стиснув зубы, прикидываться. Смотреть в глаза и не отводить взгляда.

Вот в чём он промахнулся с генералом. К этому человеку надо было вломиться с воинственным и властным видом. Излучая ауру неизбежности.

Ван сомкнул воспалённые веки. Хотя бы завтра ему совершенно нечего будет делать, кроме как побыть с женой и сыном. Почему это кажется ему такой огромной честью? Потому

что он сам напросился. По доброй воле превратил себя в чужое орудие.

Он завис на грани сна, хватая ртом разреженный воздух. Перед глазами плыл исполненный провидческой значимости блестящий дедов бластер. Ван не в силах был отвести от него внутреннего взора. Когда он работал над неудачной демонстрационной моделью, в пистолете кончился припой. Ван разобрал бластер, выкрутив четыре крошечных стальных шурупа, и обнаружил, что инженеры из «шарашки» установили внутри модель реактивного двигателя. Когда Ван снял крышку, перед ним предстала крошечная хвостовая дюза самолёта SR-71 «Дрозд». Чтобы пистолет заработал, прутки припоя требовалось засунуть в выхлопное отверстие, круглое, точно пистолетный ствол. Вот это был типичный инженерский юмор шестидесятых – с короткой стрижкой и в галстуке. Неудивительно, что дед так дорого ценил свою игрушку.

Вино и усталость навалились на него, распластав по простыням.

В третьем часу ночи их разбудил детский плач.

– Ой, Дерек… – невнятно пробормотала сонная Дотти. – Я всегда позволяла Теду ложиться со мной.

Ничего не поделаешь, пришлось втискивать затосковавшего малыша между родителями. Сердитый и сонный Тед ерзал, точно фланелевая выдра, пятками и коленями трамбуя себе гнездышко. Ван, и без того задыхавшийся в полусне, пришел в себя окончательно.

Он выбрался из постели, оделся – в комнате было совсем холодно, – набросил на плечи брошенное Тедом одеяльце, сел за стол и разбудил от сна лэптоп Дотти.

Комната Дотти могла быть опрятней монастыря, но ее компьютера Ван в таком беспорядке ещё не видывал. С ужасом он осознал, что Дотти Вандевеер, его жена, пользуется Outlook Express при широкополосном подключении и без всяких защитных средств. Хуже того, она поменяла все иконки. И не на обычные свои аккуратные звездочки или кометы, а на значки, более подходящие готам: летучие мыши, инопланетяне, ведьмовские котлы. По всему рабочему столу разбросаны были важные файлы с именами сплошь из ПРОПИСНЫХ БУКВ, пестрящие восклицательными знаками!! Ван глядел на них, как на рентгеновский снимок жениного подсознания. Диагноз был страшен.

Ван достиг пика своей семейной жизни: он попытался отослать собственной жене электронную почту с ее же

компьютера.

«Дорогая Дотти, я никогда не говорил тебе, как тяжело придется нам обоим…»

Нет, это всё не то, так не пойдет. Слова сгинули в плывущей налево пустоте клавиши «DELETE».

«Милая моя Дотти, я не могу тебе сказать, почему всё получилось не так, как я надеялся…»

«Дотти, мне не разрешено говорить, что именно…»

«Дорогая Дороти…»

С треском отключилось электричество. Свет разом погас.

В кромешной тьме Ван нашарил кровать и лёг, не раздеваясь.

ГЛАВА 10

Ранчо «Пайнкрест», штат Колорадо, февраль 2002 года

Дотти игриво пощекотала его пальцами ног.

– Ну, герой, теперь ты знаешь, за что сражаться!

Ван кивнул, захлебываясь паром, и примостил бутылку ледяного немецкого пива на краю бассейна. Если судить по обстановке, он сражался за право эксцентричных богачей скупить всю планету.

«Гостевой домик» Томаса Дефанти был когда-то жилищем пионеров Колорадо – грубые камни и серые крепкие бревна. Потом какой-то прикормленный архитектор превратил дом в тайное любовное гнездышко миллиардера. Изнутри всё было отделано хромом по черному в стиле восьмидесятых. Выглядело это так, словно Хью Хефнер пытался соблазнить Непотопляемую Молли Браун[49].

Ранчо «Пайнкрест», судя по тому, что успел заметить Ван, являло собой помесь Гонконга с голливудским вестерном. Опекуном старика и его обширных владений осталась четвертая не то пятая миссис Дефанти. И она пыталась из могучих горных сосен сотворить бонсай по-китайски. С бизонов стряхивали пыль, антилопам подстригали гривы… Дочь микросхемного магната с Тайваня переделывала ранчо по образцу дорогого китайского курорта.

Стол для гостей накрывали в усадьбе, в солнечном зимнем саду с потрясающим видом на горы. Ван начал день яйцами бенедикт по-русски со шпинатом и черной икрой плюс ананасовый сок и бизоний бифштекс в палец толщиной. Высотная болезнь куда-то испарилась. Белок, витамины и с полгаллона ямайского кофе послужили хорошей заправкой для сердца.

Дотти, которая бросила пить таблетки, к изумлению Вана, нашла где-то презерватив, который они тут же порвали. Ван был потрясен безразличием, с которым его жена восприняла несчастье. В таком игривом настроении он её ещё не видывал.

Горячий бассейн, окруженный черными панелями солнечных нагревателей, походил на маленький амфитеатр. В хрустком зимнем воздухе далеко разносилось вулканическое шипение джакузи. До сих пор Вану не приходилось заниматься любовью в открытом бассейне, но, когда тугие горячие струи били в его нагое тело, он понял, что в этом такого притягательного. Всё равно что любиться, даже не шевелясь.

Дотти отпила белого вина из бокала и спрятала замерзшую

руку под воду.

– Милый, мы слишком долго не были вместе. Я не хочу быть соломенной вдовой информационной войны.

– Встретимся снова после большой конференции в Виргинии. А после этого Тони меня пригласил на конференцию Совтеха.

Лицо Дотти помрачнело. Опять он ошибся. Она хотела услышать от него вовсе не конкретные даты.

А сказать ей простые слова, в которых Дотти нуждалась, он не мог. Хотя и понимал более-менее, что это за слова. Что-то вроде: «Милая, я по тебе соскучился не меньше, чем ты но мне». Но это была не совсем правда. И Ван это знал.

Три месяца разлуки показали ему горькую истину, думал Ван, глядя, как колышутся в обжигающей воде его ноги. Что-то ущербное было в нем самом как в мужчине, в муже, отце и человеке. Единственное дитя неудачного брака, он происходил из семьи слишком умных для своего блага людей. Способность творить и сосредоточиваться на работе сочеталась в нем с колючей, дурной нелюдимостью.

Потому что это были не разные качества. А две стороны одного и того же. Под панцирем, под личной броней, таилась галактически безбрежная бездна тоски, колоссальная и безжалостная, как у аутиста. Заполнить её было невозможно. И не по вине Дотти, потому что тысяча любящих женщин не утолили бы его жажды. Сердце его таилось там, в черной глубине, где любовь сияла единственной ясной звездой.

Будь он поэтом, Ван нашел бы подходящие слова, но в жизни своей он никогда не сумел бы их подыскать. Может, и заговорил бы… но и этого мало было. В отсутствие Дотти ледяная пустота, заполненная прежде её теплом, проросла новым, сильнейшим чувством. И теперь, колыхаясь в горячей воде под зимним небом – сытый, пьяный, утешенный, любимый, – он мог осознать это чувство, подобрать имя тому, что снедало его изнутри. Это была ярость. Он видел её в себе, словно в телескоп. Она была черная, плотная, твердая. Как нейтронная звезда.

Ван был из тех людей, что носят очки, читают мануалы и барабанят по клавишам. В своей карьере киберсолдата он не совершил ничего более героического, чем поиски переполнения буфера. Но ярость переполняла его, потому что она была неотъемлемой частью его души. Она прорастала естественным путем, как скорбь в сердце вдовца.

И Ван ничего не мог рассказать жене. Вытолкнуть из себя эти слова ему было трудней, чем лизать битое стекло.

Дотти глянула ему через плечо. Потом нашарила очки, надела и глянула снова.

Ван тоже надел очки. К коттеджу приближались двое всадников. Первым ехал молодой слуга-китаец. Вану всё время хотелось думать о нём как о «сотруднике», но китайские работники миссис Дефанти определенно были «слугами». Они постоянно были рядом – внимательные, заботливые, чуткие, едва заметные. Рядом с ними самый скромный дворецкий Британии показался бы духовым оркестром.

Второй всадник тоже был призрачно-скромен, но в ином роде. Пуховая куртка, рубашка в клетку, фетровая ковбойка сидели на непримечательной его фигуре, точно одежки на бумажной кукле.

Кони неслышно прошли мимо, понурив головы, словно фигуры на чужой карусели. Ван и Дотти по уши погрузились в горячую воду. Слуга безмятежно проехал мимо, уделив нагим любовникам в бассейне не больше внимания, чем шишкам под ногами. Взгляд старика упал на них, задержался на миг. Глаза у него были как у лунатика. Они высматривали что-то за тысячи световых лет отсюда.

Потом кони со своим двуногим грузом скрылись в тени сосен.

– Надо было встать и помахать ему рукой, – заметила Дотти.

Ван от удивления расхохотался. Она подплыла к мужу и навалилась на него пухлым тельцем.

– Мы в обсерватории не питаем иллюзий насчет старика, – прошептала она, почти касаясь губами шеи. – В холостые годы он шлялся по семинарам и приударял за каждой юбкой. Ох, каких же сплетен можно было наслушаться, когда Том Дефанти выходил на охоту!

– Откуда тебе знать? Ты не слишком ли молода для старикана?

– Среди астрономов не так много женщин, милый. Слухи расходятся.

Ван улыбнулся ей. Своя логика в этом имелась.

– Мне достался самый красивый, – прошептала она, поглаживая его ключицы. – Это все знают.

Ван сумел удержать улыбку на губах, но вид Тома Дефанти его здорово потряс. В последние месяцы Ван встречался с множеством выдающихся персон. Он видел президента Соединенных Штатов. Он встречался с министром обороны, советником по национальной безопасности и генеральным прокурором. На одной корпоративной вечеринке он долго болтал у лифта с Биллом Гейтсом и Уорреном Баффетом – те поднимались в пентхауз пить пиво и резаться в покер. Гейтс обратил внимание на бейджик Вана и вежливо намекнул, что в «Майкрософт рисёрч» он мог бы стать одним из ключевых

работников.

Может, если бы Билл Гейтс вляпался по уши в колоссальный скандал наподобие «энроновского». Если бы он пережил катастрофический нервный срыв. Если бы он ковылял по комнате, словно укушенное змеей привидение. Может быть, тогда Билл Гейтс производил бы впечатление столь ужасающее, как Том Дефанти.

Богачи планеты становились всё более жуткой компанией. Даже во время дот-комовского «пузыря» не было на свете столько натуральных психопатов, вооруженных набитыми кошельками. Добравшись до самого верха, они переставали считать деньги и начинали рваться к власти. Джордж Сорос наводнил своими агентами Восточную Европу, Росс Перо мстил в президенты, а уж Кен Лэй[50] … Все они так или иначе позабыли, что есть предел возможностям, которые дают деньги. Даже Усама бен Ладен был богат.

– Милый, – пробормотала Дотти.

– Что?

– Расслабься. Я работаю в обсерватории. Я сняла этот домик. Мы… э-э… договорились с «Пайнкрестом», что так можно. Они нам не помешают. Всё замечательно.

– Точно.

– Чем сегодня займемся, милый? В кои-то веки весь день наш, можем делать что хотим. Прогуляемся или прокатимся верхом…

– Нет.

– Можем вернуться в дом и опробовать водяной матрас.

Ван допил пиво. По всему телу расширялись поры. Чище, чем сейчас, ему уже не стать. Любовью они занимались столько, что сексометр Вана показывал «ноль». Торчать в доме ему уже не хотелось. Он был готов одеться и заняться чем-нибудь серьёзным.

– Есть идея получше, – проговорил он. – Пойдем, покажешь, чем сейчас занимаешься.

– Ладно. После обеда.

– Ну пойдем.

– Дерек, на ранчо нас ждет биск из креветок. И тунец в перечной панировке. Плюс сморчки, тушенные с трюфельным маслом.

Ну ладно. Может, Дотти составила неплохой план.

После роскошной трапезы, когда живот Вана был набит, голова пухла, а в висках тарабанил кофе, они вернулись в обсерваторию. Дотти взяла электрическую тележку. Наверху было холодно, ветрено, и воздух был разреженным неимоверно, но вид отсюда открывался фантастический. Это была основная задача

обсерватории: наблюдать за фантастическими видами. Здешний был просто великолепен.

От секса, еды и кофе высотная болезнь очнулась. Искоса ухмыльнувшись жене, Ван отошел и с горем пополам вскарабкался по растрескавшемуся склону гранитной глыбы.

Сюда следовало забраться хотя бы для того, чтобы увидеть всё разом. Бескрайнее небо. Вывороченные кости гор опутаны бегущими облаками и ползучими облачными тенями. Морщинистые пики припудрены снегом. Зеленый сосновый бор. Бурые следы древних оползней там, где осыпались и таяли старые горняцкие тропы. Черные шрамы лесных пожаров. При взгляде с обсерватории здания совершенно терялись среди деревьев: на виду – только антенна, только ровный край белой сателлитной «тарелки».

В небе над сошедшим с открытки пейзажем парила серебряная клякса – аэростат на длинном полосатом швартове.

Ван сразу приметил дирижабль, а Дотти рассказала ему, откуда он взялся. Блестящий воздушный шарик поступил со складов НОРАД – экспериментальный образец оборудованного радаром заградительного аэростата, так и не поступившего на оснащение войск ПВО.

Дефанти переработал модель, пытаясь пустить ее в коммерческое производство, создать местечковый заменитель спутниковой связи.

В массы идея так и не пошла, но здесь, в горах, маленький дирижабль с телекоммуникационной станцией в гондоле пришелся к месту. Ранчо «Пайнкрест», обсерватория и окрестные фермы были изолированы от мира в краю темных небес – эти места ещё в сороковые годы отошли под полигон для радиотехнических исследований. Антенны и кабельное телевидение были запрещены. Зато, когда позволяла погода, связь можно было наладить через парящий мини-спутник, славненький нейлоновый воздушный шарик. Технически это была конфетка. Серебряная живая капля двадцать первого столетия. Идея, проверенная практикой. Последний штрих, в котором нуждался горный пейзаж.

Отчаяние и стыд отступали. Здесь, под безбрежным небом Америки, в горах, у Вана кружило голову от шального обилия возможностей. Ему нравилось здесь, нравилось быть с Дотти. Это было прекрасно. Если бы только кончилась дурацкая война, если бы только он избавился от пары скверных привычек… да, он мог бы попытаться здесь пожить. Горы Запада стали бы его домом.

Он сроднится с этими местами – загорелый, плечистый – и нарастит каменные мозоли на мягких хакерских пятках. Его сын

вырастет в горах. Тед будет кататься на лыжах и лазить по скалам. Они вместе будут карабкаться по горным тропам. Ван купит винтовку и спиннинг. И каждые выходные они с Тедом будут ходить на охоту или рыбалку. Палатки, костры в ночи, карты и компасы. Он будет передавать сыну отцовскую мудрость, честно глядя в глаза. Он возместит всё, чего не смог сделать, не смог подарить.

Дотти помахала ему рукой от подножия утеса. Слова ее уносил пронизывающий ветер. Ван сполз со скалы. Очнувшись от мечтаний, он глядел на жену новыми глазами. Хрупкая женщина с прямыми русыми волосами, чьи брови не знали щипчиков, а губы – помады. Теплая джинсовая рубашка и брюки. Самая драгоценная на свете.

Барабан обсерватории был огромен, хотя и меньше, чем казалось на рекламных буклетах. Раздвижные створки купола открывались в зенит, а вся конструкция поворачивалась на подвесах вслед небесной сфере. Вид у нее был до странности зализанный, точно у кроссовки. Или у огромного киоска в супермаркете.

Внутри было тепло и тихо. Толстые стены защищали чувствительный инструмент, точно пенопластовый термос – холодное пиво.

Будучи супругом астрофизика, Ван повидал больше обсерваторий, чем стоило бы человеку. Он привык к виду приборов. Но ему никогда не приходилось видеть телескопа хотя бы вполовину столь изящного. Большие профессиональные телескопы всегда выглядели изношенными, полуразобранными и собранными вручную. Здесь Ван сразу понял, что перед ним стариковская любимица.

Этот телескоп, изящный и глянцевый, усыпан кнопками, разъемами и переключателями, как жена нобелевского лауреата на балу побрякушками. Высотой он – нет, она! – был в пять этажей. Изящно зауженные распорки решетчатой трубы покрывал лаковый узор. Внизу виднелась огромная чаша зеркала, составленного из голубых шестиугольных ячеек в зеленой пластиковой раме. Все швы, все стыки были подозрительно безупречны. Телескоп походил на модную сестренку старика «Хаббла».

Целью адаптивной оптики было убрать мерцание звезд. Для этого зеркала телескопа подстраивали свою кривизну в соответствии с движением воздушных масс – в реальном времени, по указаниям компьютера. Любопытная эта идея, по всей очевидности, потрафила инженерным вкусам старика Дефанти.

Но, подумал Ван, так ли необходимо было аккуратно

раззеньковать все болты? С какой стати панели наружной обшивки так безукоризненно подогнаны, словно в роскошном лимузине для невесты? И повсюду провода. Телескоп был опутан проводами, точно горгона Медуза. Он только что не кричал о своем бурном романе с Интернетом.

Похоже было, что в мужественных попытках запустить адаптивную оптику местные инженеры подвергли телескоп тяжелой косметической операции. Может быть, даже два раза. Или три. С каждой стеклянной ячейки свисала черная ниагара силовых кабелей. Мотки и клубки оптоволоконных шин валялись по полу, очевидно забытые. Проводов хватило бы на черновский ускоритель. Неудивительно, что тележурналисты были в восторге.

– Какая красавица, – промолвил Ван вслух. Голос его отдался эхом. Они были одни в башне – два человека, сведенные к масштабу сурков. Вокруг – только спящая принцесса Научного царства, её пульты управления, справочники на пружинах, конторские кресла, кружки из-под кофе и спальные мешки. Типично ученый мусор.

– С первоначальным проектом были большие проблемы, – созналась Дотти. – У архитекторов такое самомнение. Этот не желал слушать, когда толпа умников ему твердила, что «красиво» не значит «работает». – Она развела руками. – Ну, конечно, не «Кек-два» и не Мауна-Лоа. Но материалы высшего качества. Построено на совесть. Ну а пропускная способность… Это будет единственная «живая» сетевая обсерватория на Интернете-два. Все данные в реальном времени будут перегоняться по магистральному кабелю НПФ. Том Дефанти мечтал, чтобы любой мальчишка в любой городской школе мог увидеть вселенную. Если на звёзды нельзя глянуть, потому что их застит свет фонарей, что ж, он подарит им вселенную, бесплатно, через информационную магистраль. Если бы сейчас президентом был Ал Гор… пожалуй, старик отхватил бы под эту марку немало бюджетных денег.

– А откуда все эти провода?

– А, это! Это наш маленький Бхопал. Понимаешь, когда первоначальные поставщики разорвали контракт, Тони нанял всех этих индусов по дешёвке… Приходят, проводят испытания, занимают время, подключают к Сети, отключают от Сети, всё переделывают… Никто же не пытался прежде делать ничего подобного, они с ним возятся днем и ночью… Тони – он не лучший проект-менеджер, правду сказать.

– Не подумал бы, что это работа но нему.

– На строительстве телескопа Тони впервые показал себя перед Томом Дефанти. Практически невозможно построить

обсерваторию так близко к федеральному заказнику – все эти директивы, законы по охране вымирающих видов, но… как видишь, Тони всё устроил. Тони всё организует собственным хитрым способом.

– Как он свёл нас с тобой, – пробормотал Ван.

Дотти невинно глянула на него:

– Что, милый?

Ван сделал вид, будто его заинтересовали хитроумные потроха диахронического светоделителя. Чуть было не прокололся.

– Да, Тони мне много рассказывал, как он вошел в доверие к Дефанти. Этот телескоп для него много значил.

– Знаешь, я разобралась, как он это всё устроил, гордо заявила Дотти. – Понимаешь, Тони помирился со всеми, кто просто ненавидел наш проект. В основном всякие хиппи-«зеленые» из Боулдера – «где угодно, лишь бы не у нас под носом». И пошел к ним Тони, и посещал их сходки, и дарил им деньги Дефанти, и сказал он им: «Построим всё экологически чисто!» И построили. Возобновляемые источники энергии, всё из местных материалов, никакого загрязнения среды. Оказалось намного дешевле, чем с ними судиться. Так что я живу вроде как на выставке достижений экологического строительства. Большинство обсерваторий по сравнению с нашей – просто деревни шерпов. «Зеленые» сюда приезжали на экскурсии в набитых автобусах.

Что-то ещё тяготило Дотти, понял Ван. Что-то важное.

– А потом? – спросил он. Дотти пожала плечами.

– А потом им надоело, должно быть. Мы же всего лишь команда астрономов. Кроме того, у нас ещё даже телескоп в строй не введён. Нет нормального пиар-отдела, чтобы ориентировать публику. Ну то есть, по сути дела, я и есть пиар-отдел. В одном лице.

– Но теперь всё в порядке? «Зеленые» вас больше не тревожат?

– Ой, Дефанти отписал им столько денег, что они включили его в совет директоров. Теперь им тот же парень построил новое здание в Боулдере, очень симпатичное. Он теперь знаменитый экоархитектор. В Голландии его обожают.

На Вана снизошло озарение. Тони Кэрью надул несчастных олухов. Он погубил их. Потому что когда-то его враги действовали быстро, тихо, и, должно быть, всегда вовремя. Кучка опасных «зеленых» фанатиков. Но Тони ласковой улыбкой и толстой чековой книжкой заманил их в систему. Они стали медлительны и цивильны. Бешеные гринписовцы нацепили

костюмы и галстуки, зарылись в бумаги, расселись по кабинетам и потеряли силу. От гордого духа их осталось только название да, может, старые наклейки на лобовое стекло…

Неужели у Тони хватило на это ума? Да, у него хватило бы. Если дать Тони возможность, если он найдет способ повернуть дело так, что…

– А что с этого имел Тони? – поинтересовался Ван.

– Ну, Дефанти был в полном восторге. Это была идея Тони – назвать обсерваторию в честь настоящего отца Дефанти, Альфреда А. Гриффита, никому не известного типа, – он помер, когда Дефанти было семь лет. Ничего лучше для нас, астрономов, он не мог сделать. Том Дефанти обзавелся репутацией великого защитника дикой природы… Это было восемь или девять лет назад. Проекты такого масштаба осуществляются небыстро.

– Так в чём была его прибыль?

– Обязательно искать прибылей? Это же телескоп!

Ван подергал себя за бороду.

– Мы же говорим о Тони Кэрью, нет?

Дотти поморщилась.

– Милый, он твой лучший друг…

– Знаю. Потому и говорю.

Дотти обиделась. Она глянула Вану в глаза, потом отвернулась.

– Ну, ходят слухи… Не знаю, правда ли это, но…

– Но Тони с этого кое-что имел, – заключил Ван.

Она понизила голос:

– Ты слышал о правах на прокладку коммуникаций?

– Это вроде разрешения провести кабель? Да, конечно.

– Ну так вот, законодательное собрание Колорадо когда-то выдало целый пакет разрешений на прокладку интернет-кабелей. Пытались подключить захолустные районы штата – знаешь, равные права на доступ к информационной магистрали, всё такое. А потом, пару лет спустя, Дефанти протолкнул поправки к закону, распространив это на *трубопроводы.* Одно или два слова в каком-то комитете – и всё. И тут в Калифорнии грянул энергетический кризис – когда у них не хватало природного газа. В этой истории были замешаны *о-очень* крупные энергетические компании. С *о-очень* высокими покровителями.

Ван хмыкнул. Бухгалтерия. Ну конечно. Через Скалистые горы, хребет континента, не так много проходов. А энергетический голод Калифорнии был неутолим.

Если ты совершаешь корпоративное преступление в лесу и никто не видит – было ли преступление? А если ты раздаешь прибыль от него на благотворительность, как Рокфеллер или

Карнеги? Обездоленные дети Америки, прильнувшие к экранам компьютеров, чтобы увидеть звезды… Молча, запрокинув голову, Ван прошелся вокруг телескопа, осматривая каждую балку, каждый болтик, каждый шов огромной машины. Такая чистая. Такая отрешенная от земной суеты.

Шаги Вана гулко отдавались под высоким сводом. Он точно шел по оперной сцене, и перед ним высилась оплетенная проводами дива. «Мондиаль» вложил миллиарды в права прокладки оптоволоконных кабелей по всей Америке. Здесь Дефанти наткнулся на возможность тихой сапой, ненаселенными местами перебросить через Скалистые горы великанский шланг с природным газом. Газовые трубопроводы славились авариями. Опасная штука – трубопровод, и грязная. Не та, которую разрешат строить где попало. Но инфраструктуру приходится расширять. Людям нужна энергия. Все с радостью жгут газ, но за последствия отвечать никто не хочет. Поэтому трубопроводы строят без шумихи. Ребята вроде Тони, способные запудрить мозги общественности зеркалами телескопов и ветряными мельницами. Кто догадается, что строительство обсерватории связано с газовым трубопроводом?

Что, слишком много жестокости в нем накопилось, слишком много подозрительности? Работа повлияла. Грязная работа – и заключение в бомбоубежище. Кто он теперь – профессиональный параноик? Превратился в злобного поганца, потому что слишком долго врастал в шкуры террористов и мошенников? Может, конечно, и следовало с большим доверием отнестись к побуждениям крупных бизнесменов… этих милых людей из «Энрона», «Артура Андерсена»[51], «Глобал кроссинг»[52] и его возлюбленного «Мондиаля».

Ван обошел телескоп кругом.

– Эти стены, они что, из сена сложены? – спросил он. – Это тебя не пугает?

– Прессованная солома, милый. Вполне безопасный материал. Если солому спрессовать достаточно плотно и упаковать, она не горит. Она очень лёгкая, экологически безопасная и прекрасно держит тепло. Телескоп должен вращаться, чтобы следить за звездами. А у нас вместо купола вращается всё здание.

Ван усмехнулся.

– Здорово.

– Меня все об этом спрашивают – про солому. Часто задаваемый вопрос номер один. Солома – замечательная штука, милый.

Дотти отвезла его на электрическом каре обратно в научный центр. Ван обнаружил, что от усталости у него прояснилось в

голове. Да, он терзался ещё нелепым провалом на базе «Шайен», но обида уже прошла. Он не встречал ещё человека, которому не приходилось бы идти на компромиссы. Жизнь не сахар.

Так почему ему так скверно – оттого ли, что он потерпел неудачу в бою с космической бюрократией? Или оттого, что его лучший друг дурит людям головы, чтобы продавать им же электричество и газ, в которых эти же люди отчаянно нуждаются?

Затем Дотти увлекла Вана в его стихию. Серверная научного центра имела три этажа в высоту. Стеклянный ее фасад был врезан прямо в скалу.

– Мы не думали, что у нас будет столько оборудования, – призналась Дотти. – По проекту это здание отвели отделу по связям с общественностью. Тут должен был разместиться их офис, что-то вроде туристического центра, но…

Ван был в восторге. По сравнению с этим чудесным местечком любой узел Интернета-2, где ему доводилось бывать, казался могилой. Даже то, что всё оборудование устарело на годы, его не смущало. «Циско Каталисты», «Джунипер T640», «Форс 10», оптические переключатели «Кьяро» – всё работало. Деловито жужжали вентиляторы, выбрасывая в холодный февральский воздух тепловую энергию сотен тостеров. Ван миновал стеклянный ящик с наборами помеченных разными цветами запасных кассет. Проходил мимо стальных шкафов, опутанных водопадами оптоволоконных кабелей.

– Вон там, – Дотти махнула рукой, – лестница.

– Погоди, – пробормотал Ван.

Он натолкнулся на дежурного администратора. Молодой индус в яркой футболке из полиэфира, синих джинсах и кроссовках листал журнал «Звёздная пыль», поглаживая стильную узкую бородку. Заметив Вана, он вежливо поднял глаза.

– Так как справляетесь с эпидемией CodeRed?[53] – спросил Ван.

– Ну, сэр! Как вы думаете? – Сисадмин снисходительно хмыкнул. – Мы же под OpenBSD работаем!

Ван поднял брови.

– Молодцы! Ну а как насчет свежих уязвимостей удаленного вызова?

– Никаких проблем. Прогнали nfsbug и пару месяцев как всё пропатчили.

– Проколы SNMP?

– О нет, сэр! Мы уже поставили третью версию. И зашифровали единицы протокола передачи данных.

Ван воззрился на нового знакомца с чувством глубокого удовлетворения.

– До опосредованной пакетной фильтрации вы, должно быть, ещё не доросли.

Админ отложил журнал.

– *Опосредованной* пакетной фильтрации? Разве это не чисто теоретическое решение?

– Уже нет, – объявил Ван.

– Милый! – возмутилась появившаяся Дотти.

– Мы случайно не знакомы? – поинтересовался админ. – Кажется, мы с вами где-то встречались.

– Дерек Вандевеер. – Ван протянул руку.

– Так вы *Ван?* – вскричал админ, взвившись с кресла. – Тот самый Ван! О, сэр! Такая честь. – До протянутой руки он не дотронулся, а вместо этого припал к ногам программиста, благоговейно омахнув кончиками пальцев его мокасины. – Сэр, я никогда не забуду вашей статьи о маршрутном картировании!

– Это Раджив, – пояснила Дотти, пока админ поднимался с пола. – Его иногда заносит.

Раджив сложил ладони на груди и просиял.

– О, миссис Вандевеер, мне следовало знать, что это он! Ваш знаменитый муж наконец-то посетил нас! Счастлив познакомиться, сэр! Ваша работа над «Гренделем» – о, нам есть что обсудить!

Дотти поморщилась. Она была *«доктор* Вандевеер» и ненавидела, когда ее называли «миссис». Ван погладил бороду.

– А… э-э… не подскажете, это не вы случайно «Раджив двадцать три» с форума «Аларм-Консенус»?

– Так точно, сэр, он самый! – вскричал сисадмин, радуясь, что его узнали. А какой вклад вы вносите в работу форума! Я все ваши заметки передаю бангалорской группе разработчиков «Линукс»!

– Выберетесь в этом году на Совтех?

– Конечно, надеюсь на это, сэр.

– Тогда но пивку, приятель, и поболтаем! – Чтобы оттащить Вана от нового знакомца, потребовалось вмешательство Дотти.

Она легко взбежала по лестнице на третий этаж. Ван топотал следом.

– Надеюсь, хмуро глянула она на мужа сверху вниз, – что я тебя умучаю до смерти своими моделями.

– Милая, не обращай внимания на этого парня. – Ван был страшно доволен собой.

Дерек, ты выбрался к нам от силы на двое суток, а сам готов был целый день болтать с этим типом.

– Целуется он похуже тебя, детка.

Ван шлепнул ее по ягодице. Дотти подумала и рассмеялась.

Наверху народу было побольше. Дотти поздоровалась с полудюжиной коллег, но, после того как она выбранила мужа за разговор с Радживом, ей стыдно было болтать о своей работе. Она присела рядом с терминалом.

– Наверное, не стоит показывать «тому самому Вану» мои детские игрушки, но я четыре года работала над этим симулятором шаровых скоплений.

– Милая, твои демки я всегда обожал. Показывай.

– Эти GRAPE-шесть разработаны японцами с кафедры физики для решения проблемы n тел.

– Запускай, солнышко.

– Мы непосредственно внедрили алгоритмы расчета в модель динамики шарового скопления, гладко частила Дотти. – Алгоритмы численного решения задачи известны с шестидесятых, но мы на порядок увеличили n. Эти карточки выдают сотню терафлоп… Остальная часть системы моделирует звёздную эволюцию и массообмен. Да, и модели столкновений. Но если ядро скопления схлопывается, модель столкновений начинает чудить.

Ван молча следил, как по экрану ползёт черно-белая полоса загрузки.

– Пришлось оставить пять или шесть упрощений, – продолжала Дотти, – но мы охватили четырнадцать порядков размера – от диаметра нейтронной звезды до размера самого скопления… О, смотри – поехали!

Ван ошарашенно уставился на экран. Конечно, он видел раньше симуляции шаровых скоплений. Он помнил их ещё с магистратуры – грубые крестики-нолики лениво ползали по равномерно зеленеющему экрану. Модель, которую он видел сейчас, жужжала почище пчелиного роя. В мониторе Дотти горели звезды, миллионы звёзд. Выглядело это почти как фотография с «Хаббла», только живая. Звёзды болтались по баллистическим траекториям, рушились, сталкивались, кружили в орбитальном танго – петляли, целовались, замирали на месте.

Шаровое скопление кипело. Оно разлеталось, точно осиное гнездо. Только компьютеры доказывали, что самоцветная держава светил нестабильна. В телескопе шаровое скопление казалось плотным, точно бейсбольный мяч, но стабильность его была мнимой. Звззды падали к сердцевине и от невыносимой тесноты вылетали, словно из пращи, из родного дома. И мчались в нескончаемый мрак и одиночество межгалактического пространства.

От этого зрелища у Вана на голове волосы вставали дыбом.

«Вот *живешь* ты под боком у такой звезды, – думал он, –

живешь себе на тихой, славной планетке. И в дневном небе у тебя полыхают соседние солнца, здоровые, как мячи. А потом, господи ж ты боже мой, пролетаешь мимо одного из них слишком близко, слишком низко. За пару десятков поколений созвездия в небе поплывут, как пластилиновые. Небеса ополчатся на тебя и твой мир, извергнут тебя на скорости в половину световой. И ты, и всё твое племя, безвинная твоя цивилизация отправятся в невыносимую студеную ссылку без возврата».

– Мы называем этот процесс «испарением», – говорила Дотти. – Рано или поздно всем звёздам придется покинуть колыбель скопления. Давай я прогоню для тебя вторую модель – ту, что учитывает приливное действие галактики.

В этот раз несчастное скопление растерзали силы превыше его понятия. Что может сделать маленькое скопление против чудовищной хватки галактической сверхдержавы? Шаровые скопления всего лишь золотые пузыри, а галактики – огромные блюдца: стылые, неумолимо вертящиеся. Тяготение их ломало и гнуло пузыри. Накатывал могучий прилив.

На глазах у Вана. Притяжение галактики было слишком велико для скопления. Звёзды отшелушивались, они уходили в эмиграцию, жалко цепляясь друг за друга. Эшелонами беженцев покидали они скопление. Иные падали на галактический диск – пришельцы издалека, гости с ангельских высот, обреченные на загадочную судьбу. Разбитое, искрошенное в ошметки газа и пыли, полуразвалившееся скопление висело в небесах…

– Мы говорим об ускорении на двадцать порядков, – поясняла Дотти. – Тесное прохождение двух нейтронных звёзд занимает миллисекунды. Но смерть шарового скопления…

– Они умирают? – спросил Ван.

– Конечно умирают, милый. Все звёзды умирают. И все скопления. Но здесь, – она указала на экран, – мои скопления умирают не совсем по правилам. Вселенной только тринадцать миллиардов лет, поэтому у меня нет достоверных наблюдательных данных по динамическим взаимодействиям на поздних стадиях распада скопления. Я выжимаю последние крохи из инструмента. Мы заглянули в будущее на тридцать миллиардов лет.

– Ого.

– Я хочу сказать, ошибки вычислений накапливаются.

– О да.

– Вот с этой проблемой надо разобраться, – заключила Дотти. – Тридцать миллиардов лет. Мне потребуется немало времени, чтобы ее решить. Или даже много. Остаток жизни.

Ван потрепал ее по плечу.

– Милая, солнышко, у тебя всё получится!

После роскошного ужина (сычуаньская кухня) они взяли Теда с собой, чтобы провести последнюю ночь в любовном гнездышке на ранчо. Домик перестал производить на Вана впечатление. В холостяцком убежище стареющего миллиардера было что-то нелепое и жалкое.

И детоустойчивым оно не было. Мир Теда ограничивался манежем и коляской. Это неподходящее место для семьи из трех человек. Жизнь пошла наперекосяк. Оскорбленная гордость больше Вана не мучила, но осталось нутряное чувство, что где-то он серьёзно облажался.

В третьем часу ночи его разбудило хныканье сына. Ван встал, прошаркал к колыбельке.

– Дадим маме выспаться, – шепнул он малышу.

Он поменял Теду подгузник и засунул сына в ходунки – чудесные ходунки, которые сам же и отправил ему почтой в минуты тоски, всё из литого пластика, как детская гоночная машина.

Тед был в восторге, что папа выпустил его погулять ночью по ярко освещённой ванной. Мама всегда заставляла Теда спать, а тут ему разрешили наконец заняться тем, чем больше всего хотелось заняться глухой ночью. Хотелось ему носиться по комнате, грохоча колесиками, булькать от счастья, размахивать ручонками на манер ветряной мельницы и радостно заливать всё капающими с подбородка слюнями.

К закату Ван будет уже в Вашингтоне. Придется рассказать Джебу, что история с КН-13 в штабе ВКС под горой Шайен закончилась пшиком. Он зря потратил время, потратил бесцепные силы… Чтобы восполнить растраченное, ему придется вдвое усердней трудиться над подготовкой саммита в Виргинии, залезть в шляпу фокусника обеими руками… Ван глянул на себя в зеркало, близоруко щурясь без очков. Какой же он всё-таки дурак!

Покуда Тед ворковал и булькал, Ван тихонько прокрался в комнату и вытащил из-под кровати рюкзак. В ванную он вернулся с угольно-черным спецназовским ножом. Лететь в Вашингтон с этаким свинорезом в багаже он не может. Охрана в аэропорту умом повредится. Но он ведь купил нож. Себе купил. Глупо будет не найти ему применения.

Ван ухватил себя за бороду и принялся пилить. Нож проходил через щетину, точно сквозь сахарную вату.

Шесть минут спустя Ван глядел на свои бритые щеки, покуда Тед со счастливой миной сосал и выплевывал клочья отцовской бороды. Спецназовский нож был острее бритвы. Волоски он

срезал почище лазера, оставляя тонкие порезы, будто от листа бумаги. Неудивительно, что Хикок божился этим ножом. Хикок знал толк в оружии. Не нож – сокровище.

Ван уже много лет не брил бороды. Мокрые гладкие щеки выглядели удивленно и бледно, как свежая тонзура.

Наутро Дотти изумленно воззрилась на мужа.

– Ой, милый! – вскрикнула она. – Ты посмотри на себя! Милый, ты так молодо выглядишь! Подобной реакции Ван не ожидал.

– Молодо? – Он-то собирался избавиться от нелепой хакерской бороды и приобрести вид серьёзного профессионала. – Молодо? А как же нос? Нос словно вырос за ночь на три размера.

Дотти принялась на пробу целовать места, которые не целовала уже годами. Голая кожа отзывалась радостным изумлением.

– Ми-илый, ты такой красивый. Чистый. Тедди, посмотри на папу!

Утомившийся за время ночной прогулки Тед спал.

– Нравится? – спросил Ван.

– По-другому выглядит… Конечно, нравится. Я же за тебя вышла замуж. А разнообразие не помешает.

– Не знаю, что об этом на работе подумают.

– Милый… – Дотти примолкла. – Ты бы только знал, какое у тебя лицо делается, стоит о работе заговорить.

– О чём ты?

– Дерек, эти люди тебя замучили. На тебя смотреть жалко. Мне не нравятся эти типы из Вашингтона. Мне не нравится нынешняя администрация. Мне не нравится эта дурацкая «война с терроризмом»… Я уже газеты читать не могу. Это не наши люди.

– И что? – спросил Ван. – К чему это всё?

– Милый, ты не обязан к ним возвращаться. Понимаешь? Ты не обязан возвращаться на войну. Ты можешь остаться здесь, со мной. Дерек, ты же ненавидишь эту работу. Грязную, дрянную работу. Любимый мой, может, я не говорила этого раньше, но… здесь у меня всё просто отлично. В большинстве университетов астрономы сталкиваются с жуткими проблемами финансирования. Так скверно ещё не бывало… А здесь у меня только одна беда. Со мной рядом нет Дерека Вандевеера.

– А… – выдавил Ван. Угу.

– Да, у нас не будет столько денег, как в те времена, когда ты был вице-президентом. Но от тех денег у нас были только неприятности. Дерек, ты прекрасно к нам впишешься. Будешь работать на нашем оборудовании. Сможешь заниматься всеми

клевыми, забавными программерскими задачками, какими хотел. Закончишь наконец свою статью по теоремам Рамзея. Ты будешь счастлив.

– Сейчас у меня такой несчастный вид?

– Милый, да у тебя это на лице написано! Теперь же всё видно. Я тебя не видела без бороды уже сколько – четыре года? Ты ее сбрил на мамины похороны.

– Д-да, – пробормотал Ван. – Точно.

Дотти утерла слезинку.

– Люди не обязаны себя мучить. Ты такой замечательный, Дерек. Сильный, честный, славный, изумительно талантливый, упорный… Во всей нынешней администрации нет ни одного настолько порядочного человека… – Она уже всхлипывала. – Я хочу, чтобы ты переехал сюда и жил с нами, Дерек. Я так устала быть одна.

Ван присел на кровать. Душа его трепыхалась, как сорванный парус.

– Ох, Дотти…

– У меня есть на тебя право. Я твоя жена. С какой стати нам разлучаться? Я хочу, чтобы ты переехал к нам. Заведём второго ребенка. Ты же не под призыв попал. И погон на тебе нет. Почему тебе просто не уйти?

– У меня есть работа, – ответил Ван. – Мне за нее платят. На меня полагаются.

– Да ты ненавидишь эту работу! Она тебя корежит. Ты бы видел себя, когда пытаешься о ней заговорить. У тебя глаза стекленеют. И холодеют. Лицо мрачнеет… Ты похож на огромную собаку, которая стережет последнюю в мире косточку.

Ван не обиделся. Он понимал, насколько права Дотти. Физиономия его приобрела полицейские черты. А полицейский – это такой парень, который никогда не будет просто рад тебя видеть. Даже если он замечательный человек, как многие из них, он всегда, всегда вначале смерит тебя оценивающим взглядом, примечая, не опасен ли ты, не вооружен ли, не безумен ли. На сотнях лиц в Склепе Ван примечал это собачье выражение и теперь, да, сам им обзавёлся. Обзавёлся, потому что заслужил. Заработал. Потому что стал одним из них.

– Милая, – выдавил он, – ты, наверное, права. Я понимаю. Но я не могу просто так уйти с работы. В Виргинии затевается очень важное совещание. Джеб говорит… хотя Джеб чего только не скажет… но если всё пройдет нормально, оно стоит любых усилий.

– А как же мы? Я хочу, чтобы ты жил со мной.

– Это всего лишь временная работа, – сказал Ван. Говорил он

сам с собой. Я не обещал Джебу, что сделаю карьеру в бюро. Даже его пост – временный. Мы вообще-то должны были просто… залатать дыры, пока не установим четкую политику и не будет создана постоянная структура на федеральном уровне, а лучше даже – на уровне кабинета…

– – Дерек, я никогда не слышала, чтобы ты так говорил прежде. Когда мы были счастливы.

– Ну вот такой у них теперь жаргон, – простонал Ван. – Милая, я знаю, что переигрываю. Ты нужна мне, чтобы предупреждать, когда я съезжаю с катушек. А когда тебя нет рядом, у меня в голове чёрт знает что творится.

Опасливо звякнул телефон. За Ваном приехал лимузин.

Ван торопливо зарылся в рюкзак.

– Если я сейчас не поеду, то опоздаю на самолёт в Денвере. Держи. Пускай у тебя кое-что пока полежит. Вот, охотничий нож. И бластер тоже возьми.

Дотти вцепилась в сетевой шнур.

– Дерек, ты что, правда таскаешь с собой эту штуковину?

– Повсюду. Паять очень удобно, – ответил Ван. – И пресс-папье из нее отличное. Но охранники в аэропортах совсем отупели – не пропустят ничего, хотя бы отдаленно похожего на пистолет. А с этой штуковиной для Военно-космических сил… ну, я тебе не могу рассказать подробно. Неприятная была история. И кончилась скверно… Я несколько недель потратил на эту штуку, просил о помощи всех, кого только мог… Но да, ты права. Дотти, я не могу без тебя справиться. Всё было бы намного лучше, всему белому свету, если бы я просто остался здесь, с тобой. Смотрели бы фантастику по телевизору. И жевали бы оленью колбасу. С дыней. Классная была дыня.

– Здесь нет телевизоров.

– Оно и к лучшему. Тогда болливудские фильмы. Под оленью колбасу. Я этого правда хочу. Очень-очень.

Дотти повисла у него на шее.

– Здорово было, правда?

– Ох, Дот… это был такой медовый месяц! Обалденный. Остановись, мгновенье. Ну ничего, уже скоро. Очень скоро.

– Я приеду к тебе в Виргинию.

– Пиши «мылом».

В аэропорту Денвера Ван совершил ошибку – он попытался почитать электронную почту. Он позволил себе сделать передышку на три дня. Единственный шанс по-человечески поесть, отоспаться и расцеловать спутницу жизни. Три дня. А БКПКИ уже трещало по швам. Это было всё равно что при

отключенном электричестве нащупать искрящий провод под высоким напряжением.

Джеб переслал ему первоклассный флейм от какой-то пентагоновской крысы из ОКНШ. Генерал Весслер, конечно, сам не подписывался под этой бюрократической гнуснограммой, но отпечатки его пальцев Ван различал вполне отчетливо. Особенно обидно было, что программиста даже не называли по имени. Говорилось о «двух самозваных инженерах из так называемого Бюро преобразования архитектуры связи». Ван узнал себя в описаниях «вашингтонского клоуна-всезнайки» и «бородатого профессора из Лиги Плюща с его береткой». Господи помилуй – береткой?

Но большая часть электронной почты имела касательство к большой презентации БКПКИ в Виргинии. А та быстро принимала все черты серьёзного кризиса. Время и пространство для маневра стремительно сходили на нет.

БКПКИ могло служить местом, где принимаются решения, но в долгосрочном плане оно для этой цели было слишком маленьким и неустойчивым. Даже Совет национальной безопасности был недостаточно велик, чтобы управлять федеральным правительством. СНБ всего лишь проводил беседы с людьми, которые проводили беседы с людьми, которые составляли федеральное правительство. Очень скоро – катастрофически скоро – БКПКИ постигнет судьба мириад других влиятельных консультативных групп и федеральных комитетов. Сделать – и сдохнуть.

Ради встречи в Виргинии Джеб поставил на карту всё. Для БКПКИ она должна была стать Геттисбергом и битвой при Булл-Ран в одном лице.

Прикованный, точно жертва садомазохиста, к узкому креслу в туристическом салоне на высоте тридцати тысяч футов, Ван помрачнел. Он никогда не просил Тони Кэрью об услугах, но сейчас ситуация грозила катастрофой. В лице Тони Ван собирался выложить свой последний козырь.

Сексапильный голос энергичного робота голосовой почты с автоответчика сообщил, что Тони в Тайбэе. Ван покрутил провод бортового телефона и продолжил. Когда ему удалось наконец дорваться до тела, Тони даже не обиделся. Разница часовых поясов его никогда не смущала – скорее бодрила.

Причина его благодушия вскоре прояснилась. Из номера Тони только что бежала его возлюбленная индианка. Тони был ее визитом несказанно обрадован. Против всякой вероятности он каким-то образом похитил ее из-под бдительного присмотра бомбейского семейства на одну тайную сладостную ночь – только

они вдвоем, и никаких родичей, слуг, менеджеров и камердинеров. Тони был так горд, словно взмахом волшебной палочки поднял со дна «Титаник».

Услугу старому приятелю он оказал, не задумываясь. После чего продолжил обсуждать свою идефикс.

Как оказалось, для Тони очень важно было, что его подружка считается «самой красивой женщиной на свете». Ван нахмурился. Наслушавшись Дотти, он переменил свое мнение о последней интрижке Тони. Дотти права – она всегда держалась здравого смысла. Этот нелепый дистанционный роман в авиаперелетах на Тони плохо действовал. Ему бы остепениться и найти женщину, на которую он сможет положиться.

Ну почему Тони не замечает очевидного? Его подружка – кинозвезда из далекой страны. Не ее дело, в общем-то, заботиться о Тони Кэрью. Если он разорится или заболеет, эта охотница за сокровищами бросит его быстрее свиста.

Тони болтал, не уставая. В конце концов Ван извинился и повесил трубку. Подождал девяносто секунд, сунул в телефон другую кредитку и набрал номер мобильника Майкла Хикока.

– Я в самолёте, – сказал он.

Хикок с грохотом уронил мобильник. Пьяно захихикал женский голос.

– Дай покою. – Хикок подобрал телефон. – Я с подружкой, и на мне даже трусов нет.

Хихикала, сколько можно было судить за ревом турбин, Фанни Гликлейстер. По крайней мере, Ван надеялся, что это она. Представить себе, что в мире есть две женщины, способные так хихикать, и Майкл Хикок уложил в постель обеих, было невыносимо страшно.

– Майк, ты же пилот, так?

– Пилотские права есть, – отозвался Хикок и зевнул. – Но асом это меня не делает.

– Ладно. Помнишь коробочку, которую нам заказало БОРАРЭ? Автопилот, который перехватывает управление частным самолётом в случае угона?

– Я думал, ты облажался, Ван. Тебе с твоим жирдяем начальником не по карману нанять здоровенный частный реактивный лайнер на вашу здоровенную бодягу в Виргинии.

– Я только что нашел приятеля, который одолжит мне собственный реактивный лайнер.

– О! – согласился Хикок. – Другое дело.

– А теперь мне нужен пилот, способный управлять боинговским «бизнес-джетом» с земли при помощи одного джойстика.

Хикок гулко хохотнул.

– Ну так ты его нашел!

– Встретишь меня сегодня в «Даллесе»?[54] Мне надо заглянуть домой, прежде чем ехать в Склеп.

– Что, прямо сейчас? Опять куда-то ехать? Я только что домой пришел! Меня в пятнадцати штатах оштрафовали за превышение скорости!

– Я прилетаю в девять, – ответил Ван. – Если не справишься до этого времени, прихвати Фанни с собой.

Хикок захлопнул мобильник с глухим пластмассовым треском.

Рейс Вана запоздал из-за погоды. Хикок ждал программиста и глядел мимо него, не замечая. Ван похлопал его по плечу.

– Оп-па! Ван! Где борода?

Ван пожал плечами. Хикок прищурился.

– А вот с хайром придется что-то делать, профессор. Ты сейчас похож на Маленького Датского Мальчика в увеличенном масштабе.

Оставлять «хаммер» под окнами вашингтонской квартиры Вана Хикоку было очень не по душе. «Хаммер», конечно, армейский суперджип, но Хикоку, гордому своей тачкой, как всякому порядочному южанину, ненавистна была даже мысль, что на машине краску поцарапают.

– Не могу поверить, что ты правда здесь живешь, – ворчал Хикок. – Вокруг одни шлюхи. И наркоши.

– Я же эксперт по безопасности, – ответил Ван, переступая через лужу блевотины на лестнице.

– И что, от этого мою машину никто не тронет? Ван вытащил связку ключей, но дверь распахнулась от первого прикосновения.

– Господи! – выпалил он.

В квартире горел свет. Ван огляделся. Ничего вроде бы не пропало. Впрочем, воровать в доме тоже было нечего.

Клавиатура была раскурочена.

– Они ещё здесь! – напряженно выдавил Хикок. Дверь в уборную распахнулась. Оттуда выступил незнакомый тип с пистолетом. Ван изумился. Чернеющее дуло на уровне груди казалось широким, как гаражная дверь.

Кем был незнакомец, Ван понятия не имел, а вот оружие опознал мигом: семизарядный «о'двайер» VLE австралийского производства, весь на электронике. Отличный пистолет. Классный. Просто красавец.

Как может он погибнуть от устройства, которое разбирал однажды собственными руками?

– О, Фред! – проговорил Хикок басом, лишь чуть-чуть дав петуха. – Давно не виделись!

– Руки вверх, – скомандовал Фред.

Хикок только рассмеялся.

– Я не при стволе. А ты при стволе, Фред?

– Я на задании, – отбрехнулся Фред.

– Ты хоть понимаешь, кого на прицел взял? Этот парень из Совета национальной безопасности! Доктор Дерек Вандевеер, познакомьтесь, это мистер Федерико Гонсалес. Мой старый армейский приятель.

Гонсалес нахмурился.

– Ну и какого чёрта надо было меня по имени называть?

– Мы же вроде на одной стороне фронта в «войне с терроризмом»? Фред, если ты переметнулся, предупреждать надо!

– Не-а, – ответил Фред, но пистолет не опустил. – Ну и ты, малыш, выходи уже, что там, – процедил он из-под усов.

Из уборной выбрался второй грабитель: рослый, сутулый и тощий, как хлыст, в очках с черной оправой и стриженный по-военному. Под горшок. Бурая щетина на темени и бледные обрывы висков. В руке он сжимал черный чемоданчик из противоударного пластика.

– А, так вы бакран! – понял программист при виде знакомого «железа».

– Нет, сэр, меня зовут Уильям С. Уимберли.

– Но это набор инструментов БКР! – настаивал Ван. – Я сам помогал его оценивать.

– Бюро компьютерных расследований ВВС, – пояснил Хикок. – Ребята из «бакра» всё время толкутся у профессора в кабинете.

– Мы не из БКР, – ответил Гонсалес. – Хотя я про них слышал.

– Мы – спецназ киберпространства, – объявил Уимберли.

– Он, может, и в киберпространстве, – торопливо поправил Гонсалес. – Это не значит, что я в какое-то грёбаное киберпространство соваться должен.

– Вы только что засунули клавиатурный «жучок» БКР в мой компьютер, – проговорил Ван, уставившись на Уимберли.

– Ну да – и что? – огрызнулся Уимберли. – Может, и засунул. Какое ваше дело? Вы и не заметили бы никогда.

– Да с кем, твою мать, вы разговариваете? Конечно, заметил бы!

– Никто и никогда не заглядывает в клавиатуру, – ухмыльнулся Уимберли. Он был очень молод. – Даже вы, профессор. Я знаю, с кем разговариваю, да? Если б я не сознался, вы бы давали показания на моем процессе!

Ван уставился на него. Физиономия Уимберли казалась ему

смутно знакомой, но лишь смутно.

– Под каким ником работали?

– BionicNinja двести четырнадцать.

Спиногрыз.

– И сколько вам было тогда – пятнадцать?

– Шестнадцать, – поправил Уимберли. – Секретная служба вломилась в дом к моим родителям. Мама этого не перенесла. Она до сих пор отпивается «прозаком». И всё из-за того, что я одолжил пару междугородних звонков у вашей жалкой конторы, которая только что продула сорок пять миллиардов долларов!

Ван тоскливо вздохнул.

– И ВВС закрыло глаза на судимость?

– Нынешняя американская армия предпочитает агрессивных, беспокойных юношей с высоким IQ, – сообщил ему Уимберли ровным тоном.

Взгляд его обещал убийство.

Усилием воли Ван подавил дрожь в коленках. Самое страшное, что «жучок» Уимберли остался бы незамечен. Само собой, Вану в голову не пришло бы разбирать клавиатуру, и крошечный шпион неслышно радировал бы о каждом нажатии клавиши на станцию слежения за несколько кварталов отсюда.

– Слушайте, я в СНБ работаю и кое-что знаю о вашей так называемой группе. ВКС США не могут своей властью просто так завести какой-то «спецназ киберпространства». Указания сверху не было.

Внезапно вмешался Гонсалес.

– Космические силы – единственный род войск, способный обеспечить информационную безопасность по требованиям военных стандартов, – продекламировал он. – Никакая другая организация не имеет столь разветвленных компьютерных сетей и проверенного временем технического опыта.

– С ума посходили? – поинтересовался Ван. – Задача ВКС – запускать спутники. Вирусы и ДОС-атаки – не их дело! Защита военных систем поручена совместной оперативной группе обороны компьютерных сетей при DOIS[55].

– Какой Дорис? – переспросил Уимберли. – Первый раз слышу.

– Да они этим занимаются с девяносто восьмого года!

Хикок отнесся к претензиям взломщиков ещё более скептически.

– Слушай, малыш, нет такого слова «киберпространство»!

– Если мы скажем – будет, – настаивал Уимберли.

– Но зачем вы вломились в мою квартиру? – спросил Ван в искреннем недоумении.

– Очень не хотелось бы вам об этом сообщать, профессор, но информационная война идет внутри чьих-нибудь компьютеров! А вы пытаетесь саботировать критически важный разведывательный проект стоимостью восемнадцать миллиардов! Не думали, что это могут заметить важные персоны? Мы знаем, что вы затеяли!

Ван тревожно глянул на Хикока. Тот лишь пожал плечами.

– «Важные персоны», он говорит?

– Вы же стэнфордский левак! – усугубил Уимберли. – Пацифист!

– «Левак»? – ошарашенно повторил Ван. – «Пацифист»? Да я давеча с Полом Волфовицем обедал!

– Ваша жена участвует в антивоенном движении, – добавил Уимберли. – Она координатор восточного отделения «Физиков за социальную ответственность»!

– Дотти *из Массачусетса!* – возмущенно воскликнул Ван. – Они там все такие!

Уимберли уставился на него.

– Через «Гугль» себя искать не пробовали? Да у вас это всё на лице написано! Одни лохмы чего стоят. И костюм!

– И это, видимо, дает вам право уотергейтить мою квартиру? – выпалил Ван.

– Ну да, – ответил Уимберли. – Обычно дает.

– Нас никто не замечает, – добавил Гонсалес, чуть опустив хромированный пистолет и глядя на часы. – Вам в это время положено уже выехать из штата. А нам положено давно отсюда смыться.

– Ага, – подтвердил Уимберли, поудобнее подхватывая чемоданчик. – – Нам уже вообще-то пора.

– Стоп, – оборвал его Ван. – Я, на минуточку, заместитель директора БКПКИ по техническим вопросам.

– И что? – парировал Уимберли. – Первый раз о них слышу.

– А то, что я для тебя собрал этот набор юного медвежатника, ты, недоразвитый панк! И чёрта с два ты вынесешь его отсюда после того, как только что вломился в мой дом и пытался подсадить в мой собственный компьютер мой же собственный «жучок»!

Уимберли отставил тяжелый пластмассовый чемодан и сложил на груди длинные жилистые руки.

– И что вы собираетесь предпринять, доктор Супершпион? Вызвать полицию?

– У меня в руках ствол, – с надеждой вмешался Гонсалес.

Хикок фыркнул. – Брось, Фред.

– Если тебе нужно оружие кибервойны, напыщенно промолвил Уимберли, поставив на чемодан ногу, – тебе придется

его у меня *отнять*.

В лицо Вану жарко ударила кровь.

– Думаешь, у меня не выйдет?

Уимберли презрительно расхохотался.

– Давай я тебе вправлю мозги! Я не какой-нибудь самозваный вояка вроде тебя. Я кадровый солдат, приятель. Я киберармия завтрашнего дня! А ты – вислозадый шпак-профессор из разорившейся телефонной компании. Кроме того, ты меня старше на десять лет. Так что если ты попытаешься отобрать мое оружие, я тебе толстую жопу вгоню в плечи!

– Ты с ума сошел, – сообщил ему Ван. – Ты чокнутый панк по кличке Бионический Ниндзя. Я тяжелее тебя на пятьдесят фунтов. Кроме того, это мой дом!

Уимберли обернулся к Гонсалесу:

– Хипарь бредит. Может, лучше пристрелить их обоих?

Гонсалес фыркнул. Он демонстративно выщелкнул обойму из пистолета и швырнул ее Хикоку. Тот, как всегда бдительный, ухватил магазин в полёте.

– Я настолько похож на идиота? – поинтересовался он, опускаясь в магниевое кресло Вана. – Одна пуля, две пули – этот парень и не почешется. Потому что, мальчики, этот парень прошел спецназ ВВС, как и я. Мы с Майклом Хикоком всегда были «первыми»!

Хикок расхохотался.

– Да ну, Фред, кончай. Мы в округе Колумбия. – Он присел на рваное нечистое покрывало. Громко брякнули лопнувшие пружины в матраце. – Мы в квартире!

Гонсалес оперся локтями о колени.

– Мне так кажется, что этим меньжеватым программистам пора свести счеты.

– Ты прав, – прохрипел Ван.

Он сам удивился, когда эти слова слетели с языка, но тут же понял, что не шутит. Ярость грохотала в груди, как шальное ядро. Он был вполне серьёзен.

Хикок откашлялся в кулак.

– Ван, присядь. Пусть уходят. Это всё какая-то ошибка.

– Твой приятель Фред может идти, если хочет, – ответил программист. – «О'двайер» ему не я собирал. А вот шпионский набор… Этот чемодан – мой.

Уимберли снял свои пижонские очки и положил на стол под лампой.

– Вот теперь понятно, что этому типу придется надрать задницу, – объявил он. Помял в ладони правый кулак и похрустел костяшками. – Это недолго. – Он оглянулся на Хикока с

Гонсалесом: – Просто не хочу, чтобы вы, двое змееглотов, начали по нему слезы лить или что-нибудь в этом роде.

– Майк, мы будем лить слезы? – спросил Гонсалес у Хикока.

– Фред, ты видел, чтобы я плакал? Мы прошли через Боснию, мать ее так, Герцеговину. – Физиономия Хикока озарилась предвкушением боя. – Мой ботан вытрет твоим ботаном пол.

– Чёрта с два, урод!

– Вытрет-вытрет. Потому что он умнее, приятель. Мой ботан в десять раз умней твоего ботана.

Гонсалес заржал.

– Да какая, к чёрту, разница, кто башковитее? Ван снял очки, отложил в сторону. Он попытался глянуть Уимберли в глаза, но без очков различил вдали только две размытые карие кляксы.

Уимберли размашисто, презрительно отвесил ему оплеуху. Это послужило озарением. В единый миг дзенского просветления поселившаяся внутри Вана черная ярость пробудилась к жизни.

Ван рванулся вперед. Он ударил Уимберли всем телом, и тот отлетел, сбив по пути магниевое кресло. Гонсалес отскочил, пригнувшись, и чудесное сиденье с дорогостоящим хрустом полетело вверх тормашками.

Внезапно у Вана перехватило дыхание. Что-то врезалось ему под ложечку. Башмак Уимберли. Мальчишка проворно вскочил на ноги. Короткие жгучие удары. Один – в глаз. Один – по лбу.

Ван вцепился кривыми пальцами в воротник противника и швырнул его головой вперед в единственную лампу на столе. Лампа полетела в сторону. В комнате стало темно.

Стиснув кулаки, Ван ударил в пустоту. Внезапно враг обрушился ему на спину, повис всей тяжестью. Ван шарахнулся назад, прижав врага к стене. Уимберли засипел. Ван отодрал его руку от своего горла. Заскрипели по стене подметки, сильным пинком Уимберли отшвырнул от стены их обоих. Ван пошатнулся, теряя равновесие, пытаясь нашарить опору руками. Рухнул. Ударился – внезапно, сокрушительно, ошеломляюще – об острый угол компьютерного стола. Почувствовал, как проминается скула. Рот вмиг наполнился кровью.

Со зверским ревом он выпрямился. Уимберли споткнулся обо что-то в темноте, размахивая руками. Ван сбил его с ног, вцепился в тощую глотку и треснул головой об пол. Здание содрогнулось. Уимберли отчаянно, по-кошачьи взвыл.

Ван врезал врагу коленом под дых и ударил кулаком в лицо.

Уимберли обмяк.

Что-то тихонько капало.

Вспыхнула лампа.

Физиономия потерявшего сознание Уимберли была заляпана

кровью.

– Вставай, Ван! Господи, он отрубился.

– У него кровь, – пробормотал Ван. Изо рта у него выпал осколок зуба.

– Нет, приятель, это у тебя кровь. Ты его кровищей залил. Господи, что с твоим лицом?

Ван поднял руку. Нащупать собственные губы ему не удалось. И щеку. Ничего не было. Только жуткая клякса фарша с кровью.

В приёмном отделении стоял пандемониум. Человеку, которому всего лишь снесло половину лица, приходилось брать номерок и ждать очереди.

Ван прижимал к остаткам физиономии ледяное полотенце. Он не мог дотронуться до пострадавших частей без умопомрачительной боли и ощущения глубинного, космического, чудовищного ужаса. Ему не просто выбили пару зубов. Кости черепа были переломаны, частью раскрошены. Зияющая рана не переставала кровить. Сестры в приемной вызвали челюстно-лицевого хирурга.

Рядом с Ваном сидела девица с похмельными, выпученными глазами и грязными светлыми дредами, залитыми запекшейся кровью. Плечики ее белой блузки тоже были залиты кровью. Изодранную юбку усыпали красные брызги.

– Эй, приятель, у тебя какая группа? – спросила она.

Ван застонал, пытаясь сплюнуть кровь.

Девица открыла обвешанную левацкими значками плетеную сумку, порылась в ней и достала маленькую цифровую видеокамеру.

– Ты был с нами у Всемирного банка, да? Конная полиция догнала?

Ван промолчал.

– Тогда я и огребла – от конных. Очень надеюсь, что кто-нибудь вывесит это всё на «Индимедиа». Тебя никто не снимал? В смысле когда фараоны тебя метелили?

Ван слабо качнул головой. Окровавленная девчонка окинула взглядом окружающий хаос. Приемное отделение походило на бомжатник.

– Интересно, куда отвезли остальных? Не может быть, чтобы мы одни оказались ранены.

Через пролом в черепе Вана хлынула глухая чернота. Он сморгнул от боли.

– Глаза у тебя красивые, – сообщила девица. – Слезогонки не нюхал.

Ван кивнул, не отнимая от лица напитанного кровью

полотенца.

– Придется швы накладывать, – сообщила окровавленная девица. – И волосы брить. Но я больше не боюсь, приятель. Я перестала бояться этих поджигателей войны! Потому что власть принадлежит улице. Я ее чувствую! – Она тепло пожала Вану свободную руку. – Улицы наши, брат! Улицы – наши. Они могут проломить башку мне, могут проломить башку тебе, но всем головы не пробьешь. Очень скоро Америка очнется от кошмара. Продажные журналисты лгут, парень. Они все лгут!

Ван нечаянно дернул полотенце. Вместе с тканью отдиралась какая-то жуткая корка. Ледяное онемение взорвалось языками жгучей, страшной боли.

– Знаешь, почему я так счастлива? – спросила раненая. – Потому что сегодня не было реактивных следов в небе! Я проверяла. Я глядела и глядела в небо – оно чистое! Никаких больше химикатов! Ясно, что у них кончаются запасы этой дряни, что бы это ни было. Той отравы, что держит народ в оцепенении!

В глазах у Вана потемнело. Всё вокруг двоилось. До сих пор с ним не случалось ничего подобного. Теперь он понял, почему это выражение стало расхожим.

– После одиннадцатого сентября целых три дня не было реактивных следов, – пронзительно настаивала девица. – *Ни одного* над всей Америкой! И о *чём* это говорит? Ты только *подумай,* что это может значить!

В поле зрения Вана показалось лицо медсестры.

– Вы доктор Вандевеер? А? – Она затянула у него на плече манжету манометра. – Сейчас мы вас примем. Для вас нашлась операционная.

ГЛАВА 11

Вашингтон, округ Колумбия, февраль 2002 года

Ван лежал на больничной койке и сражался с электронной почтой. Разбитая его физиономия горела. Кожа растягивалась, точно резина. Как надутая шина, как воздушный шар над «Мейси»[56]. Обломки левого клыка и первого премоляра придерживала тонкая полоска хирургической стали. Ван не мог удержаться, чтобы не пощупать ее кончиком языка. Словно балку в череп вставили.

Дотти написала ему такое мужественное письмо. Она жаловалась, что ей так одиноко и тоскливо. Обещала, что будет вести себя лучше. Писала, что гордится мужем.

Ван перечитывал ее электронное послание снова и снова, пока транквилизатор циркулировал по его жилам. Впервые в жизни он буквально слышал голос Дотти за размытыми пикселями на экране. Он вновь перемотал письмо к началу. Его окутывал несказанный покой. В обыденной жизни Дотти не стала бы повторять одни и те же слова утешения раз за разом, медленно и невнятно, стократ. А больному это так нужно.

Правда, он ещё ни слова не написал Дотти о том, что ему начистили физиономию. И что он ей теперь скажет? Что, если кто-нибудь ей наболтает первым?

Он только что пережил безумное, жестокое, на удивление мучительное испытание ради какой-то дурацкой идеи… такой бестолковой, такой невозможно идиотской… Ван обратил лицо к пластмассовому чемодану с набором шпионских инструментов.

Разорённая квартира – не самое безопасное место для хранения совершенно секретных инструментов информационной войны. Поэтому, невзирая на протесты изумленных врачей и медсестер, «железо» осталось с Ваном. К стальной раме больничной койки чемодан приковали противоугонной цепью. Попробуйте уведите.

Ради того чтобы наложить лапу на чемодан, Ван вышиб дух из соотечественника-американца. Программист с трудом примостил замотанную бинтами голову на крошечной стерильной подушке. Ему расквасили физиономию в войне за политику информационной безопасности. Почему бы тогда уже в настоящую войну не ввязаться, господи помилуй? Если бы его изувечили в сражении с боевиками «Аль-Каеды», было бы не так обидно.

Ван потрогал языком гладкую петлю загнанной в череп

стальной проволоки. Ему никогда не придется воевать с «Аль-Каедой» он знал это твердо. Информационная безопасность – это вопрос политики. Информационная война ведется тихими образованными людьми из-за конторских столов. Бен Ладен не шляется но сети. «Аль-Каеда» – сборище фанатиков из стран третьего мира на старых велосипедах, знающих лишь то, что рассказали им муллы и соседи. Боевиков «Аль-Каеды» вербовали в медресе и рассылали по афганским деревням и пакистанским трущобам. Это были ожесточенные, обезумевшие жертвы культурного шока. Существование их до такой степени пропитано было неистовой яростью и раненой гордыней, что самоубийство становилось для них облегчением. Стать мучеником было настолько лучше, нежели оставаться боевиком, что они хватались за каждый шанс взорвать себя в толпе людей, намного более счастливых. «Мы жаждем смерти больше, чем вы жаждете жизни» – таков был их лозунг.

Террористы не воюют. Смысл существования терроризма в том, чтобы пнуть правительство настолько сильно, по местам настолько нежным и уязвимым, чтобы правительство обезумело от страха и ярости. И вот тогда цивилизация заскрежещет заклинившими шестернями. И сломается. Вернется к племенам и проповедям, в блаженную тьму мира, где не задают вопросов.

Ван глянул на прикованный к кровати чемодан. Вот что серьёзно. Кибервойна должна была разрешить главный вопрос – на что Америка употребит полученные инструменты. И Ван понимал, насколько это важно, потому что для этого ему надо было всего лишь представить, что он проиграл бой. Предположим, что Уимберли вломится сейчас в палату и попытается забрать чемодан. Что, Ван станет валяться с увечной улыбкой в койке и отдаст? Нет. Никогда. Он выдернет катетер из вены, вскочит и снова затеет драку.

В конце концов, он победил. Может быть, никто не узнает, как, зачем и какая тому была причина – ну и что? Мир полон унизительных, потаенных сражений. А Ван победил на глазах у свидетелей, привычных к тайным битвам. Эрзац-побед не бывает. Пускай он лежит избитый и одуревший в больнице, зато где-то обнаглевшего агента волокут в логово, потому что из него вышиб дух профессор компьютерных наук. Сообщение понято. Поехали.

Ван потер рукой засыпанные песком глаза, и, накренившись, соскользнул в невнятную дрему.

Когда он проснулся, анестезия перестала действовать. Надтреснутый череп полыхал, точно пожар в угольном разрезе. Клочья плоти, когда-то резиноватые и холодные, весело горели.

Молодого хирурга с ночной смены, который собрал по

кусочкам лицо Вана, звали доктор Мукерджи. У него были сияющие глаза, тонкие руки и улыбка, полная искренней врачебной доброжелательности.

Отложив блокнот на прозрачном пюпитре, Мукерджи ощупал рукой в белой перчатке челюсти и десны больного.

– Признаков заражения нет, – сообщил он, внимательно вглядываясь в мучительно ноющую кашу. – У такого здорового мужчины лицевые кости срастутся быстро. – Он убрал облитые резиной пальцы у Вана изо рта и потрепал страдальца по левому, нетронутому плечу. – Военный, да? Несчастный случай на тренировке?

Ван хмыкнул. Отекшие десны полыхали болью. Доктор Мукерджи понимающе кивнул.

– Демерол. – Он сделал пометку в блокноте хромово блестящей шариковой ручкой. – Давление у вас слишком высокое для такого молодого человека. Порыбачьте. Возьмите отпуск. Расслабьтесь.

Ван повел плечами, намекая, что хотел бы ими пожать. Спина и живот болели от пинков и ударов. Но расползавшиеся по телу синяки в сравнении с переломом черепа не смотрелись.

– Сегодня мы вас выпишем. Переломы чистые, канальцы не пострадали. Костный цемент заместится новой костью. Скрепы вынуть через месяц. Это амбулаторная процедура.

Ван осознал, что новость ему сообщают изумительную. Перелом костей черепа – а его на следующий день выписывают из больницы. Благодарить ли за это медицину?

– Надо будет сделать томографию, – предупредил доктор Мукерджи. – Что случилось с корнями зубов, не могу сказать. Я челюстно-лицевой хирург, а не ортодонт.

– М-м-мф!

– К ортодонту вам обязательно надо обратиться, мистер Вандевеер. К старости вам, возможно, часто придется обращаться к ортодонту. – Доктор Мукерджи осторожно перевернул листок в блокноте. – Не будь вы американцем… или живи тридцать лет тому назад, что то же самое… вчера вечером вы бы остались калекой на всю жизнь. Да, изувечены. Очень неудачно. Но не в наши дни. Нет. Сейчас мы можем полностью восстановить вашу прежнюю внешность. Наши дантисты просто творят чудеса. Хотя губа… да, губа меня тревожит.

Швы на рассаженной верхней губе казались Вану частью чужого тела. Они принадлежали некоему далекому, неведомому, легендарному созданию. Возможно, мишленовскому человечку.

– Будете шепелявить, – предупредил доктор. – Некоторое время. Возможно, долгое время.

Ван молча кивнул.

– И шрамы останутся. Пластическая хирургия показана. Или можете отрастить бороду. Борода вам пойдет, полагаю.

Фанни принесла ему цветы.

– Никто не знает, что с тобой случилось, – заверила она его. – Ну то есть Майк Хикок знает. И я знаю. И те двое громил из твоей квартиры – вот же они, должно быть, удивились, когда ты ему рыло начистил! – Глаза Фанни сияли искренней секретарской гордостью. – Это было потрясающе. Вау! А я всем сказала, что ты упал с лестницы. Сойдет?

Ван пробежался по клавиатуре и показал Фанни экран лэптопа: «ДОЛЖНО ХВАТИТЬ».

– Выглядишь лучше, чем я ожидала. Но больно было, должно быть, ужасно!

Ван развел руками. Боль от исцеления отличалась от ошеломляющей, пришпорившей сердце боли от ран. Боль отнимала разум и заменяла его чувством. И приводила в дикое, снедающее нетерпение.

– Я тебе принесла отличную книгу. Знаю, в больнице так скучно бывает.

Фанни сунула Вану томик в бумажной обложке. Ван взял книгу. Левую руку кольнула всаженная в вену игла. Книга оказалась чешским изданием переводов на английский пьес и эссе Вацлава Гавела. Судя по обтрепанным уголкам и потрескавшемуся корешку, она долго болталась на дне студенческого рюкзака.

При виде этой до нелепости зачитанной и затертой книженции Ван отчего-то преисполнился благодарности и теплоты. Книге пришлось тяжелей, чем его лицу.

Фанни заморгала из-под очков.

– Я долго по больницам болталась, когда мне было, типа, шестнадцать-семнадцать. Ну то есть очень долго. Отец просто с ума сходил. Даже мама волновалась, а она, типа, привыкла к нашим болезням.

Ван отложил книгу на столик-каталку, к миске тума.

– Когда я поправилась, заставила родителей отправить меня в Прагу. Потому что услышала где-то, что Прага – это лучшее место, чтобы прятаться от сумасшедших родителей. Ну, в Праге и правда клёво, но я никогда клёвой девочкой не была. Вот подругу я себе там нашла правда клёвую. Ее зовут Ева. Она чешка. Она знала папу и хорошо ко мне относилась.

Ван побарабанил по клавишам.

– В Штатах этой книги не достать. Чешские книги все

малотиражные. Страна очень маленькая.

«ОНА О ЧЁМ?»

Фанни пропустила вопрос мимо ушей.

– Понимаешь, здесь, в США, все говорят о Вацлаве Гавеле так, словно он, типа, святой. Ну так и есть. Было. Но Ева, моя подруга, – она, типа, его родственница. Ей пришлось терпеть святого на посту президента.

Ван поднял брови – точней, попытался. Правая послушалась. Левая до сих пор не отошла от лидокаина.

– Ева мне говорила – да, Вацлав Гавел точно святой, но святые не могут руководить правительством. Ну то есть началось с того, что страна развалилась напополам. Гавел отвратительный администратор. Он всё время болел. Его первая жена, первая леди, которую все любили, – она умерла от рака. Он женился во второй раз на какой-то, типа, хипующей актриске, которую никто терпеть не мог.

Ван молча уставился на нее. Ну зачем Фанни его мучает? К чему, во имя всего святого, клонит эта женщина?

– Мы с тобой раньше никогда так замечательно не болтали! – заметила Фанни. Она вытащила из сумки пару хирургических перчаток, а за ними салфетку. – Вот теперь мне кажется, что мы и правда нашли общий язык!

С некоторым усилием Ван смог пошевелить языком. Сколько он мог понять, впрямую язык не пострадал, но всё равно почему-то болел ужасно.

– Спасибо, – прошепелявил он. – Хорошо, что заглянула, Фанни.

Секретарша коротко прослезилась.

– Босс, ты только ни о чём не волнуйся. Я обо всём позабочусь.

– Мм-мм!

– Непременно верну деньги, которые ты потратил на «Грендель». Джеб сказал, что это задача номер один. Вау! А ты такого наворотил с заявками, что это настоящая проблема – вытрясти деньги обратно.

Ван фыркнул. Пазухам его тоже пришлось несладко.

– Джеб от тебя в восторге. Я что хочу сказать – для полицейского он правда отлично разбирается в компьютерах. Ему всё равно, что компьютерщики все такие безнадежные идеалисты. Джеб знает, что ты лучший.

«Я – лучший», – подумал Ван. Стоит ли мучений повторить это вслух? Нет. Никакого смысла.

– Работая с тобой, я так многому научилась, – с благодарностью заявила Фанни. – Типа, так клёво было, что ты

никому ничего не говорил про мою дурацкую интрижку на работе. Мне следовало перерасти эту дурь самой. Я всегда слышала, что крутить романы с сотрудниками непрофессионально, но знаешь, пока сама не попробовала, да ещё с таким придурком, как Майк Хикок, не понимала почему.

Сердце Вана заколотилось.

– В общем, теперь я в курсе. Так что с этим покончено и подшито в папку. – Фанни не шутила. – Ван, мне только что предложили работу одновременно в DARPA и внутренней безопасности. Я могу получить место на самом высоком уровне в настоящем федеральном бюро. Они знают, что я работала с тобой и Джебом, и тянут к себе. Ты бы на моем месте, конечно, выбрал DARPA? DARPA – оборонные научно-исследовательские работы, всё такое.

Ван кивнул.

– Вот поэтому я выбираю внутреннюю безопасность. Для одинокой женщины это самая подходящая работа. Женщины лучше разбираются в безопасности. С научной работой у меня напряг, а в правоохранительной работе главное – это внимание к мелочам. Это мое сильное место.

Ван закрыл глаза. Открыл. К несчастью, Фанни никуда не делась.

– Я хочу сказать, типа, когда мы начали постукивать на «Энрон», – это всё только женщины из центрального офиса были. Мы, женщины, единственные в «Энроне» *обращали внимание на мелочи.*

Ван уставился на нее.

– Боже, эти ковбои из Хьюстона точно думали, что они самые крутые. Быстрый Энди Фастоу, Кен Лэй… Они всё делили фирму на маленькие такие команды, знаешь, вдесятеро меньше обычной бухгалтерии… Моментальная реакция – и все эти секретные, невидимые офшорные проекты, о которых не говорят вслух… Я так счастлива, что Джеб в конце концов нашел мне федеральную работу. Я хочу сказать, жизнь после «Энрона»… Я даже не рассказываю больше никому, что работала на «Энрон» когда-то. Самое странное – ведь работа-то была роскошная. В смысле «Энрон» подбирал лучших специалистов. Лучших из лучших. Я попала в «Энрон» прямо из колледжа.

Ван втянул холодный воздух сквозь дырку от выбитого зуба.

– Но благодаря тебе я могу начать с чистого лица. В федеральной службе безопасности. Могу подняться, насколько позволяет талант! Здесь нет стеклянного потолка! Джанет Рино вообще стала генеральным прокурором!

Ван машинально поправил букет в вазе, её подарок.

– Я тебе ещё одну вещь хочу сказать, Ван, – тебе так идет без бороды! Ты так приличней выглядишь. Ну, то есть та половина лица, которая не отекла. И прическа ничего. Похоже, типа, на Сонни Боно[57], прежде чем он стал конгрессменом.

Фанни миленько улыбнулась ему и украдкой глянула на часы.

Ван показал ей дисплей лэптопа:

«А ЧТО С КНИГОЙ ГАВЕЛА?»

– Оставь её себе.

Ван забарабанил быстрее.

«В СМЫСЛЕ, ЗАЧЕМ ОНА МНЕ, ФАННИ?»

– Ты почитай и попробуй понять сам,… ответила она.

«Эрлетт-хаус», штат Виргиния, март 2002 года

«Эрлетт-хаус» был виргинской усадьбой восемнадцатого века. Когда-то он мог посоперничать с Маунт-Верноном и Монтичелло[58]. Теперь стал загородным пристанищем вашингтонской политической элиты.

В легендарные времена большинство сенаторов и конгрессменов были крупными землевладельцами, и вполне уютно они чувствовали себя только в простодушном и теплом гостеприимстве на богатой ферме. В «Эрлетт-хаус» эту благородную иллюзию поддерживали до сих пор. Сено с полей до сих пор сгребали конные упряжки, хотя «Эрлетт-хаус» обзавелся вертолётной площадкой, своим аэродромом и компьютерным центром. Вокруг простирались современные виргинские пригороды, торговые центры и стеклянные офисные коробки. Но «Эрлетт-хаус» оставался настоящим поместьем – своего рода. Со скотиной, розами и лебедями.

Вану, Дотти и Теду выделили апартаменты в «Озёрном домике». «Домик» – на самом деле небольшой особняк – мог похвастаться каминами, антикварными стульями в федеральном стиле, картинами в стиле американского примитива и кроватью под изумительным балдахином ручной работы. «Озёрный домик» переполняло старомодное достоинство власть имущих Восточного побережья. Каждая вещица покоилась на своем месте с ненарушаемым самообладанием, отточенным вкусом, властью и богатым наследством. Не считая, конечно, лэптопов Вана и Дотти, уместных здесь, как марсианские треножники из «Войны миров».

Бледно-зелёная Дотти рухнула на кровать. Белая пуховая перина промялась под ней, точно жареная лакрица. Дотти ужасно страдала от воздушной болезни. Долгий перелёт до «Эрлетт-хаус» на тряском самолёте Тони здорово нарушил ее пищеварение.

Швейцарским киберножом Ван отковырнул пробку с

холодной фигуристой бутылки.

– Милая, драмамину хочешь?

– Я пытаюсь удержать в себе предыдущий, – сдавленно отозвалась Дотти.

Ван поставил бутылочку «Перье» на прикроватный столик – древний, колченогий и поцарапанный. Очень старый. Какой-то так и не вошедший в моду плод фантазии американских мебельщиков восемнадцатого столетия. Похоже было, что его выстругал сам Бен Франклин в минуты душевного расстройства.

Ван устроился в кресле красного дерева рядом с космических очертаний детским креслицем Теда. Доттин приступ слабости вызывал в нем исключительную нежность и мужское стремление защитить.

Жена была так рада его видеть, что едва не скатилась с трапа ему в объятия. Хотя часть правды Дотти уже знала, она ни слова не сказала мужу про коронки на зубах, свежеотращенную бороду и шепелявость. Хотя вообще-то про шепелявость сказала. Она решила, что с ней Ван разговаривает, точно Хэмфри Богарт.

Ван высвободил Теда из пластикового креслица и усадил к себе на колено. Тед был в восторге. Авиаперелёты его не смущали. Он был в полном порядке, словно его перевозили из далекого Колорадо в пенопластовой формочке.

Малыш задумчиво оглядел страдающую мать, как бы отмечая её слабость для будущего использования.

– Ты иди, Дерек, – глухо пробормотала Дотти в подушку. – Я уверена, вам с боссом есть о чём поговорить.

Ван поглубже внедрился в кресло.

– Ну и плевать, – ответил он.

Дотти беспокойно вскинулась:

– Что?

– Я говорю, мне плевать, милая. Это лебединая песня нашей конторы, и я вложил в неё все свои силы. Я не желаю сидеть в рабочих группах. Мне плевать на лоббистов и представителей. Я не собираюсь чмокаться… – Ван поморщился. Он ненавидел это слово, а с рассаженной губой оно звучало ещё омерзительней. -… Чмокаться с ведущими. Я никогда не любил выступать на публике. И не стану. Всё. Они свое получили. Довольно. Теперь это «политическая проблема». Мы попросту устроили большое предвыборное шоу. Ненавижу.

– Ох, милый…

– Эта дурацкая история с самолётом Тони. Я попал в больницу, и у нас не хватило времени всё сделать нормально. Аппаратура не проверена, не обкатана. В реальных условиях прототип себя покажет не лучше, чем эти противоракетные щиты

из программы «Звездных войн». Это всё очковтирательство! Обман!

– Милый, если ты над этим работал, это уже точно не обман.

– Ну, символический вклад. Лучшее, что можно сказать об этой затее. Я учёный! Я учёный, а занимаюсь политикой. – Ван потер зарастающие длинной щетиной щеки. – Ладно, может, заниматься приходится. Выбора нет. Но это не значит, что я должен впутывать в это дело тебя. Тебя – никогда. Покуда мы здесь, я хочу о тебе заботиться. Я хочу именно этого, понимаешь? И о тебе тоже, Тед. Я хочу, чтобы мы побыли втроём: ты, и я, и Тед.

Дотти вжалась в подушку.

– Место вроде бы очень славное… Но мне так плохо!

– Выпей минералки.

Дотти послушно приложилась к бутылочке и тут же подавила рвоту.

– Господи, ужас какой.

– Всё пройдёт, – знающе заметил Ван. – Отдохни лучше. Мы с Тедом сходим ненадолго в главный корпус. Принесем тебе… ну, лимона ломтик, тарелку фруктов.

Дотти зарылась лицом в подушку.

Ван подхватил сына на руки и вышел. Они пробежали через поле, мимо увитой плющом беседки, вокруг живой изгороди и вверх по склону к многоколонному портику исторической усадьбы. Теплый мартовский день пахнул апрелем. Погода стояла чудесная. Ван повесил на шею залитую в пластик именную карточку и поднялся по лестнице – мимо белых колонн, через резные двери, по винтовой лестнице, – чтобы попасть в конференц-зал.

Официально совещание называлось «Совместный стратегический саммит по неотложным практическим вопросам инфо-безопасности». Вот так, с дефисом. Поразительно, сколько споров из-за злосчастного дефиса разгорелось в БКПКИ.

Тед оказался единственным ребенком, получившим пропуск на совместный стратегический саммит. Он немедля превратился в звезду представления. Ван очень удивился. Он-то планировал держаться в глубокой тени. Главную роль в спектакле всё равно предстояло играть Джебу. Но сияющий, радостный Тед сокрушил мудрецов и властителей. Почтенные мужи и седеющие дамы с американскими флажками в петлицах тянули к нему руки, словно Ван собрал и презентовал им электронного младенца-робота.

Ван уже привык к подхалимажу бизнесменов и чиновников. Он понимал, что к нему лично это не имеет отношения. Твердые рукопожатия, приглашения, льстивые письма получала его

должность. Он был заместителем директора Бюро координации прохождения критической информации по технической части. В течение нескольких месяцев, по большей части пока он торчал в бетонном бункере в Западной Виргинии, Ван имел возможность оценить самые дурацкие их идеи и, спаси господи, зарубить поскорее хотя бы некоторые.

Ван предложил Теду сочный ломтик дыни с огромного хрустального блюда с фруктами. Малыш впился в дыню новоприобретенными маленькими, но эффективными резцами.

Вот знакомое лицо Пико Янг. В Стэнфорде они с Ваном работали вместе. Человек с невозможным именем был одним из тех десяти программистов на планете, кто разбирался в операционной системе «Гренделя». У него была жена-ирландка и четверо китайско-ирландских детишек. Одинокий Тед его не впечатлил. У него своих таких хватало.

– Рассказывай про демонстрационный полёт. Перехват управления самолётом – это звучит как чудо.

Ван разом обернулся к нему.

– Бортовая ОС – дерьмо. Проблемы с задержками – нетривиальные. Сбои развертки нас чуть не убили. Работает только в пределах прямой видимости. Хреновина, которую мы слепили, не тянет даже на альфа-версию.

Пико просиял.

– Ван, это же замечательно! А то я начал думать, что отстал от жизни на сорок лет.

– Можно и рабочую версию создать. Если у тебя есть запасная спутниковая группировка и лишних шестьдесят миллиардов.

– Бюджет штата Калифорния, – промолвил Пико. – Старая школа получила в затылок пулю. По Силиконовой долине как нейтронной бомбой вмазали. Самый страшный кризис со времен Второй мировой. Ты вовремя смылся из Калифорнии, Ван. Вернёшься сейчас – не узнаешь.

– Скверно.

– И так во всех штатах. Не только у нас.

– Совсем скверно.

– Да ещё война. Я ушам своим не верил, когда ты ушел в оборонку, но, Ван, ты просто обогнал время. Молодец, приятель. Это было хитро придумано. И с «Гренделем» ты отлично сработал. Потоки? Вау! Вот то, как ты справился с потоковой передачей, меня с ног свалило. – Пико опрокинул в себя узкий бокал белого вина. – Славный малыш.

Ван ничем не мог помочь Пико. Раньше – может быть, но не теперь. Вана вышвырнули из Склепа, потому что БКПКИ доживало последние дни. Выбраться из бомбоубежища было всё равно что

выйти из тюрьмы, но для постоянных обитателей Склепа это был безошибочно распознаваемый сигнал. Пошел вон, олух. Дяде Сэму ты больше не нужен. Свободен.

В другом конце зала Тони Кэрью улыбался, чаровал, жадно пожимал руки, болтал в кругу завороженных федеральных чиновников. На саммит его протащил Ван, но в «Эрлетт-хаус» Тони себя чувствовал как дома. По виду его можно было подумать, что он посещает совместные стратегические саммиты по неотложным практическим вопросам инфо-безопасности каждый вторник.

Ван повернулся спиной к Тони и его новым приятелям. К нему никто так липнуть не станет. Он сделал вид, будто изучает огромную белую доску, на которой вывешено было расписание рабочих групп саммита. «Департамент внутренней безопасности: история создания». «Ключевые моменты упреждающей защиты программного обеспечения». «Избыточно-устойчивая кризисная инфраструктура: сотрудничество в области поддержания национальной инфраструктуры». «Распределение анализа уязвимостей в конкурентной среде: хрупкое равновесие». Ни один из семинаров Ван не собирался посещать, хотя лично знаком был с большинством докладчиков. Ключевой доклад саммита в исполнении министра транспорта он уже пропустил.

Не то чтобы темы были неинтересные или люди скучные. На самом деле семинары были куда любопытнее, чем звучали темы докладов. Истина заключалась в том, что Ван не услышал бы на них ничего такого, о чём уже не знал.

Только теперь, много месяцев потратив на неустанные труды в окопах кибервойны, Ван понял, с чем на самом деле сражался всё это время.

Он осознал все сокрушительные проблемы, которые не позволяли приличным, благонамеренным программистам добиться какого-то бы то ни было прогресса в сфере национальной информационной безопасности.

Проблема номер раз: нет такой штуки, как «национальный» компьютер. Не бывает. Это катахреза, как чёрное солнце или квадратный треугольник. Можно наклеить флаг на системный блок. Можно запереть компьютер на военной базе. Можно заплатить за него казенными деньгами. Но «американские» компьютерные науки всё равно что «американская» математика или «американская» физика. На них флажка не налепишь.

Национальные службы были последними, кому можно было поручить безопасность информации, потому что страна – любая страна была слишком мала. На любой карте коммуникаций видны были опоясавшие планету титанические оптоволоконные

магистрали: «Тайком трансатлантик», «Эмергия», «Америка-2», «Африка один», «Южный крест», «ФЛАГ Европа – Азия». Кабели, проложенные с величайшими усилиями и затратами по океанскому дну именно затем, чтобы дотянуться до исключительно неамериканских далёких краев. Таких мест, как Сантьяго, Кейптаун, Мумбаи, Перт, Шанхай и Кувейт. Мест, где полно чужестранных компьютеров и их вовсе не американских владельцев.

Смысл всей затеи в том и заключался, чтобы стать менее американизированными. Вот почему Всемирная сеть называлась Интернетом, а не США-нетом. Возможно было создать компьютерную сеть в национальных границах, которой могла бы пользоваться только одна страна. Пыталась Франция: Минитель. Пыталась Великобритания: Престель. Национальные сети умирали страшной смертью. С тем же успехом можно было создать компьютерную сеть, которая обслуживала бы один Милуоки.

И хуже того. Даже на американской территории невозможно было раскрасить все компьютеры в цвета национального флага. Восемьдесят пять процентов всего «железа» в стране принадлежало частным предприятиям. *Многонациональным* частным предприятиям.

Разорившимся многонациональным частным предприятиям.

Компьютерная и телекоммуникационная отрасли были поставлены на колени. Они потеряли невероятные, фантасмагорические, колоссальные суммы. Они потеряли горы золота и алмазные жилы.

Они пытались построить коммерческий Интернет и получить с него прибыль. Коммерческого в Интернете было не больше, чем национального. Вот поэтому он назывался Интернет, а не «Интернет инкорпорейгед» ©™.

Интернет принадлежал миру девяностых, миру Цифровой революции. Но с новым тысячелетием Цифровая революция устарела. Мир перешел к Цифровому кошмару. Нервную систему мирового управления, образования, науки, культуры и е-бизнеса разбил паралич. На последних шагах перед финишем ее внезапно охватила расслабляющая паника. На последних шагах между населением планеты и огромными, толстыми, мощными, глобальными, пустыми, устрашающими оптоволоконными магистралями.

Сеть не просто рухнула. Она оказалась заброшена, оставлена в страхе. Потому что и киностудии, и телефонные компании, и фирмы звукозаписи осознали вдруг, что их «интеллектуальная собственность» и на пикосекунду не останется в собственности,

когда люди по всему миру смогут одним щелчком мыши копировать и переправлять друг другу их продукцию. Все фильмы. Все песни. Все звонки домой, маме. Так и случилось. Цифровая революция породила поколение воришек. «Напстером» пользовалось больше народу, чем голосовало за президента Соединенных Штатов. И никто не платил за музыку.

Люди перестали платить. Люди были свободны. В этом мире не существовало бы музыкальной индустрии. И киноиндустрии не было бы. Не было б международных звонков. Не было бы границ между народами. Не было бы бизнеса. Ничего, кроме *неё* – Сети. И ужаса невыносимой свободы.

Так что Информационная супермагистраль застыла. Замерла, как недостроенный мост, хотя леса и прожектора оставались на своих местах. Титанические вложения. Потемневшие световоды. Режим ожидания. Всё тихо гниет в жирной земле.

Бизнес не мог избежать беды, которую навлек на себя жадностью, мира бесплатного и открытого доступа. Он не мог выделить достаточно средств и усилий, чтобы преобразовать Интернет в надёжное, удобное, выгодное предприятие. На самом деле такая штука, как компьютерный «бизнес», тоже не существует. Гонка в киберпространетве была деловым предприятием не более, чем давно мертвая космическая гонка. Деньги она порою кое-где приносила, но не в деньгах заключалась цель. То было потрясающее, мучительное усилие в погоне за великим. Люди тянулись к Луне, коснулись её на один славный миг – и вернулись к неоплаченным счетам и ржавеющим антеннам.

Оставались ещё фирмы по производству программного обеспечения. Был «Майкрософт» – настоящая монополия. Но ненависть отнимала безопасность у «Майкрософта». Их повсюду ненавидели, презирали, нападали безжалостно – саботировали, мучили, унижали. «Майкрософт» был трогательно уязвимой монополией, потому что самый последний хакер на свете, едва знакомый с компьютером, уже знал, как взламывать продукты компании-гиганта.

Операционные системы «Майкрософта» создавались не для того, чтобы противостоять целенаправленной ненависти всех озлобленных хакеров. Никакая система не выдержала бы столь сосредоточенного интеллектуального штурма. Всё равно что оборонять Сайгон, когда весь мир захвачен Вьетконгом. В коде Большого Билла зияли не десятки – тысячи дыр. Заплатки сплошь и рядом конфликтовали с программным кодом. В заплатках зияли собственные уязвимости. Некоторые дыры в майкрософтовских продуктах исправлению вообще не подлежали.

Билл заработал больше, чем любой другой человек на Земле, но и ему не хватало денег, чтобы купить спасение. Если не считать известной операционной системы – монополии и пакета «Майкрософт офис» – ещё одной монополии, – все прочие затеи Большого Билла оканчивались грандиозным финансовым крахом.

Несколько миленьких компьютерных игр от «Майкрософта» принесли фирме чуть-чуть денег. И всё.

Главным конкурентом «Майкрософта» была не другая компания. То было страшное новшество открытый программный код. И оно пугало «Майкрософт» до такой степени, что они считали его чумой.

Открытый код готовился пожрать империю Билла и заменить ее суетливым, безначальным муравейником мирового хакерства. Открытый код был не более организацией, чем деловым предприятием. Не с кем было вести переговоры. Не с кем было заключать сделки. Некого было принуждать. Некого бомбить.

Их можно было подкупать. Но всех не подкупишь. Можно было судиться и даже арестовать кого-нибудь, но это выглядело нелепо, и вообще они все живут по разным финляндиям.

Все заявляли, что мечтают об информационной безопасности. Всех пугали последствия беззакония – уже страшные, а будет ещё хуже. Вирусы. Трояны. Мошенники. Порно. Сиам. Атаки DOS. Организованная преступность. Промышленный шпионаж. Сталкинг. Отмывание денег. Призрак компьютерных атак на газовые трубопроводы, авиадиспетчерские, плотины, водохранилища, канализацию, телефон и банки. Черные кони фыркали и били копытом в конюшнях цифрового апокалипсиса.

Если усадить клиента рядом и объяснить, к чему приводит информационная опасность, тот пугался и нервничал. Требовал, чтобы с этим что-нибудь сделали. Покуда ему не приходило в голову, что на самом деле будет означать для него эффективная система безопасности. И чем для него кончится. Вот тут оказывалось, что защищённые компьютеры никому не нужны. Вообще никому.

Шпионы не хотели латать дыры в компьютерной защите. Шпионам нравилось взламывать чужие системы.

Полицейские не хотели латать дыры в компьютерной защите. Полицейским нравилось прослушивать чужие компьютеры, конфисковывать, вскрывать и подвергать экспертизе на месте преступления. Клиенты не хотели латать дыры в компьютерной защите. Потому что клиент не захочет кататься на мотороллере, обвешанном полутора тоннами якорных цепей и амбарных замков.

Ученые знали, как защитить программный код, но

ненавидели интеллектуальную собственность.

Военные отлично умели защищать компьютеры. Оборона была их сильной стороной. А нападение – большой любовью. Вооруженные силы США превосходили любые другие в области информационной, электронной и компьютерной войны. Они постоянно изобретали новые, устрашающие методы взламывать, вскрывать, брать под контроль и уничтожать напрочь.

А бизнес ничего не мог с этим поделать. Бизнес был разорён, он погиб на боевом посту.

А на дальнем краю, за мертвыми дот-комами, за отключенными кабелями, маячила WiFi передача данных. Если Интернет был детищем ядерных страхов «холодной войны», WiFi стал порождением спецназа. Он строился на крошечных, армейского образца радиопередатчиках широкого диапазона. Потаенных. Маленьких. Именно такие любит отряд «Дельта» нести в тыл врагу (или союзнику).

Система только зарождалась, но при одной мысли о ней у Вана мурашки бежали но коже. Передача данных по стандарту WiFi была быстрой, дешёвой, анонимной, открытой, беспроводной, карманной – чудовищной угрозой защите данных, интеллектуальной собственности, информационной безопасности, которая продавалась в целлофановых пакетах, точно жевательная резинка… Это был кошмар. А то, что шло WiFi на смену, было ещё хуже. Казалось, будто техническая эволюция нацелилась сделать безопасность *невозможной.*

Ван перебросил Теда с правого бока на левый. Кто-то похлопал программиста по плечу. Это был Тони.

– Ван, хочу тебя представить.

Немолодой человек. Седые усы. Очки. Лысина. Голубая рубашка, коричневые брюки. Карточка с именем на шнурке.

– Джим Кобб.

– Доктор Кобб! – повторил Ван, от изумления едва не уронив сына.

В области компьютерных наук не присуждали «нобелевки», но Джеймс Кобб всё равно свою заработал. Хотя пришлось поделиться со шведским физиком. Всем было известно, что, когда дело касалось шведов, у Нобелевского комитета прореза**а**лось слабое место со Стокгольм размером.

– Лаборатории Белла, сходящееся надмножество С, – выпалил Ван.

Кобб улыбнулся.

– Забавно. Сейчас об этой работе почти никто не помнит.

– Я по ней диссертацию писал.

– Журналисты предпочитают говорить о стекловолоконной

оптике, – заметил Кобб. За это он получил Нобелевскую премию – он и тот швед, занимавшийся у него проводкой. – За труды, которые по душе тебе самому, не получишь и ломаного гроша.

– Та статья семьдесят девятого года по надмножествам – она была самая лучшая, – промолвил Ван искренне.

– Знаете лучший способ родить пару замечательных идей?

– И как? – жадно выпалил Ван.

Он беседовал с натуральным гением, родившим самое малое семь замечательных, без шуток, мирового класса идей. Уникумом.

– Родить сотню, а девяносто восемь отбросить! Ха-ха-ха!

Кобб смеялся, а Ван нутром чуял, что собеседник его так и не свыкся с этой мукой. Девяносто восемь паршивых идей были ему дороги не менее, чем две, или пять, или семь, обременивших его бессмертной славой.

– Условия синхронизации, которыми вы воспользовались в «Гренделе», – заметил Кобб.

– Да!

– Где капсульная структура поддерживает иерархию.

– Именно!

– Мне понравилось, – признался Кобб. – Это было толковое решение.

Ван чуть не сел на пол. Его похвалил Джеймс Дж. Кобб. Тот Джеймс Кобб, который знаком был с поведением полупроводников на уровнях вплоть до атомарного. Теоретик высшей пробы, зарывшийся головой в биты. Настоящий гроссмейстер эпохи героев программирования.

В «Лабораториях Белла» такие ученые, как Кобб, даже не замечали границ между научными дисциплинами. Это были чародеи из самой высокой, самой клёвой башни из слоновой кости. Люди, которые поутру занимались физикой, за обедом – электроникой, а к вечеру – программированием. В «Лабораториях Белла» появились на свет транзистор, UNIX, C и C++, и алгоритм Кармакара[59]. Немногочисленный штат научных работников «Мондиаля» мог только мечтать о титанических достижениях «Лабораторий Белла».

– Славный малыш, заметил Кобб. – А где его мама?

– Мама отдыхает, – ответил Ван. – Это Тед.

– И что – кормите малыша, меняете пелёнки? Эк вы, молодое поколение…

Кобб поднял коктейльный бокал. Ван не заметил, чтобы кто-то ещё пил крепкие напитки. Все ходили с бокалами для вина. Очевидно, нобелевскому лауреату нетрудно было отыскать в «Эрлетт-хаус» вермут и оливки.

– Над чем работаете сейчас, доктор Кобб? – поинтересовался

Ван.

– Уже год ни над чем, ответил Кобб. – В феврале две тысячи первого закрылись «Лаборатории Белла» в Силиконовой долине. Первый раз, когда «Лаборатории» закрывали одно из отделений.

– Да, я слышал.

«Лаборатории Белла» теперь принадлежали «Люсенту». А «Люсент» разорялся.

– Сосредоточились на исследованиях, дающих краткосрочные результаты. Я работал над ЦТВЧ. Не особенно перспективно.

– Пожалуй.

– Некоторое время держал собственную консультационную фирму, но не сложилось. В последнее время – ракетная оборона.

Ван постарался сдержать изумление. Ракетная оборона? «Звёздные войны»? Этот шедевр псевдонаучного вздора? Великий Джим Кобб опустился до работы над «Звёздными войнами»?

Хотя, мрачно предположил Ван, на это у них деньги есть. Программа «Звёздных войн» поглотила уже немало денег.

– Не то, что вы подумали, – соврал Кобб и накрыл бокал для мартини седыми усами. – Проект лазеров воздушного базирования. ВВС.

– О! Ван кивнул. – Фотоэмиссия.

– Правду сказать, я работаю вовсе не над этой частью проекта.

Ван поднял брови. Толпа кибервояк уже нагрузилась и начала шуметь. Тед заерзал у отца на руках.

Кобб уставился пустыми глазами куда-то за плечо Вана.

– Попробуйте представить, – сказал он, – каково это пытаться утрамбовать сто восемьдесят тысяч фунтов лазерной техники в один «Боинг – семьсот сорок семь». Это и есть лазер воздушного базирования. Чтобы сбить ракету, требуется четырнадцать лазерных батарей, когда ни один грузовой самолёт не может поднять больше шести. Химические лазеры. Огромные летающие баки хлора, иода и перекиси водорода. Дьявольское зелье, вот что это такое. Оно *плещется.* Господи, как оно плещется! Кобб отступил, подняв руку. – Попробуйте прицелиться этим огромным, летающим химическим лазером в ракету, только что покинувшую пусковую шахту…

– Лучи смерти?

– Лазеры никогда толком не работают, – пробормотал Кобб, возвращаясь в вертикальное положение. Всё время не хватает мощности. Разрушительная сила – в килоджоулях на сантиметр дальности. На хлор-йодных длинах волн просто невозможно обеспечить эффективную оптическую связь. Есть способы протолкнуть импульс, но когда приходится их

синхронизировать… – Кобб принялся размахивать руками. Он поискал, куда бы отставить пустой бокал, не нашел и рассеянно сунул узкую стеклянную ножку в потный кулачок Теда.

Внезапно старик принялся шарить по карманам. Нашел визитку и отдал Вану. Адрес на ней значился ещё старого, арпанетовского образца – только числа и точки. Мама, довольно заметил Тед.

Подошла Дотти, одетая, к изумлению Вана, в короткое чёрное платье. Чулки и туфли на шпильках. И серьги к ожерелью.

Она осторожно отобрала у Теда пустой бокал из-под мартини.

– Малыш, я лучше принесу тебе полный.

– Это Джим Кобб, – представил собеседника Ван. Из «Лабораторий Белла». Доктор Кобб – моя жена Дотти.

О, «Лаборатории Белла»? – жизнерадостно переспросила Дотти. – Трехградусное реликтовое излучение!

– Они думали, что это голубиное дерьмо. – Кобб прищурился.

– Простите?

Микроволновое эхо рождения вселенной. Сначала думали, что это помехи от голубиного помета на антенне. И почистили тарелку. Только тогда узнали, что это излучение идёт с неба.

– Интересная история, – заметила Дотти.

– Они искали дерьмо, а нашли открытие мировой важности. Обычно в научной работе получается наоборот!

Дотти уставилась на Кобба. Это была большая честь – услышать фирменную белловскую шутку из первых рук.

– Мой муж часто о вас упоминал, доктор Кобб. Он большой поклонник ваших работ.

– Буду рад видеть вас в ОПБО[60], – слегка невнятно проговорил Кобб. – Покажу вам результаты анализа эксилэф[61].

Вернулся Тони. С собой он привел, должно быть, самую красивую женщину на саммите, как оказалось – супругу полковника из центра стратегических технологий при Военно-воздушном колледже. Она тут же подхватила Кобба под руку и отвлекла милой болтовней.

– Твои парни из БОРАРЭ до сих пор не выбрались из чёртова самолёта, – сообщил Тони. – Встретимся там перед пробным полетом? Надо расставить последние точки над «i».

– Тони, всё, что умею я, могут и они. Это опытные инженеры ВВС.

– Нам с тобой надо поговорить, Ван. – Ван нахмурился.

– Ты не струхнул, часом?

– Он придёт, Тони, – перебила его жена.

Тони кивнул и отвернулся. Ван тревожно посмотрел на

Дотти:

– Что случилось? Мы с Тедом собирались отнести тебе тарелку с фруктами.

– Милый, это было два часа назад. Я уже в порядке. Нам пора на банкет.

– Милая, – взмолился Ван, – только не заставляй меня сидеть на банкете.

– Для Теда уже принесли высокий стульчик. Всё организовано. Меня посадят вместе с остальными церэушными женами. Я этот банкет ни за что не пропущу. Дотти улыбнулась. – Это важно, милый. Ты действительно должен пойти.

У Вана не было ни малейшего желания сидеть на дурацком банкете, но если сбежать вместе с Дотти и пообниматься не выйдет, то и бежать нет смысла. По крайней мере, покормят неплохо – отлично на самом деле покормят – и не потребуется вставать и толкать речь.

Ван потратил массу драгоценных минут жизни, слушая утомительные протокольные вступления. Нудные глупости: пропавшие предметы, график автобусов, открыто поле для гольфа… Потом речь взялся произносить Джеб.

Ван с болью наблюдал, как бедолага карабкается на кафедру. Джеб не ковылял, как обычно, а шел. За время директорства в БКПКИ несчастный изрядно похудел. Рамсфельд в свои семьдесят с лишком находился в отличной форме и с Джебом был безжалостен. Министр обороны засыпал Джеба лавиной «рамсфельдовских снежинок», записок с грозными требованиями проверить здоровье в военном госпитале и заняться безинфарктной гимнастикой.

Джеб водрузил на нос бифокальные очки и порылся в конспекте. Ван никогда не видел его таким кротким, мирным и скучным. Джеб даже не стал начинать речь, как всегда, сомнительной шуткой.

– Президентский комитет в полной мере достиг основных стратегических целей, поставленных перед ним… Выступления, пресс-релизы и частные встречи изменили рабочую парадигму ИТ-сообщества. Возврата к старым, небрежным способам не будет… Текущие проекты БКПКИ будут плавно переданы в ведение помощника заместителя главы ДВБ по защите инфраструктуры… Незаметная, но эффективная деятельность административно-бюджетного управления делает федеральное правительство крупнейшим и самым значительным закупщиком защищённого аппаратного и программного обеспечения…

Что, во имя всего святого, это значит? Это что – обещанное Джебом большое шоу? Л где же грубая сила? Где бойцы с

терроризмом, которые всем задницу надерут? Деловитые, опытные, холодноглазые оперативники, которые без жалости раздавят киберпреступников? Послушать Джеба, так вся затея ограничивалась проблемами закупок.

– … эталонные криптографические тесты, разработанные Агентством национальной безопасности и Центром безопасности Интернета… Национальный институт стандартов и программа аккредитации и сертификации новых технологий… помощник секретаря по информационному анализу Директората защиты инфраструктуры, который займется сбором и хранением критических данных по инфраструктуре в базе данных…

У Вана слипались глаза. Он обвел взглядом конференц-зал, уставленный букетами и отпотевшими кувшинами с водой. Слушатели упивались докладом. Для них это была нормальная речь. Джеб приводил околокомпьютерный мир в норму. Те, кто два года назад извергал безумные, шизофренические пророчества в кибернетической глуши, превращались в закоренелых бюрократов. Настоящих чиновников, с настоящими должностями и настоящими кабинетами. Тут кусочек бюджетного пирога. Там место замсекретаря. Финансирование. Чин. Подотчетная ответственность. Господи боже!…

Джеб доблестно перечислял по имени всех обычных подозреваемых из числа работников бюро.

– Не могу не отметить неустанные труды Герберта Хоуленда, нашего директора по связям с общественностью… Поднимись, Герберт – где же ты? – с тебя поклон…

Редкие аплодисменты.

Ван судорожно вцепился в край льняной скатерти. Боже ты мой, так вот почему они настаивали, чтобы он явился на банкет! Обязательное охлопывание. Программиста скрутил мандраж. Щека задергалась. Пощипывало пострадавшие нервы, прорастающие обратно сквозь костный цемент.

– И героический заместитель директора БКПКИ по технической части Дерек Вандевеер!

Ван с трудом поднялся на ноги. К изумлению и трепету его, зал огласился громовыми аплодисментами. Так громко в этот вечер не хлопали ещё никому. Почти неистово. Кто-то даже свистел – это оказался Майкл Хикок, сидевший за одним столом с техниками БОРАРЭ. Замолк он лишь через добрых восемь или девять секунд после того, как в зале воцарилась тишина.

Ван сел. Лицо его пылало. И что это было? Неужели он действительно так славно поработал? Не может быть. Это унизительное позорище с КН-13… Ван ошалело глянул на сидевшую за другим столом Дотти. Та едва не лопалась от

счастья.

Когда банкет близился к концу, Ван подошел к жене.

– Ты слышала, как они хлопали? – спросил он. – Или мне померещилось?

Дотти покачала малыша на руках.

– Ой, милый, мы с Тедом так тобой гордимся!

– Пойдем отсюда. Просто жуть какая-то.

– Ты обещал Тони, что заглянешь на взлетное поле и поможешь с пробным полетом.

Ничего подобного Ван не обещал.

– Пошли, разомнем ноги. Лебедей покормим или ещё что.

– О нет, не сейчас! Мне придется пропустить ещё по бокальчику на большой веранде в компании церэушных жен, – сообщила Дотти. – Они мне рассказывают потрясающие истории про мужа, которого я никогда не знала.

– Никакие они не «церэушные жены», милая. Эта рыжая дылда – точно. Ну, та, что на ногах не держится. По-моему, она была знакома с твоей мамой!

ГЛАВА 12

«Эрлетт-хаус», штат Виргиния, март 2002 года

У Вана не оставалось иного выбора, как добираться до самолёта пешком. Идти пришлось неожиданно долго. «Эрлетт-хаус» окружали самые настоящие поля, поросшие историческими сельскохозяйственными культурами Восточного побережья. Что это за дрянь такая высокая? Лен? Хмель? Конопля? Ван понятия не имел.

Жаждавшие рекламы ребята из БОРАРЭ приволокли с собой весь объединенный штаб сил спецназначения: палатки, конторки, бинокли для наблюдателей, лазерные дальномеры и паукообразные антенны широкого диапазона. Пожалуй, они немного увлеклись, но лучшей возможности показать себя перед толпой федералов у БОРАРЭ не будет никогда. Ван рассеянно помахал рукой Хикоку. Тот постучал по диспетчерскому шлему и показал поднятые большие пальцы.

Ван поднялся по трапу. Реактивный самолёт был пугающе громаден. В салоне могло бы поместиться два десятка человек, если бы кто-нибудь взял на себя труд вышвырнуть порнографические кушетки, обтянутые белой кожей, и плазменные дисплеи с диагональю в двадцать три дюйма.

Итак, он на борту полностью заправленного частного реактивного самолёта. Ничего сложного. Если бы он ещё умел управлять машиной, через пару минут мог бы уже таранить Белый дом. Ван прошел в кабину. Дверь не запиралась, и пилота за штурвалом не было. На борту вообще не было ни души живой, кроме Тони Кэрью.

– Где твой пилот? – осведомился Ван. – В БОРАРЭ меня уверяли, что оставят на борту полдесятка, а то и десяток инженеров!

Тони приложил палец к губам:

– Тш-ш-ш!

Ван никогда раньше не бывал в кабине самолёта. На «боинге бизнес-джет» стояли два пилотских кресла, со вкусом обтянутых натуральной овчиной, и два черных пластмассовых штурвала в окружении шести мерцающих синим мониторов. С трёх сторон Вана окружали стеклянные панели окон.

– Тони, ты ещё и пилот? – спросил Ван. – Когда ты успел лицензию получить?

– Да ну, Ван! Кому нужна эта лицензия? Этой штукой умеет рулить даже Джон Траволта. Ею могут управлять вшивые аль-

каедовцы из дикого Йемена! Ничего сложного. И вообще чьё это шоу? Банды хулиганов из БОРАРЭ? С какой стати уступать им всю славу?

Ван промолчал. Ему не нравилось, куда клонит его приятель. Он втиснулся в кресло второго пилота. Перед ним сверкала огнями чащоба переключателей и стрелок. Тяжелая, на две руки, рукоять газа походила на огромный желтый кран с пивом. Па спинке кресла крепились кодоскоп и откидной экран.

– Я сам пригнал его из Колорадо, – признался Тони. Даже не вспотел. Мне пришлось уволить пилота. И от кожаной обивки придется как-то избавляться. Понимаешь, я его продаю. Самолёт покупает правление партии «Бхаратья Джаната». В Индии его будут использовать для предвыборных кампаний.

– Шутишь.

– Индусы умеют всякие веселые фокусы проделывать с самолётами, когда им не мешают добрые старые инструкции ЕАА. Для деревенских избирателей в Индии реактивный самолёт – это чистое волшебство. Они его перекрасят в зеленый, белый и оранжевый. Разукрасят, как священную корову на параде. Накачают в топливный бак люминесцентной краски с блестками и заткнут за пояс флотских «голубых ангелов»[62]. Его лучшие дни ещё впереди. – Тони похлопал по приборной доске. В свете альтиметров лицо его окрасилось грустью.

– Зачем тебе продавать самолёт?

– А как ты думаешь? Приходится. В каком-нибудь другом, лучшем мире я лихой пилот-частник. Гоняю машину от Бомбея до Дубая. Загружаю свою птичку золотыми цепочками и браслетами. Держу счета у ребят из *хавалы*[63]и коплю на новый самолёт. Так, кстати, болливудские фильмы финансируют… да, знаешь, ну его. Дурацкое дело нехитрое. Романтика контрабандистов, да? Это не жизнь *на грани прогресса.*

Тони ссутулился в пилотском кресле.

– На всём белом свете в эксплуатации находится только шестьдесят один такой самолёт. И мой – единственный, на котором можно летать по Интернету. – Он поднял блокнот. – Нет, правда! Это же сегодняшний план полета, так? Двадцать минут, и практически всё это время – на автоматике.

Ван потер щеку. Та подергивалась. На автоматике? Едва ли. Условия опыта требовали, чтобы Майкл Хикок стоял в постепенно сгущающихся сумерках с пластмассовой штуковиной, явно переделанной из нинтендовского джойстика. Честно сказать, нинтендовские джойстики отлично подходили для этой цели. Исключительно надежный интерфейс. Взревели моторы.

– Ван, политика требует дать людям зрелищ! – гаркнул Тони.

И мы им сейчас дадим зрелищ! Ты подумай, какие слухи они разнесут на хвосте! «Я был в Виргинии, и Дерек Вандевеер стащил с небес реактивный самолёт!»

Ван уставился на него.

– Ты знаешь, что мне больше всего нравится в твоем пульте дистанционного управления? – проорал Тони, перекрывая вой турбин. – Что его не видно! Если бы мы не знали, то решили бы, что в самолёт бес вселился!

Он вырулил на взлетную полосу. Моторы упивались горючим, и самолёт быстро набирал скорость. Колеса оторвались от бетона. Они взлетели.

– Груза нет, – заметил Тони, – мы на борту одни. Наша птичка легче перышка. Не надо так нервничать, Ван. Я тебе говорю, это просто пикник. Можем уйти в салон и смотреть там порнушку.

К Вану вернулся дар речи:

– Не думаю, что в Индии порнушка будет пользоваться успехом.

– Люди везде одинаковы, Ван. Я что хочу сказать – вот представь, что ты живёшь в стране богатых магараджей, торговцев влиянием, нечестных выборов и продажных бухгалтеров. В стране софтверных гигантов и чудовищного разрыва между сверхбогачами и низшим классом. В стране, где в династиях политиков сын следует по стопам отца. В стране, измученной мусульманскими террористами. Это не наша страна? Обалдеть, дайте две.

Самолёт заложил вираж. Ван осмелился глянуть в черную плиту окна. Может, он и переживёт этот рейс.

– Давай покажу кое-что натурально крутое, – проговорил Тони и зашарил под креслом. – Смотри, пилоту положена собственная пушка. – Он вытащил курносый револьвер «смит-и-вессон». – Господи боже, пилот с пистолетом. Чувствуешь себя намного уютнее, да?

– Тони, убери эту штуку.

– Он не заряжен, – уверил его Тони. – Патронов ровным счетом ноль. – Он засунул револьвер обратно в кобуру. – Но меня теперь всегда об этом спрашивают. Клянусь. В салоне полтора десятка тайваньских администраторов с завода микросхем летят в Бангкок отвести душу, и начинается: «А у пилота в кабине есть оружие?» Что, вы, господа китайские бизнесмены, собрались друг другу табло полировать во время рейса? Мир сошел с ума, Ван. Мы все прокляты.

Самолёт жестоко тряхнуло дважды. Турбины взвыли. А вот и лучшая часть сегодняшнего представления, как я понял. – Тони

отпустил штурвал. – Нас понарошку угнали прямо на глазах у восхищенной публики.

Только теперь он застегнул ремень безопасности.

– Ну, – проговорил он, потягиваясь, – рассказывай, каким будет следующий шаг твоей грандиозной карьеры.

– Не знаю, – ответил Ван. Подумывал о том, чтобы перебраться в Колорадо, к Дотти.

– Что? – изумился Тони. – И тратить время на мой телескопчик? Ты что, не слышал, как эти комики на банкете орали и хлопали? Приятель, для тебя все двери открыты!

– Я так и не понял, к чему это было.

Самолёт жутко повело в сторону. Ван вцепился в подлокотники. Сердце его колотилось.

– Ну что, на пальцах тебе, что ли, объяснить? – невозмутимо поинтересовался Тони. – Да, пожалуй, придется. Ван, ты их герой.

– А?

– Ты их спаситель, Ван. Ты их костолом, их ратоборец. Больше всего на свете кибервояки мечтают о настоящем крутом ботане. Ты видел на саммите ребят из этого, как бишь, «спецназа киберпространства»? Не задумывался – почему нет?

Самолёт выровнялся и начал набирать высоту, отчего Вана замутило. Тони глянул в блокнот.

– Люблю этих ребят из БОРАРЭ. Бешеные они. Нет, Ван, малоперспективная попытка Колорадо-Спрингс стать мировой столицей информационной безопасности – оп-па! – внезапно закончилась провалом. Пошли слухи. Когда я узнал, что мой приятель валяется, твою мать, в больнице, я кое-кому сказал пару слов. Конкретно – политическому советнику президента. Он парень занятой, но у него нашлось время выслушать пару слов, а слова были примерно такие: «незаконное прослушивание», «Совет национальной безопасности», «несанкционированная операция в Вашингтоне»… Генерал-майор Весслер получил новехонькое полевое задание. Генерал-майор Весслер теперь будет глотать бурую пыль в Месопотамии.

Самолёт ухнул в воздушную яму. Тони восторженно заулюлюкал.

– А «спецназ киберпространства» с его замечательными буклетами… Теперь это даже не идея. Даже не тень идеи. Их, как Помпеи, похоронило под восемнадцатиметровым слоем спекшегося пепла. А что с ними приключилось? А доктор Вандевеер с ними приключился, вот что.

– Послушай, – запротестовал Ван, – я знаю, ты советовал мне держаться подальше от этого спутника…

– Знаю-знаю, Джеба занесло. Вы просто не удержались, чтобы

не влезть в историю с КН-тринадцать. Но дай я тебе объясню, как на это смотрит публика на саммите, Ван. Выглядит это так: «спецназ киберпространства» наехал на вас, а БКПКИ терпеть не стало. Дело дошло до разборки. Ты с нее вернулся, и твой босс тебя прилюдно носит на руках. Они с нее не вернулись, а их босса сломали, как соломинку. Так что все громко тебе аплодируют. Хлопают, пока руки не отвалятся. Потому что они тебя боятся, приятель. Для них ты – великий генерал информационной войны. Ты – ботан, который убил и съел компанию настоящих солдат. Ты крутой.

– Но всё же было совсем не так!

Тони вздохнул.

– А какая разница? Ты же никому не расскажешь правды – как ты метелил чокнутого солдатика у себя в квартире. И я не расскажу, и никто никогда никому не скажет. Подвох в том, что кибервойне нужны свои герои. А выбор кибергероев очень невелик. Собственно говоря, ты в мире один такой.

В иллюминаторе показалась земля.

– Майкл Хикок тоже не такой, каким ты его расписал, Тони. Это всё была сплошная реклама. Я его на работу взял.

– Ван, и это хорошо. Я по-прежнему думаю, что это скверный тип, но, если он решил бежать с тонущего корабля и присоединиться к тебе, он умнее, чем мне казалось. Хикок головорез, но если он твой головорез – это замечательно. Я могу полагаться на твоё мнение. Когда дело доходит до информационной войны, ты лучший специалист. Правда. Без сомнения.

Ван утер пот со лба.

– Тони, к чему ты это говоришь?

– К тому, братец, что настоящее веселье – в твоей области. Мне было очень полезно побывать на твоем саммите. Интернет-бум в прошлом, но в области информационной безопасности крутятся деньги, и, когда народ очнется и придет в себя, денег станет намного больше. Благодаря тебе десятимиллиардный проект наконец-то свалится с нашей шеи и пойдет на свалку. КН-тринадцать закрывается. И это отлично. Наступает новый день. Мы оставим в прошлом раздутые бюрократические планы и двинемся дальше. Когда идет настоящая война со стрельбой, никому не нужны позолоченные «кадиллаки» на орбите. Новая тенденция – «прицелился-выстрелил». Модель «Предейтора»[64]. А мы с тобой, Ван, только что доказали всем, кто нас видит, что можем превратить в огромный «Предейтор» самый большой частный реактивный самолёт. Я горд и счастлив знакомством с вами, доктор Вандевеер. Всё получилось просто замечательно.

Самолёт коснулся посадочной полосы и судорожно подпрыгнул. Багажные ящики раскрылись от толчка, на камбузе что-то загремело. Потом колеса с визгом ударили о бетон.

Посадочная полоса стремительно кончалась. Ремни врезались Вану в грудь и живот.

Самолёт замер. Турбины смолкли. Пощелкивал, остывая, горячий металл.

– Й-яху-у, – пробормотал Тони. – Яху-точка-ком.

Над посадочной полосой замерцали фонари. К ужасу своему, Ван заметил, что к самолёту катится восторженная толпа. Тони расхохотался.

– Ван, ты посмотри! Ты у нас кинозвезда!

– Мне же придется толкать перед ними речь! – осознал программист.

– Ван, хорошая технологическая демка спасет любую ситуацию. Ты свою только что показал. Это будет речь победителя. Я тебе набросаю пару тезисов.

Ван сидел в своем номере в «Озерном домике». От волнения ему никак не удавалось заснуть.

Дотти раскинулась на перине. Прядка русых волос прилипла к взмокшему лбу. Нельзя ей было запивать драмамин белым вином, ласково подумал Ван. Это ее заводит.

Забавно, как Тони Кэрью мерещилось, что его подружка-актриса – сущий ангел. Очевидно было, что эта женщина просто играет постылую роль. А вот Дотти на десятом году замужества обнаружила в себе тигрицу.

Ван никогда не замечал в Дотти склонности к сплетням, но похоже было, что работа в пиар-отделе сказалась на её характере. Всего за один вечер, пообщавшись с участниками совместного саммита, Дотти наковыряла массу историй, которые Ван прежде не слышал и даже представить не мог ничего подобного. Пустопорожний бред, конечно, зато о *нём.*

Люди, не имевшие отношения к БКПКИ, составили о Ване представление, напрочь оторванное от реальности. Они знали, что он живет в трущобах, но полагали, будто он выбрал это место потому, что любит избивать преступников. Люди думали, что у него черный пояс по тэквондо. Точно знали, что он всюду носит с собой навороченный пистолет. Ходили слухи, будто Ван каждую неделю взламывает компьютеры вражеских разведок. Он вербовал спецназовцев, штурмовал лагеря террористов, чтобы проинсталлировать им зловредных троянов и вирусов. Ну и всем было известно, что у него роман с Фанни.

Эта нелепая болтовня раздражала бы Вана, если бы Джебу не

пришлось ещё солоней. К Джебу легенды липли стаями, как рыбы-прилипалы к акуле. Джеб страдал аритмией. Нет, он страдал тяжелым диабетом. Он подрался однажды с Дональдом Рамсфельдом, и Кондолизе Райс пришлось их разнимать (это была самая лучшая история). Джебу по три раза на дню названивал перепуганный Ларри Эллисон[65]. Джеб заведовал денежным фондом Республиканской партии. Джеб нанял кубинских эмигрантов, чтобы напичкать «жучками» французское посольство. Джеб подсел на снотворное. Джеб был замаскированным педерастом.

А он, Дерек Р. Вандевеер, прослыл самым крутым и жутким кибервоякой в Вашингтоне. После этого Ван начал сомневаться, что вообще что-нибудь понимает в людях. Может, у него горячка? А может, когда речь заходит о компьютерах, бредить начинает весь мир?

Пару раз Вану приходилось встречаться с президентом Соединенных Штатов Америки. Беднягу даже припечатали специальной аббревиатурой: ПреСША. В жизни Ван столкнулся с приветливым немолодым техасцем, большим любителем бейсбола, всем развлечениям предпочитавший одно – посмотреть пару иннингов по ящику и погрызть крендельков. Две дочки-подростка сидели у него в печёнках. Вот это и был президент Соединенных Штатов. Каким-то образом он же являл собою безжалостного милитариста, неутомимо громившего самых зловещих и грозных горцев планеты.

А теперь Ван даже познакомился с Джеймсом Коббом. Он открыл сумку с компьютером и вытащил оттуда визитку Кобба. Для Вана именно этот момент саммита стал ключевым. Его глубоко потрясло, что человек, которого он боготворил, признал в нем коллегу.

Он открыл веб-сайт Кобба – даже не сайт, а набор доступных для скачивания файлов, как в добрые старые времена, когда АРПАНЕТ служил информационной магистралью для инженеров. Тогда спама не было. И порнухи. И торговли. И вирусов. Был оазис для техночародеев. АРПА, Стэнфорд, МТИ. «Болт, Беранек и Ньюман»[66]. Калифорнийский университет. Исследовательский центр «Ксерокс» в Пало-Альто. «Ай-би-эм» и РЭНД. Всё это были ярлыки – разные имена для одной и той же компании из пары дюжин инженеров, крошечные группы из десяти – двадцати ученых, быстро, тихо и легко выдававших на-гора требуемый результат, как только возникала нужда…

Столько статей, датированных семидесятыми, восьмидесятыми… В свои лучшие дни Кобб публиковался как безумный. Он разбрасывал идеи, как факел разбрасывает искры.

Протоколы конференций на трех континентах. Джеймс Кобб наследил буквально по всему глобусу. И не в одной-единственной дисциплине. Кобб находил связи там, где до него никто и не думал их искать. Системный анализ и теория информации позволяли ему нарезать знания всего человечества, как многослойный торт. Казалось, что у него в одной голове три мозга.

Ван ещё помнил, в каком душераздирающем нетерпении они с Тони Кэрью листали новые статьи Кобба. Сидели вдвоем, ночью, в общежитии, пьянели всё сильней от воздуха новых научных просторов, которые силой открывал этот человек…

И, перечитывая названия статей, уже взрослый Ван осознал с ужасом, что большая часть их ни к чему не привела. У Кобба появлялось множество замечательных, но совершенно неприменимых в реальном мире идей. Постаревший Ван видел в трудах юности Кобба то, чем они и были, – детские игрушки.

А потом его посетило новое озарение, подкравшись, точно темный ужас. Впервые в жизни он прочувствовал душевное расстройство старика. Ведь эти идеи не сами собой хлестали из Джима Кобба. Их выжимали по капле. В творческом порыве Кобба было что-то первобытное и зверское. Возможно, работа приносила ему удовольствие, приносила гордость, но каждое достижение он оплачивал кровью. За науку Джеймс Кобб платил дорогой ценой. Тяжелой и горькой, как настоящий блюз-гитарист.

Ван глянул на часы. Без малого два ночи. Внезапно ему захотелось всё бросить. Разыскать Джима Кобба, спящего в своем номере в «Эрлетт-хаус». Ему хотелось разбудить Кобба, рассказать, что он достиг просветления. Он больше не был учеником. Он *понял*. Он жаждал предложить старику свою дружбу.

Ван вгляделся в экран лэптопа. Сердце его колотилось от восторга. Конечно, он не пойдет искать мирно спящего Кобба, ломиться **в** дверь, будить старика дикими воплями. Это бессмысленно. Он пошлет Коббу «мылом» письмо. По работе. Никаких шальных затей, ничего безумного и нелепого. Мастер обращается к собрату по ремеслу. Очень спокойно. Очень тактично.

Техническая записка. Вот это пойдет. Что-нибудь такое, что они с Коббом могут разделить. Совместно написать новую статью, например. Вау! Отличная идея. Было бы просто здорово. В конце концов, старик практически попросил Вана о помощи. Тот мог бы вдохнуть новую жизнь в одну из оставленных Коббом идей. Это было бы лучше, чем юбилейный сборник. И нетрудно. Выбор тем просто огромный.

Пальцы Вана застыли над клавиатурой.

Кобб, Джеймс А. (1981) МАССИРОВАННАЯ ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ КОЛЛИМАЦИЯ СВЕТОВЫХ ИМПУЛЬСОВ АДАПТИВНО МЕНЯЮЩЕЙСЯ МАЛОЙ МОЩНОСТИ. «Перспективы исследования перестраиваемых запрещённых зон»: материалы конференции Общества имени Макса Планка, замок Рингберг, Германия.

Ван кликнул оа ссылке. О чём хоть статья? Какие-то дикие и несуразные применения подстройки запрещённых зон лазера. Ему показалось, что Тони когда-то, сто лет назад, упоминал об этой статье. Тони всегда питал слабость к самым диким и фантастическим задумкам Кобба.

Очень слабые световые импульсы. В оцифрованных пакетах. Через отражатель сведенные в реальном времени в мощные параллельные потоки…

Полчаса спустя Ван оставил спящую Дотти в номере и вышел под ясные звезды в небе Виргинии. Открыл мобильник.

Хикок ответил сразу же. Было почти три часа ночи, но в трубке грохотала шумная вечеринка, и сержант был пьян.

– Эй, Ван! Вали к нам! Мы у бассейна! Ребята из БОРАРЭ тебя обожают!

– Майк, я знаю, что час поздний, но ты мне нужен. Прямо сейчас.

– А что, – уныло переспросил разом протрезвевший Хикок, – тебе не понравилось, как я вёл самолёт?

– Майк, кибервойна началась.

ГЛАВА 13

Международная астрономическая обсерватория имени Альфреда А. Гриффита, штат Колорадо, апрель 2002 года

– Слушай, всё просто, – заявил Хикок. – Ван заведует стратегией. Я заведую тактикой.

– Доктор Вандевеер штатский, – возразил Гонсалес.

– Кибервойна – это новое слово в военном деле, приятель. Я шпак. Ты шпак. Он шпак. Враги – все шпаки. Одни сплошные гражданские лица.

– Я даже не хотел уходить на гражданку! – бросил Уимберли. – Меня уволили с позором. Вы хоть представляете, какие у меня теперь перспективы найти работу?

Все четверо сидели во взятом напрокат домике-автоприцепе. Машину отогнали в сторону от горной дороги и затянули, невзирая на полночный час, маскировочной сеткой. Ван был одет в чёрную шелковую рубашку, чёрные штаны, чёрную кожанку, чёрные носки, чёрные кроссовки и на плече тащил чёрный рюкзак. Одеваться как нью-йоркский профессор каких-нибудь гуманитарных наук Ван обычно не пытался, но на этот раз – пойдет. Если его застукают при попытке вломиться на территорию Международного центра астрономии имени Альфреда А. Гриффита, у него есть хорошая отговорка.

В конце концов, он был мужем Дотти Вандевеер. Старым университетским приятелем хозяина обсерватории. И в рюкзаке Вана не было ничего такого, чего не пропустил бы досмотр. Черные перчатки, черная вязаная шапочка – ну так в горах холодно. Микрофон и наушник – гарнитура к мобильнику. Цифровой диктофон, видеокамера, всякие мелочи. Лэптоп – так Ван всюду таскал компьютер за собой. Он же программист.

Остальные трое киберлазутчиков с виду напоминали марсианских ниндзя-черепашек. На Хикока, Гонсалеса и Уимберли было страшно глянуть. Ван уже притерпелся немного – это была его идея, – но всё равно побаивался бросить на них взгляд. Чудовищные каски со встроенными очками ночного зрения и противовесами на затылках походили на вытянутые морды циклопов. Поверх очков спецназовцы натянули чёрные лыжные маски из огнестойкого волокна. В бесформенных чёрных куртках, чёрных солдатских штанах, чёрных кевларовых перчатках и чёрных спецназовских башмаках они правили ночной порой. Даже горбатые армейские рюкзаки у них были чёрные.

Похожи они были на троих пластмассовых солдатиков в

полный рост. Любой нормальный человек, заметив эту компанию в темном лесу, решит, что ему примерещилось.

Самое забавное, что всё их снаряжение даже не считалось официально военным. Всё оно было куплено или взято напрокат в коммерческих фирмах, занятых поставкой военного снаряжения. И тем более секретного в нем ничего не было. Если не считать полного чемодана компьютерных отмычек БКР, который Ван притащил с собой из Вашингтона.

– Точно не хочешь взять чемодан с собой? – спросил Ван у Уимберли. Парень явно нервничал. – Можем прицепить его к твоему рюкзаку.

– Я не заслуживаю его носить, – елейно пронял Уимберли. – Мне за это уже один раз надрали задницу.

Чем бы подбодрить мальчишку?

– В камере хранения на автовокзале в Боулдере тебя ждут пятнадцать «кусков».

– Это мне поможет, – признал Уимберли. – Сильно поможет.

Чтобы вломиться к жене на работу, взломать обсерваторию, ограбить и напичкать «жучками», Ван потратил первый взнос за дом. Он сам не мог бы объяснить, почему эта операция стоит для него сорока пяти тысяч долларов, не считая платы за прокат снаряжения, машины и билетов на самолёт. Ван едва-едва выкарабкался из тени финансовой катастрофы. Эта злосчастная затея возвращала его на прежнее место.

Не говоря о том, что организация неофициальной спецоперации в частном порядке нарушала восемнадцать статей уголовного кодекса.

Просто… он должен был знать. Если он не выяснит всю правду об этом зловещем орудии и его возможностях, он больше никогда не сможет спокойно спать по ночам.

Не стоит называть это войной. Это наука.

– Мы проводим всего лишь разведывательную миссию, – в десятый раз повторил он троим своим наёмникам. – Никакого рукоприкладства, крутые парни. Мы приехали сюда, чтобы взять мишень в прицел. Проникаем. Наблюдаем – деятельность, намерения, возможности. Записываем, уточняем. Ставим датчики. И уходим. Никто нас не видит. Никто не пострадает. Никто не стреляет. Потому что идет настоящая, натуральная кибервойна.

– Я со стволом больше не хожу, – заявил Хикок.

– В этот раз нас не застукают, – согласился Гонсалес.

– А если застукают, президентская амнистия у нас в кармане? Да ладно, неважно, у меня всё равно пушки нет!

– Ладно, заключил Ван, – ноги в руки, и поехали.

Он запихнул наушник в правое ухо.

Далеко добираться команде из четырех человек не пришлось. Они выбрались из прицепа и, следуя подробнейшим сателлитным картам, зашагали сосновым бором в сторону ограды. В кривой лощине строители провели ограду рядом со старым засыхающим кленом. Ночь была тёмная; порывистый ветер нес по небу прозрачные облака, качал нависающие ветки. Клён – дерево непрочное. Четверым мужчинам не составило труда забросить на него крюк, приладиться к порывам ветра и повалить старый клён прямо на ограду.

Бдительные защитники на джипах и с автоматами не примчались проверять в конце концов, это всего лишь обсерватория, и это всего лишь буря сломала дерево. Четверо незваных гостей перелезли через смятую ограду по ветвям упавшего клена. Ван постарался ни за что не зацепиться своими цивильными шмотками.

– Одолжи мне кислородную маску, – попросил Ван Хикока. – Задыхаюсь на высоте.

– А сам ты не можешь баллон тащить? – поинтересовался спецназовец, почесываясь под чёрной пенопластиковой кирасой. – Я и так весь снарягой обвешан.

– Нет, не могу. Кислородный баллон слишком похож с виду на бомбу.

Ван припал к пластмассовой маске. По телу разлилось облегчение.

Как и было распланировано, команда разделилась на пары. Гонсалес и Уимберли – группа Б – брали на себя серверную. Ван и Хикок должны были подняться по склону, чтобы скрытно обследовать Оружие Массового Уничтожения.

Для долгой поездки к обсерватории Хикок взялся угнать электрокар. Это оказалось нетрудно. Тележек у входа стояло множество, и у большинства остались ключи в замках.

Спецназовец поправил микрофон.

– Знаешь, чего мне не хватает с этой кибервойной? – спросил он. – Поддержки с воздуха. Ни тебе вертушек. Ни транспортных «Геркулесов». Для спецназа ВВС это, знаешь, нелегко.

– Я совсем ума лишился, если нанял этих двоих киберспецназовцев, – простонал Ван.

– Ничуть, – отозвался Хикок. – Жаль тебя разочаровывать, но сейчас самый специальный спецназ – это частный сектор.

– Я псих, потому что мы ничего не найдем, Майк. Я притащился сюда только потому, что я параноик. Никакого оружия тут нет. Мы ничего не увидим. Это всего лишь недостроенный телескоп.

– Чёрта с два.

В темноте медленно и неслышно они доехали до обсерватории, не встретив никакого сопротивления. Тележку оттащили с глаз долой, за гору строительного мусора. Ван набросил на нее камуфляжную сетку. С камуфляжными сетками он сталкивался впервые. Развешивать их оказалось целым искусством.

Хикок вытащил тощую складную антенну многополосной импульсной рации и прицелился ею в склон холма ниже главного корпуса. Голос Гонсалеса прорезался тут же, чисто и ясно.

– Приближается автомобиль, – доложил он. – Большой черный лимузин. Пассажиров четверо… нет, пятеро. Вау, классная штука – тепловидение!

Уимберли тяжело дышал в микрофон.

– В жилом корпусе тихо. Толпа спящих астрономов, и всё. А вот в серверной – сплошные огни. – Послышался шорох резиновых подошв по камням. Уимберли подобрался поближе к объекту наблюдения. – Сейчас установлю направленный микрофон.

– Кэрью должен быть внутри, – сообщил Ван Хикоку.

Тот стянул чёрную маску. Лицо его, и без того суровое, совсем окаменело.

– Ребята, слышите, какой там шум? – доложил Уимберли. Его чувствительный направленный микрофон улавливал гулкий ритм и визгливые голоса лондонского индо-диско – музыки в стиле бхангра. – Первый раз слышу такую музычку. Погодите, попробую отфильтровать шум.

Цифровая вата в ушах. Пронзительный женский голос отцедился сквозь фильтр, как спагетти через дуршлаг.

– Тони, как ты можешь так обращаться с женщиной! Как ты смеешь мне такое говорить!…

– Уимберли! – вмешался Ван.

– Так точно, сэр.

– Личную жизнь подозреваемого оставь в покое. Наведи тепловизор на электростанцию. Я хочу знать, подается ли сегодня энергия на большой оптоволоконный кабель.

– Мои ребята из лимузина, – спокойно и сосредоточенно проговорил Гонсалес, – направляются прямо к серверной. Похоже, у нас будет большая вечеринка.

Ван оглядел дверь в башню обсерватории. На двери висел замок. Обычный амбарный замок. Более сложных мер безопасности и не требовалось. Обсерватория располагалась в уединённом месте. И в конце концов, это всего лишь астрономы.

Ван приступил к взлому. Из хикоковского пояса с инструментами появилась цифровая отмычка. Новенькая,

английская, размером с большую авторучку. При помощи световодов она осматривала внутренность замка и сама рассчитывала форму бороздок на ключе. А вычислив, выдавливала подходящим образом изогнутый отрезок прочной проволоки. Страшно было подумать, что мог сотворить новый гаджет МИ-5 с обычным механическим замком. Ван очень надеялся, что нормальные воры ещё долго не овладеют подобными инструментами.

Ван осторожно расковырял замок. Когда руки перестали дрожать, он отдышался кислородом и выпил изотоника из фляги. На высоте было ветрено и морозно. Пришлось надеть чёрную шапку и чёрные перчатки.

– Генераторы фонят теплом, как черти! – отчитался Уимберли. Какая же мощность у этих ветряных мельниц?

– Полмегаватта каждая, – ответил Ван.

Энергия ветра – штука непостоянная: то ее не хватает, а то – избыток. Поэтому ее особенно легко было красть. Кто заметит, если ты оттянешь на себя часть электроэнергии, рожденной в пролетевшей над западными штатами буре?

Из лимузина вышли четверо, шофёр остается, – доложил Гонсалес. Он слегка запыхался, но пробежка с девяносто пятью фунтами кибербарахла в рюкзаке вслед движущемуся лимузину в целом его не слишком затруднила. – Двое мужчин, две женщины. Я сейчас у серверной. За стеной на первом этаже различаю девять силуэтов. Если миллиметровый радар не врет.

– Когда я выезжал из Вашингтона, всё работало, – сообщил ему Ван.

– Тогда он нуждается в доработке, – заметил Гонсалес. – На лимузине колорадские номера. Владелец – ранчо «Пайнкрест».

Быстро, подумал Ван. И пока что очень тихо. Быть может, им даже удастся провернуть операцию вовремя.

Он потянул на себя дверь обсерватории, и резиновые уплотнители вакуумно чмокнули. Ван шагнул через порог обсерватории. Внутри было пусто и восхитительно тепло.

– Жарко тут, – заметил Хикок, расстегивая ремень под подбородком.

Телескоп, эта небесная дива, выглядел совершенно так же, как в последний раз, когда Ван его видел. А вот на земле кое-что прибавилось. Комплект из дюжины новеньких складных кресел. Большой кофейник и кружки к нему. Новый огромный стол с множеством полок и розеток, такой большой, что его хотелось назвать пультом. И у самой двери симпатичный маленький японский телескоп на массивной треноге. Роскошная игрушка богатого звездочёта-любителя.

Ван шагнул к большому столу. На нем громоздилась гора технической документации и компакт-дисков. Программист заглянул за стол и под стол. Там валялись дорожные сумки.

И черный полотняный футляр для винтовки. Охота в здешних краях великолепная.

Хикок обошел огромный телескоп кругом, от изумления запрокинув рыло тепловизора.

– Ты только посмотри на него!

– Я видел, – отозвался Ван. Хикок содрал с головы шлем.

– Да нет, в инфракрасном свете!

Ван натянул слишком тесный кевларовый шлем на уши. Маска тепловизора вдавила ему очки в переносицу. И тогда дива показала ему свое истинное лицо. Дама в кровавой короне.

Стеклянистое кольцо мерцающих огней. Десять тысяч фотоумножителей, датчиков, призванных уловить самые слабые отсветы далеких звёзд на поверхности зеркала, сделались венцом паучьих, горящих алым глазок. В инфракрасном спектре они подмигивали тепловизору Хикока, они искрились. Они испускали жар.

Оптические кабели, уносившие свет, могли и приносить его. Зеркало, отражавшее свет с небес, могло и метать его обратно в небо.

Ван вернул Хикоку шлем.

– Знаешь, что меня больше всего достает? – пробормотал Хикок. – Сукину сыну хватило наглости построить космическую пушку в Колорадо. Ч-чёрт, чуть ли не на полигоне ВВС!

– Компания расходится, – доложил Гонсалес – Я помечу их в наводчике. Команда А, прием есть?

Хикок открыл свой командирский лэптоп. Карта на экране походила на маленький штабной макет. Четыре синих треугольничка. Горстка ничего не подозревающих красных квадратиков.

– Б, есть прием.

Два красных квадратика отделились от группы. Синий треугольник устремился за ними в погоню.

– Сейчас поймаю этих двоих направленным микрофоном, – пообещал Гонсалес.

Ван поправил наушник. В ушах зазвучали краденые голоса. Тони Кэрью.

– Только что здесь стояло шестнадцать тележек, заметил Тони. – А сейчас только пятнадцать.

– Ты их пересчитываешь? – ответил женский голос.

– Нет, милая. У меня эйдетическая память. Талант.

– Здесь так холодно и ветрено! Поедем иа лимузине! Пускай

эти глупые китайцы катаются на дурацких тележках!

– Здешние тропки не выдержат веса большой машины, – ответил Тони. – Поэтому мы все катаемся на этих карах. Анджали, демонстрация возможностей моего инструмента – дело очень деликатное. Ты же видишь, что ни добрый старый господин Лян, ни добрый старый господин Гупта не жалуются.

– Твоим дурацким клиентам не приходится носить платья без рукавов.

Зашуршали шины. Голоса затихли в отдалении.

– Мужчина и женщина только что отъехали на электрокаре, – вновь заговорил Гонсалес. – Направляются к вашему телескопу, команда А. Ладно, размечаю ещё две группы. Похоже… в первой четверо мужчин. Во второй группе – двое мужчин и две женщины. Стоп, стоп, оп-па! Двое, на вид телохранители, осматривают кары.

– Телохранители вооружены, – со знанием дела отметил Хикок.

– Мы не можем быть уверены, – возразил Гонсалес.

– Никакой профессионал не станет выходить на работу без ствола, – объявил Хикок. – Будь они хоть китайцы, хоть индусы, хоть, чёрт их дери, марсиане.

– Этой операцией руковожу я, – напомнил Ван, – а у меня оружия нет.

– Эй, – Уимберли дал петуха, – у меня тоже нет пушки! Все же говорили – стволов не брать!

Хикок вздохнул.

– Никто не обидится, что я прихватил с собой малехонькую «беретту» в засапожной кобуре?

– Эй, я могу смотаться до машины и притащить два MP5 и «моссберг» двенадцатого калибра[67], – деловито предложил Гонсалес. – Десяти минут не займет!

– Нет-нет-нет! – взмолился Ван. – Держимся цели!

– Командир прав, – заключил Хикок. – Мы сюда пришли поиграть в кибервойну. Фред, заберись в комнату, где была вечеринка, и ставь микрофоны. Малыш, я хочу видеть, как ты вломишься в серверную. Клавиатурных «жучков» не жалеть. Мы с профессором расставим аудиодатчики здесь. Потом все отступаем на улицу. Прячемся под камуфляжными накидками. Слушаем и записываем. Это План. Будем держаться Плана.

Это был хороший, разумный План. Он не включал в себя спешные марш-броски до лазарета. Хикок лепил прозрачные WiFi-«жучки» по разным малозаметным местам. Ван присвоил каждому микрофону свой звуковой канал на лэптопе. Затем, когда время уже поджимало, они вышли на улицу, чтобы закрыть и запереть двери обсерватории.

В тот самый момент, когда Ван захлопнул дверь, сигнал из здания пропал напрочь.

– Ты говорил, что эта башня сложена из соломы, заметил Хикок.

– Похоже, что солому переложили медной сеткой. Чувствительные инструменты требовали экранирования.

– Тогда, если мы хотим слышать, о чём они говорят внутри, придется импровизировать, – твердо заявил Хикок. – Придется вернуться под купол и спрятаться.

– Тогда некому будет запереть дверь снаружи, – напомнил Ван. – Если башню обнаружат открытой, будет ясно, что мы внутри.

Хикок замер в явном затруднении. Он глянул на замок, потом на склон горы внизу.

– Фары всё ближе. – Он начал молиться про себя: – Господи, я солдат твой, призван трудиться в одиночестве, вдалеке от знакомых голосов и лиц. С помощью и наставлением твоим я никогда не сдамся, хотя бы и остался последним в живых. Если же попаду в плен, дай мне силы плюнуть врагу в…

– Я захожу, – сообщил ему Ван. – Ты пока командуй, ладно? Если меня поймают я просто полюбопытствовал.

Ван нырнул в помещение, пробежал через зал, отшвырнул какой-то тяжелый ящик и спрятался под большой приборной панелью.

Чтобы открыть взломанный замок, Тони потребовалось несколько минут.

Далекие голоса. Ван засунул наушник в ухо и погасил экран лэптопа. «Жучки» работали отменно, посылая шесть аудиопотоков, словно у программиста выросло шесть ушей.

– Постарайся быть вежливой с миссис Дефанти, – говорил Тони. Она многое пережила за последнее время.

– Почему при мне ты ее не называешь Катриной? – язвительно поинтересовалась актриска. – В лицо ты к ней всегда обращаешься «Катрина». Так мило!

– Ягненочек мой, если бывшая Ли Хубин желает теперь зваться Катрина Дефанти – какие проблемы? Дай только знать – и ты станешь Анджели Кэрью. В новеньком американском паспорте это имя будет отлично смотреться.

– Вы с ней любовники.

– Послушай, она старше меня на двенадцать лет! – умолял Тони. – Миссис Дефанти преданно верна старому, душевнобольному супругу. Мы с Катриной наладили взаимовыгодное сотрудничество. Вполне возможно взрослым мужчине и женщине быть просто добрыми друзьями. Правда-

правда!

– Ты лжешь! – Актриса резко выдохнула. – Или ты ненормальный.

– Значит, я ненормальный, – согласился Тони.

Я предпочитаю «исключительный», «блистательный», «великолепный» и «гениальный», но «ненормальный» тоже сойдет. Только будь вежлива с Катриной хотя бы в этот вечер. Больше я ни о чём не прошу! На кону стоят огромные деньги. Кроры и кроры, лакхи и лакхи рупий[68]!

Голос Тони в наушнике прервался. К изумлению Вана, Тони стоял совсем рядом, у огромного пульта. Тони опустил на пол чёрный рюкзак, и тот задел башмаки Вана.

Ван поднял глаза и увидал бледное, напряженное лицо Тони. Но тот не глянул вниз. Начали прибывать важные гости.

Когда двери обсерватории распахнулись, приемник Вана уловил в эфире слабый отзвук чужого разговора. Похоже было, что кибервояки за стенами башни были очень заняты.

Тони обернулся к гостям, и Ван тут же заглянул к нему в рюкзак. Настоящее сорочье гнездо. Смятые деловые бумаги. Таблетки от головной боли. Индийские бульварные журнальчики. Лэптоп. Стопка болливудских дивидюшек.

Титановый бластер.

Клиенты Тони входили в обсерваторию. Слышались сбивчивые голоса, гремели складные кресла.

Кто-то вошел в зону действия пятого «жучка». Ван добавил громкости.

– Мне не может нравиться человек, который лжет спутнику на охоте, – говорил мужской голос. – Я могу купить у него самолёт, но я не стану ему другом.

– Ненавижу, что он сделал с лосями моего мужа, – отозвалась женщина. – Он даже не спросил моего разрешения слепить и жечь их лазерными лучами. Несчастные создания!

– Как могут бедные животные укрыться от зеркального воздушного шара? – спросил мужчина. – Это просто неспортивно. Какие ужасные вещи творятся здесь, в то время как ваша плантация так мила и прекрасна. Мы с нашей съемочной группой были в восторге от «Пайнкреста». Мой номер напомнил мне отель «Раффлз» в Сингапуре.

– О, так вы заметили! – довольно отозвалась женщина. – Я столько раз бывала в Сингапуре.

– Гляньте, как Кэрью таскает эти стулья. Он что, не может поручить это охране? Он всё время чем-то занят, занят, занят! Как слуга!

– Они все такие, – задумчиво промолвила женщина. – Всегда.

Но мне они нравятся. Американцы.

– На свой нелепый лад очень милы?

– Ну хорошо – не нравятся. Но мне нравится быть американкой. Всем на свете следовало бы стать американцами. Я надеваю темные очки. Выезжаю в Денвер. И я просто женщина. Простая американка. Никто не пристает ко мне. Только продают мне то, чем торгуют, – и «всего вам доброго».

– Мне тоже нравится в Америке, – сознался мужчина. – В Бомбее, Найроби и Лондоне меня слишком хорошо знают. А в Америке мое лицо ещё не примелькалось.

– Здесь не могли не заметить, что вы очень-очень симпатичны.

– Благодарю вас сердечно. Но разве может красота подарить мужчине счастье, Катрина? Долг! Исполненный долг – вот что радует мужчину…

Ван слушал, как Тони пытается развлечь важных гостей. Американский вариант английского слушатели воспринимали плохо, и Тони вынужден был говорить очень медленно. Напористый, взвинченный голос его эхом отдавался под куполом обсерватории. «Вы увидите… самое поразительное… и значительный технический прогресс… современной революции в военном деле…»

Двойные створки колоссального купола открывались черному ночному небу. Башня из прессованной соломы поворачивалась легко, точно карусель.

Ван торопливо подхватил очередной пискнувший наушник. Открывшаяся крыша послужила отражателем. Он ловил сигналы от своей киберкоманды.

Отчаянный голос Уимберли: «… Пик потребления! Когда ветер набрал силу, они просто…» Потом сигнал вновь пропал, а Хикок с Гонсалесом по-прежнему находились вне зоны.

– Теперь, когда мы открыты звёздам, предлагаю сделать звонки через сеть «Иридиум», – проговорил Тони. – Вы, господин Гупта, можете вызвать свой кабинет в Отделе исследований и анализа в Нью-Дели. А вы, господин Лян, возможно, будете так добры вызвать аналитическое бюро Второго департамента в Пекине. Настало время общего согласия.

С чёрного ночного неба обрушился ледяной горный ветер. Ван скорчился под столом. Кровь его леденела.

Фонари под потолком гасли. Внизу театрально зажигались новые.

Припав к полу, Ван осмелился выглянуть из-за стола. Телескоп стоял в огнях, точно оперная дива в молочных лучах прожекторов.

В сгустившихся сумерках Ван поднялся на ноги. Голова болела от разреженного воздуха. Тони и его гости были совершенно покорены телескопом. Они понятия не имели, что программист стоит в круге тьмы и наблюдает.

Ван тихонько открыл футляр с винтовкой. Вытащил оружие – охотничье ружье. Заряжено на лося. В патроннике уже покоился огромный медный патрон.

Облокотившись об эргономичный стол, Ван глянул в прицел. Он выхватывал из темноты лица, рассекая головы перекрестьем. Гражданские мишени. Ни о чём не подозревают.

Вот китайский чиновник. Немолодой мужчина с редеющими волосами, брюшком и вещмешком в руках. Рядом с ним маячил китаец помоложе, переводчик и штатный лизоблюд. Телохранитель его отличался непреклонной выправкой и мрачной гримасой антикварного красноармейского комиссара.

Катрина Дефанти оказалась милой китаянкой средних лет с аккуратной причёской, в свободном розовом костюме от «Шанель». Выглядела она в точности как женщина, в которую никогда, ни при каких обстоятельствах не стоит стрелять.

Индийская кинозвезда. Ещё одна индийская кинозвезда, ещё красивей первой. Старый усатый индус с гофрированным саквояжем в белой куртке а-ля Неру. Бесстрастный телохранитель-сикх, словно высеченный из тикового бревна.

Ван немало времени провел в тире. Он многое узнал об оружии. Он был уверен, что сможет всадить пулю в любого из них. Но как профессионал информационной войны он знал также, что подобное грубое насилие не приводит к цели. Зачем Тони вообще прятал в башне винтовку? Чего он надеялся добиться подобным жалким приемом? В борьбе, подобной той, что происходила здесь, простая винтовка выглядела признанием поражения. Это было хуже, чем глупость. Это был жест отчаяния.

Ван заполз обратно под стол и принялся шпионить дальше.

– Всякий раз, когда великая держава достигает уровня космических технологий, это порождает множество замечательных побочных результатов, – рассказывал гостям Тони. – Методически исследуя потенциальные возможности этого оружия, мы открыли его дополнительные функции. В сочетании с отражающей способностью майларового покрытия воздушных шаров мы в силах направлять тепловые лучи на эффективную дистанцию в семьдесят пять километров. На жаргоне «Звёздных войн» такой луч назывался «Перст божий». Орбитальные лазерные орудия так и не вошли в обиход. Они попросту слишком тяжелы для запуска с помощью обычных ракет. Даже лазеры воздушного базирования нуждаются в химическом реакторе размером больше,

чем «Боинг-семьсот сорок семь». Однако наш лазер наземного базирования в сочетании с отражателем в воздухе способен господствовать над местностью. Он может поражать поселки, машины, любые мишени. Заговорил переводчик-китаец:

– Господин Лян желает задать вопрос.

– Разумеется! Спрашивайте, о чём пожелаете.

– Господин Лян желает задать вопрос миссис Дефанти.

Тони изумился.

– Я… э-э… уступаю трибуну.

– Миссис Дефанти, скажите, будьте добры, не это ли странное устройство в ответе за множество неприглядных пожарищ, каковые мы наблюдали во владениях вашего мужа?

– Да, господин Лян, – ответила миссис Дефанти по-английски. – Лесные пожары на моем ранчо и в окрестностях вызваны этим лазером. Было несколько неприятных случаев. Кроме того, лазер сжег два дирижабля связи.

– Трудно ожидать идеальной точности от дирижабля в полете, – признал Тони. – Но это лишь одна из функций! Гораздо интереснее фантастическая способность лазера проецировать колоссальные голограммы. В этом случае мы направляем лучи лазера на облака аэрозоля, флюоресцирующие под инфракрасным облучением. Распылите в воздухе определенный химикат – и в вашем распоряжении немыслимое доселе средство ведения психологической войны. Представьте себе состояние боевого духа противника, не подготовленного к иллюзиям подобного масштаба!

Теперь пришел черед господина Гупты возражать:

– И как вы загрязняете небо своими химикатами?

– Очень просто! Выхлопы реактивных двигателей! Инверсионные следы!

– Ты заправлял самолёт загрязнённым горючим? – вмешался индус-актер. – Ты никогда не говорил мне, что осквернил химикатами турбины.

– С турбинами ничего не случилось! – возмутился Тони. – Это же не шаттл. «Боинги» что угодно могут жечь.

– Но это дело принципа, – настаивал актёр. – Ты скрыл от нас, что подверг мою собственность воздействию нечистого топлива! Партии «Бхаратья Джаната» придётся соответственно снизить цену.

Тони начинал злиться.

– Санджай, ты начинаешь заноситься! Я знаю, что ты прошел подготовку пилота, и знаю, что в наши дни в Штатах ее трудновато добиться. Но состояние самолёта – вопрос совершенно второстепенный. Полагаю, господин Гупта и его

руководство в Нью-Дели могут высказаться за себя сами.

Господин Гупта отнял огромный, как кирпич, телефон от щетинистого уха.

– О, нет-нет! – Он сочно хохотнул. – Санджай Девган не просто кинозвезда – разве вы не знали? Санджая Девгана считают звездой и у нас, в отделе исследований и анализа. Наш отважный юный коллега может рассчитывать на полную нашу поддержку!

Вмешалась миссис Дефанти.

– Джентльмены, – проговорила она с некоторым раздражением, – я знаю, что все вы страдаете от «часовой болезни», но если вы станете пререкаться, мы задержимся на всю ночь. Я желаю разрешить эту неприятную ситуацию. Здоровье моего супруга слишком хрупко для таких сложных проблем. Я желаю ликвидировать их. Лян выслушал ее речь через переводчика и ответил.

– Нас, китайцев, не интересует невнятное устройство в горной глуши. Оборудование и спецификации его нас могли бы заинтересовать. Вы можете их нам поставить?

– Хорошо же! – Миссис Дефанти вспылила. – Я всего лишь домохозяйка. Не я виновата, что мы, китайцы, страдаем от политики «двух Китаев»! Я устала от того, что моей родне на Тайване приходится саботировать микросхемы обработки изображения только ради того, чтобы крупные наземные источники тепла в узком диапазоне частот не фиксировались спутниками-шпионами. Весьма утомительно и сложно было создать подобные микросхемы на Тайване, продать их американцам и установить на спутниках только ради того, чтобы это оружие космической войны стало невидимым. Если американская разведка воспользуется услугами других поставщиков при запуске новых сателлитов, бессмысленно будет кому бы то ни было создавать новые лазерные пушки. Ваши орудия мгновенно будут засечены американскими спутниками-шпионами и взорваны американскими крылатыми ракетами. Так что вам придется договариваться с нами сейчас и платить сейчас – или вся затея с лазерами теряет смысл!

Тони прокашлялся.

– Ну, дело обстоит именно так, как столь удачно подметила Катрина. Или соглашайтесь, или убирайтесь. Хорошая новость заключается в том, что мы успешно победили спутник-шпион КН-тринадцать. При помощи нашего орудия мы выжгли КН-тринадцать столь удачно, что спутник считается ненадежным. Мы доказали, что в виде этого телескопа обладаем не только секретным, но и первым и единственным в мире эффективным орудием космической войны. Пустив в ход наш лазер, мы можем

уничтожить любой спутник, запущенный на орбиту любой космической державой.

– Только на низких орбитах, скептически заметил господин Гупта. – Сателлитам на важной геосинхронной, кларковской орбите вы навредить не можете.

– Там всё равно ничего нет, кроме безобидных спутников связи, – ответил Тони. Часы у него на руке пискнули. – Надо заканчивать с разговорами. Пора продемонстрировать наш продукт.

Под синим зеркалом дивы пробудились к жизни электромоторы. Компьютеризованный отражатель с легким потрескиванием прогибался на одну-две длины световой волны. Цифровой телескоп гремел, как полная машинисток комната.

– Я не хотел прерывать важные переговоры, – вновь заговорил Тони, – но демонстрация должна быть проведена в определённый момент. Мы готовы атаковать спутник системы «Иридиум», через который идут сигналы ваших телефонов, господа.

– Как ты можешь это доказать?

– Вы услышите результат атаки в реальном времени, – обещал Тони. – Как и ваши спонсоры в столицах ваших держав.

– Ты можешь и подменить несущую волну в стенах обсерватории, – вкрадчиво заметил Санджай. – Это ничего не доказывает.

– Я предвидел это возражение, – отозвался Тони. Как всем вам известно, мой близкий знакомый из Совета национальной безопасности исключительно высоко ценится в органах американской информационной безопасности. Доктору Вандевееру нетрудно будет получить отчеты о неполадках от новых владельцев «Иридиума». Я могу передать эти отчеты непосредственно вам. Это докажет противосателлитный потенциал моего орудия.

Разведчики молча прислушивались к своим телефонам.

– Спутник не уничтожен, – доложил наконец господин Гупта. – Мы слышим лишь слабый треск! Связь с Нью-Дели не прервалась ни на секунду!

– Погода облачная, – объяснил Тони. – Ущерб невелик. Идеальные условия для работы нашего лазера – ясные ночи вслед за прохождением грозового фронта над нашей ветроэлектростанцией.

– Погода ветреная – и всё же ясная? Часто ли сочетаются эти условия?

– В здешних горах видимость отличная. В конце концов, это же телескоп.

– Значит, снег, дождь… делают вашу лазерную пушку

совершенно бесполезной?

Тони побарабанил недолго по клавиатуре, потом заговорил снова.

– Конечно, требуется время, чтобы луч невидимого света разрушил металлическую обшивку. Нам не хватает мощности, чтобы уничтожить спутник мгновенно. Кроме того, это было бы очень глупо – взрывать спутники. Тогда американцы немедленно заподозрили бы истину. Подумайте лучше вот о чём: когда позволяет погода, мы можем годами незаметно разрушать спутники «Иридиума». Репутация технически ненадежной сети погубит «Иридиум» навеки. Тогда мы могли бы сбросить их акции и скупить конкурентов «Иридиума» – например, «Глобалстар». Одна только прибыль от этого предприятия полностью окупит расходы на строительство телескопа.

– «Глобалстар» уже теряет деньги, – мрачно напомнил господин Гупта. – Если бы сателлитная связь приносила деньги, наша ИКИО[69] уже запускала бы телефонные спутники! Миллионы индийцев никогда в жизни не звонили по телефону.

– Может быть, и запускала бы, – согласился Тони. – Но скорее вы стали бы клиентами господина Ляна. Китай уже наладил финансово значимую службу коммерческих запусков.

– Почему здесь так жарко? – внезапно возмутилась актриса. – Сначала так холодно, а потом так жарко! Где мое кокосовое молоко? Ты принес только кофе?

– Когда вы начнете вашу так называемую атаку на спутник? – поинтересовался переводчик господина Ляна. – Связь с Пекином до сих пор работает превосходно.

– Мы уже атакуем спутник «Иридиума», – ответил Тони. – Прямо сейчас. Луч невидим. Процесс отличается высочайшим КПД. Адаптивный луч должен пробить атмосферу насквозь, не потеряв мощности. Мы даже лазерные импульсы не генерируем на месте. Мы их только усиливаем и сводим. Сейчас мы излучаем в небо интернет-трафик. Сигналы поступают со всей планеты.

– Разве люди не замечают, что ты отправляешь их сообщения в космос? – спросил Санджай.

– Это всё спам.

– Нет.

– Да. Я забрасываю спутник лазерным спамом.

– Нет.

– Через Скалистые горы переброшен магистральный кабель Интернета, – терпеливо объяснил Тони. – У нас есть спам-фильтры. Никто не станет спрашивать, куда девается стертый спам. Мы излучаем его в открытый космос.

– Ты злой человек, – бесхитростно проговорил Санджай. – Ты

мне не нравишься. И никогда не нравился.

– Почему вы продаете это… лазерное оружие нам? – поинтересовался господин Гупта. – Почему не продадите его американцам? Это они одержимы насилием в космосе.

– Потому что Индия и Китай – две новые космические державы, – пылко ответил Тони. – Китай вот-вот запустит на орбиту своих первых космонавтов. Китай – всего лишь третья страна в мире, способная отправить человека в космос. Индия планирует запустить автоматическую станцию на Луну в две тысячи восьмом. Вы, индийцы и китайцы, нуждаетесь в возможности уменьшить сокрушительное космическое превосходство США. Американцам лазерное оружие не нужно. Вовсе не нужно! Если американцы захотят вывести из строя ваши спутники, они запустят на орбиту шаттл и привезут спутник на Землю целиком!

Последовала долгая пауза. Разведчики прислушивались к своим телефонам.

– Нам нет смысла покупать американское орудие на американской земле для использования против американских спутников, настаивал китаец-переводчик. – Ваше предложение нелепо. Мы в некоторой мере заинтересованы в оборудовании и технической информации. В очень небольшой мере.

– *У вас нет выбора!* – заорал Тони. Он попытался взять себя в руки. – Посмотрите на геополитическую ситуацию. Ваши цивилизации – древнейшие в мире. Каждая из ваших стран насчитывает миллиард жителей. Но воздушное пространство их безоговорочно принадлежит американцам. У Америки больше современных истребителей и бомбардировщиков, чем у всех прочих стран, вместе взятых. Американцы безоговорочно правят вашими морями. Америке принадлежат девять боевых групп суперавианосцев и целые армады ядерных подводных лодок. На суше Америка может выставить девять тысяч танков «Абраме», оснащенных самыми точными в мире системами управления огнем. С опытом американской армии никто не может сравниться – с восемьдесят пятого года американская армия была единственной, кто вел настоящие войны. Американцы захватывают вашу планету силой оружия. А теперь, после единственного теракта, совершенного кучкой фанатиков, американцы чувствуют себя вправе раздавить кого угодно, где угодно, когда угодно! И, когда их военные силы подкреплены господством в космосе, американцам это под силу. Американцы могут поразить с абсолютной точностью и силой любой квадратный метр на земном шаре! И если вы не перейдете к космической войне, ваши армии окажутся попросту излишни.

– Никакое орбитальное вооружение не в силах причинить вред американским подводным лодкам, – разумно заметил господин Гупта. – Как и это жалкое орудие не будет слишком полезно против армады американских спутников. Однако я готов согласиться, что это орудие имеет одно важное применение. Оно может быть очень полезно для противодействия китайской космической программе. Мы, индийцы, могли бы арендовать лазер для атаки на китайские спутники орбитальной фотосъемки. Например, сжечь сателлитную систему наблюдения «Цзинхуа», которая является существенной помехой в развитии нашей, индийской ядерной программы. Могу я поинтересоваться у своего почтенного коллеги, доктора Ляна, что он думает о подобной перспективе?

Лян посоветовался с телефоном и переводчиком.

– Мы, китайский народ, сочтем это крайне враждебным и провокационным действием со стороны индийского государства, способным вызвать ядерный кризис между нашими великими державами.

– Вполне согласен с доктором Ляном. Могу я также поинтересоваться, считает ли доктор Лян необходимым клянчить помощь у иностранцев, чтобы саботировать мирную космическую программу индийского государства?

Снова консультации.

– Мы, китайцы, вполне осведомлены о космических амбициях Индии. Мы, китайцы, абсолютно уверены, что национальные космические технологии нашей страны убедительно докажут превосходство Китая над нерешительными потугами Индии в этом отношении. Нам нет необходимости «клянчить». «Клянчить» – это скорее индийское ремесло.

– Могу я для протокола напомнить уважаемому китайскому коллеге, что Индия обладает англоговорящим населением, деятельными демократическими институтами, рыночной экономикой и быстро становится мировым центром производства программного обеспечения? Могу я также напомнить, что в Соединенных Штатах трудится такое множество индийских инженеров, что само это орудие космической войны обслуживается ими? Мы уважаем производственную мощь Китая – но в двадцать первый век Южную Азию приведет только индийский гений!

– Мы вполне осведомлены и о воинственных хиндутвинских склонностях доктора Гупты! Мы рады были бы считать внеземное пространство областью мирного соперничества, в которой индийское правительство не считало бы необходимым повторять зверские бесчинства Кашмира и Гуджарата.

– Моему уважаемому коллеге из Китая не следовало бы полагать, что страдания подвергаемого геноциду тибетского народа ускользнули от нашего внимания…

– Семьсот пятьдесят миллионов долларов! – заорал Тони.

Спорщики умолкли.

– И всё! Хватило семисот пятидесяти миллионов, чтобы изувечить американский спутник, который обошелся в тринадцать миллиардов, – проговорил Тони. – Вы что, не видите, какой финансовый рычаг это дает? Я даже не прошу выплатить мне сумму единовременно!

– За семьсот пятьдесят миллионов долларов ИКИО может отправить космический корабль на Луну, – возмущенно ответил Гупта. – Эта сумма просто нелепа.

– Поступления китайских денег вам не будет, – веско заявил переводчик Ляна.

– Мы, индийцы, способны построить подобную адскую машину собственными сильными и умелыми руками, – провозгласил Гупта. – Мы построили атомную бомбу и успешно испытали ее наперекор всему миру! Пусть никто не подумает, что нам, индийцам, недостает упорства и таланта построить космическое оружие. Но эта мысль нам презренна. Вот истина: мы отвергаем саму эту гнусную идею. – Он поднялся на ноги. – Переговоры окончены.

Ван выглянул из-за стола. Это была правда. Гости разошлись. Попросту открыли дверь и вышли один за другим.

Тони остался в обществе двух женщин: миссис Дефанти и своей актрисочки.

– Не грусти так, Тони, – проговорила госпожа Дефанти. – Это всё торгашеские уловки. Ты инженерный гений, ты совершенно их покорил. Эти люди – всего лишь шпионы, не предприниматели, как вы с Томом. Что они умеют, кроме как играть в психологические игры? Индусы и китайцы никогда не смогут мыслить по-американски. Им не под силу отнестись к миллиарду долларов точно к мелочи на расходы. Ты потряс их, Тони. Ты поразил их и произвел огромное впечатление. Они проконсультируются с руководством, переговорят со старшими по званию. Потом вернутся к тебе.

– Но я не могу ждать, покуда они тянут время, – замогильно прошептал Тони. – Время уже ушло. Я должен продать им лазер. Больше у меня ничего не осталось, Катрина.

– Лимузин отвезет меня домой, – отозвалась она. – Не надо мучить себя, дорогой. Тебе всегда найдется место рядом с Томом.

Она чмокнула его в щеку.

Миссис Дефанти вышла. Тони с надеждой глянул на свою

возлюбленную.

– Ну, милая, эти олухи пропустили самое интересное, когда устроили тут убогую истерику! Пожалуй, ситуация и впрямь сложилась не очень удачно, но, знаешь, я не удивлен их реакцией. Нет, не удивлен. Они меня не ценят, вот и всё. Они не в силах охватить взглядом масштабы моих достижений. Но знаешь, что я сделаю теперь? Самое удивительное, что делал когда-либо мужчина ради любимой женщины! Я напишу твое имя на Луне.

Анджали Девган это не слишком впечатлило.

– И что это значит?

– Ты увидишь это своими глазами, прямо через этот замечательный японский телескоп. Он когда-то принадлежал Тому Дефанти, а я его привез сюда специально для тебя. Я в буквальном смысле напишу твое восхитительное имя лазером на поверхности нашего естественного спутника. А-Н-Д-Ж-А-Л-И. Процесс займет около получаса. Если облачность сгустится, несколько пикселей могут выпасть. Но, милая, это же Луна!

– Ты напишешь мое имя на Луне по-английски?

– Почему нет? – Тони примолк. – Милая, не надо так со мной. У меня нет подходящего фонта для деванагари.

– Я знала, что эта китаянка – твоя любовница. Она при мне поцеловала тебя в лицо! Она назвала тебя «дорогой»!

– Но у меня нет фонтов для деванагари! Я просто не успею их достать.

– У тебя нет души, Энтони Кэрью. Ты развращенный западный интеллектуал. Ты не думаешь ни о чём, кроме собственной власти и своих денег. Я устала быть твоей наложницей, Тони Кэрью. Мне всё равно, сколько ещё игрушек ты мне подаришь. Ты не достоин моей любви. У тебя нет дома. Нет старшей родни, чтобы согреть его. Ты не можешь взять меня в жены, как подобает мужчине брать женщину. У тебя нет матери, чтобы внести за меня положенный выкуп. Ты хочешь только любви без обязательств и секса без детей. У тебя нет будущего!

– Милая, в современном мире подобные незначительные проблемы можно разрешить полюбовно.

– Я возвращаюсь домой, чтобы выйти замуж за Амитабха. Этого от меня хочет Бапуджи.

– Анджали, ты не можешь за него выйти замуж. За Амитабха? Даже для болливудского вундеркинда Амитабх туп, как скаковая лошадь. – Тони отшатнулся, обожженный ее взглядом. – Хорошо же! Иди к своему Амитабху, рожай ему детей! Я готов простить тебе и это!

– Я тебя ненавижу, Тони Кэрью. Ты злой человек. Мне не следовало грешить с тобой. Мои зрители простят мне распутные

роли, когда я подарю им детей. – Анджали глянула на усыпанные драгоценными камнями часики. – И я не собираюсь возвращаться на дурацкое ранчо к этой ужасной китаянке! Никогда! Я улетаю на самолёте Санджая. В Лондоне у меня ангажемент на три танцевальных вечера. Там будут и Бипаша, и Карина. Я желаю общаться с сёстрами-актрисами! Они понимают, как тяжела наша жизнь!

– Ну, *sajaana,* не надо…

– Наш роман окончен, Тони. Я тебя не люблю и не хочу больше тебя видеть.

Она вышла.

Тони застыл. Потом, развернувшись, ринулся к столу. Схватив черный футляр, он расстегнул его, поставил винтовку деревянным прикладом на пол и, содрогаясь всем телом, прижал подбородок к торчащему вверх дулу.

Ван вышел на свет.

– Я разрядил твою винтовку, Тони. Заряд – ноль. Тони уставился на него покрасневшими глазами.

– О господи. Ты? И на кой ты мне теперь сдался?

– Это не я тебе сдался. Это ты сдавайся. – Ван наставил на него бластер.

– И к чему эта титановая игрушка? Я что, арестован?

– Нет, Тони. Ты не арестован. Я тебя взломал и сломал. Ты нелегальный комбатант. Тебя ждет карцер на Кубе, сукин ты сын.

Тони рванулся к выходу. Ван преградил ему дорогу, поймал за рукав и дважды ударил его в лицо. Потом протащил через всю обсерваторию и швырнул головой вперед в рыхлую груду стальных кресел. Одно кресло он поставил. Затем поднял Тони и усадил.

– И что теперь? – спросил тот, утирая разбитую губу. – Избить меня ты можешь. Что это доказывает?

– Я тебя не избиваю, Тони. Я тебя допрашиваю. Другие есть?

– Чего? – ошеломленно спросил Тони.

– Существуют другие лазерные пушки вроде этого телескопа? Где-нибудь на Земле.

– Да зачем мне ещё одна?! – спросил Тони, размахивая руками. – Ты посмотри на неё! Это самое замечательное оружие в мире! Я создал луч смерти, приятель! Я построил настоящий, действующий луч смерти в мире, где существует жевательная резинка, телешоу и кукурузные хлопья! Я могу сбивать спутники!

Он сдавленно всхлипнул.

– Ну хорошо, они не сразу взрываются! Пускай у меня уходит несколько месяцев на то, чтобы уничтожить один! То орбита не позволяет, то погода портится. Но я круче НАСА, приятель! Я

могу шаттл сбить!

– Ты предатель, Тони. Ради денег ты уничтожил спутник-шпион. Ты только что выставил меня как участника своего поганого заговора перед китайскими и индийскими разведчиками.

Тони поднял на него усталый взгляд.

– Ван, кончай тыкать в меня своим бластером, а? Это уже глупо выглядит. Эта штука плавит клей, не забыл? Ты ее даже не включил.

Ван протянул руку, подключил клеевой пистолет к удлинителю и, вовремя обернувшись, заметил, что Тони изготовился к прыжку.

– Даже не думай о том, чтобы меня убить, – предупредил Ван. – Я привел с собой группу спецназа. Мы всё осмотрели и всё записали. Тебе конец, Тони.

Тони глухо хохотнул.

– Красиво получилось. Ты всего лишь программист-консультант с манией величия. Настоящие военные шага не сделают без допуска из ОКС[70] и ОКНШ. К тому времени, когда эти дебилы кончат заполнять бумаги, я уже буду на Таити.

Ван изумленно уставился на него.

– Тони, ты продался.

– Ну и чему ты удивляешься? – неистово взвыл Тони. – Какой иначе был смысл жить в девяностые? Я хотя бы напрашивался родиться под звездно-полосатым флагом? Я мог бы жить в Бомбее. Я хотел жить в Бомбее, этот город бурлит. Я мог бы жить в Шанхае! В Шанхае такие небоскрёбы, что рядом с ними Нью-Йорк покажется трущобами после бомбежки! Что с того, что я продал США, – как насчет того, что США продали меня? После одиннадцатого сентября я не узнаю этой страны. Злобная! Мстительная! Агрессивная! И хуже всего – разорённая. Она начинает войны! Твоя страна превратилась в огромную Сербию. Ею правят умственно отсталые нефтяники. А я – дот-комик. Мне тридцать два года. Я поднялся на вершину мира. А потом за полтора года из гения превратился в банкрота и паразита! Я шел в первых рядах самой великой, самой быстрой, самой прекрасной технической революции в истории человечества. Я участвовал в ней, я был настоящим революционером! И в мгновение ока, Ван, я отошел в прошлое. Я устарел. Я никому не нужен. Эти сукины дети меня *исчезнули.* Словно и не было меня никогда.

– Тони, ты вовлек меня в свое предательство. Я давал присягу. Я правительственный чиновник.

– Что, решил заслониться флагом? Мы в Голливуде? Сейчас вступит оркестр? То, что я упомянул о тебе индусам, всего лишь

торгашеская уловка. Китайцы ничего не подписывали. Это был просто рекламный трюк. – Тони пристально вглядывался в лицо старого знакомого. Кончай, приятель. Топовым венчурным игроком ты не был никогда, но ты определенно из наших кругов. Или ты не понял ещё, как много потерял? Что осталось у тебя в жизни? – Тони вытер кровь с подбородка. – Ты знаешь хотя бы, зачем я таскал твой дурацкий бластер в сраном рюкзаке? Хотел послать его тебе почтой. Откуда-нибудь. В Америку нынешней жуткой урезанной версии я не вернусь никогда. Не имею ни причин, ни желания. У меня будет другая жизнь, в лучших краях. Отпусти меня, Ван.

– Никуда ты не пойдешь.

– Отпусти куда угодно. Я парень изобретательный, фантазия у меня богатая. Я просто придумаю себя заново, в одну ночь, ладно? Мне всё равно, куда ты меня отправишь, потому что мой дом – весь свет. Если захочешь, я хоть в таиландском лепрозории поселиться могу. Принесу неграмотным массам радости широкополосного доступа. Это тебя устроит?

– Как, Тони? Ты покаешься, а потом – что я сделаю взамен? Что тебе потом от меня понадобится?

– Ничего! Правда, ничего! Только отпусти меня.

Ван согласно кивнул.

– Видишь – вон там, в дверях, стоит чёрный великан? Загораживает единственный выход. Стоит между тобой и свободой.

Тони бросил взгляд через плечо и взвизгнул.

– Это мой кибервоин, Тони. Я привел их сюда, чтобы тебя уничтожить.

Тони изумленно уставился на старого приятеля:

– Чёрт, о чём ты толкуешь?

– Аль-Каеде всего пятнадцать лет, Тони. Коммандос из американского спецназа умирали в тайных войнах с тех пор, как Джон Кеннеди в шестьдесят третьем спустил их с поводка. Вот мои партизаны. Вместе мы только что победили тебя и твой заговор. Я хочу кое-что знать, мистер так называемый космический вояка. Твой единственный путь из башни лежит мимо моего солдата. Убьёшь ты его?

– Вопрос с подвохом?

– Да.

– Убью его, извини, чем? Винтовку ты у меня отобрал.

– Можешь воспользоваться бластером, которым я в тебя целюсь, Тони. Потому что я засунул в него патрон от твоей винтовки. А потом включил в сеть.

Тони скептически глянул на бластер.

– Шутишь? Что это за оружие такое? Включил, прибавил жару, рано или поздно капсюль сдетонирует и кто-нибудь убьётся? Идея в этом?

– Такова кибервойна, Тони.

– Слушай, Ван, я не хочу играть в твои дурацкие игры.

– *Теперь* не хочешь, Тони. Потому что в эту игру я играю лучше тебя.

Тони нагнулся, чтобы заглянуть в ствол бластера.

– Ты правда запихал настоящий патрон в эту игрушку?

– Кибервойна тоже настоящая.

Бластер взорвался. Кэрью вышвырнуло из кресла. Охотничий патрон на 250 гран пороха был рассчитан на то, чтобы уложить матерого лося с четырехсот ярдов. В теле Кэрью зияла дыра.

Руку обожгло болью. Ван опустил глаза. В плече его застрял почерневший осколок металла. Черную рубашку усеяли мелкие дырочки. Следы мельчайшей титановой шрапнели. Из самых глубоких ранок начинала сочиться кровь.

Из чернеющего проема выступил Хикок. Он подошел к Вану и, не говоря ни слова, выдернул из его плеча титановый осколок. Ван скрипнул вставными зубами и промолчал.

– Я наложу бинт, – заметил Хикок, открывая рюкзак. – Просто не верится, что ты пристрелил ублюдка. Эти кибервояки внизу ведут себя как паиньки. Даже мухи не обидели.

– Майк, послушай меня. В информационной войне пальба ничего не решает. Главное – это пиар. Мы *исчезнем* этого парня и все его следы. Сломаем его пушку. Всё, что здесь случилось, на самом деле никогда не случалось. Публика ничего не узнает.

– Понял, сэр, – отозвался Хикок.

– Инженеры-иностранцы в серверной? Пять минут назад это были специалисты на рабочих визах. Отныне это подпольная ячейка кибертеррористов. Если придется их пристрелить – хорошо. Если разбегутся и попрячутся – скатертью дорога. Если попадутся Эшкрофту – помоги им боже! Пора вызывать подмогу.

– Ур-ра, сэр. – Хикок с товарищеской чуткостью бинтовал кровоточащую рану на плече программиста. – А кому именно полагается звонить в подобных ситуациях?

– Должно быть, группе быстрого реагирования министерства внутренней безопасности. О, погоди, она ещё не создана. Тогда кто у нас поближе? База ВВС в Колорадо-Спрингс? Звони чёртовым летчикам, Майк. Гони сюда «чёрные вертолеты».

Ван поморщился, когда Хикок затянул бинт.

– Демерол? – со знанием дела предложил спецназовец.

– Ага, – просипел Ван. – Демерол. Отличная штука.

Хикок глянул на расплывающуюся под трупом Тони Кэрью

лужу крови.

– Босс, у нас тут на руках очень дохлый миллионер.

– Я об этом уже подумал. Надо уничтожить все следы случившегося. У меня есть план.

– Я знал, что у вас найдется план, доктор Вандевеер. Ничего, если я кое в чём признаюсь? Я много раз видел, как гибнут люди. Очень много. Ещё в девяносто восьмом бросил считать. «Телевизионная война» – да, бомбардировки – да, попутные жертвы – да. Но за всё это время я никогда не убивал человека собственными руками. Ни единожды. – Хикок глянул Вану в глаза. – Вы жесткий сукин сын, босс. Настоящий профи.

– Злодея отправляем в орудие массового уничтожения, – скомандовал Ван.

– О нет, Ван. Господи!

– Да. Тело сбросим в телескоп. Взламываем операционную систему. Ставим мощность лазеров на сто десять процентов. Ворота в небо закрываем. Дверь запираем снаружи. Террорист исчезает. Напрочь. От него не останется ни слуха, ни пепла. Он испарится. Это герметичная башня из горючей соломы. Когда подскочат давление и температура, эта штуковина разлетится на мелкие кусочки.

Хикок почесал голову под каской.

– Как, говоришь, нам надо это сделать?

– Не нам, Майк. Мне. Ты держись поблизости и записывай всё на видео.

Ван гнал электрокар одной рукой, в темноте, вниз по горному склону. На шее у него висели заряженное на лося охотничье ружье, повязка для раненой руки и открытый лэптоп. Хикок помог ему наценить кислородную маску и смастерил импровизированную сбрую для газового баллона.

От нескольких глотков чистого кислорода у Вана в прямом смысле открылось второе дыхание. Через страх, омерзение, бешенство и усталость он пришел к состоянию триумфального блаженства. Было два часа ночи. Он убил человека. Он был ранен в бою. Он не испытывал ни на гран сомнения или раскаяния. Никогда прежде он не мыслил так ясно.

Он был в восторге.

Истина заключалась в том, что он любил войну. Никогда прежде он не был в бою, но теперь осознал, что поле боя – его дом. Он любил сражение больше, чем женщин, еду или сон. Если кибервойна окажется для него запретна, ему останется только скрипеть зубами. В часы мира он будет тосковать по любимой своей, прошедшей войне. Будет тосковать.

В оперативном центре его ждал Уимберли. Он стоял над потерявшим сознание сисадмином и щелкал мышкой.

Ван отложил винтовку.

– А что случилось с наводчиком лазерной пушки?

– Я ему обрызгал клавиатуру паралитиком. Вес пальцы залил. Доктор Вандевеер, эти баллончики просто волшебные!

– Жаль. Я его допросить собирался.

– Нет необходимости, сэр, – отчитался Уимберли. – Я подсадил ему «Темпесты». Мы записали каждое нажатие клавиши. Все скриншоты. Я как раз копался в системных настройках, чтобы увеличить мощность лазера сверх проектной.

– Мощности генераторов хватит, чтобы перевалить за красную черту?

– Думаю, да, сэр, – ответил Уимберли. Парень за распределительным щитом очень удивился, когда я ворвался туда и его оглушил.

– А каким способом? – поинтересовался Ван.

– Ножкой от стула, сэр, – признался Уимберли. Он опустил взгляд на перебинтованную руку командира и тактично промолчал.

Из-за шеренги высоких голубых шкафов показался ещё один сисадмин. В руках он сжимал охотничье ружьё.

Ван сделал было движение свободной рукой к винтовке, но Уимберли только повернул к вошедшему голову в черной каске.

– Спецназ киберпространства! – гаркнул он, не отрываясь от клавиатуры. – Стоять!

Инженер с грохотом уронил ружьё. До Вана донесся стук распахнутой двери и панический топот башмаков по ступеням.

Уимберли принес Вану брошенную винтовку.

– Патрон не дослан. – Он уверенно осмотрел оружие. – С предохранителя не снято. И прицел сбит, когда этот олух ее уронил. – Он вернулся к монитору. – Насчет стволов не брать – это вы верно придумали, сэр. Оружие – это не наш метод.

– И под какой системой работает ужасный луч смерти? – поинтересовался Ван.

– OpenBSD. И X-Windows.

– Обалдеть. – Ван глотнул ещё кислороду.

– С пультом я справлюсь. Я взял под контроль все вражеские программы. И знаете что, сэр? Я готов взорвать лазерную пушку. Я собираюсь спасти американский спутник. Я. Уильям С. Уимберли. Мне всего двадцать один год, и это самое важное, что я сделаю в своей жизни! – Уимберли глянул на Вана, прищурившись. – Вы не обязаны были давать мне второй шанс, сэр. Я вам лицо разбил.

Ван пожал плечами.

– Я полный неудачник. Всегда был лузером. Когда вы позвонили, чтобы пригласить меня в команду, я пьяными слезами разбавлял пиво. Я тогда подумал просто: может, хоть денег заработаю. Я не дурак, доктор Вандевеер, но я никогда не понимал, кто я такой и какого чёрта творю. А сейчас я наконец делаю что-то очень-очень важное.

Ван кивнул. Раньше ему доводилось слышать о подобных случаях, но видеть – никогда. Он наблюдал, как военная служба исправляет трудного подростка.

– Прошлое ушло и сейчас сгорит, – ответил Ван, махнув Уимберли здоровой рукой. – Ты продолжай.

На экран своего лэптопа Ван вывел сигнал с видеокамеры Хикока.

Стены обсерватории распирало изнутри, корежило, от них тянулся дымок. Странно, подумал Ван, было видеть на экране, как проходит уничтожение оружия. Он только что физически находился в этой башне. Он приказал нажать на все кнопки, чтобы снести её, но результат мог проявиться в любой точке планеты: в Северной Корее, в Иране, в Ираке.

Столбы алого света. Сквозь погнувшиеся двери в небо били струи раскаленного газа и, соприкасаясь с воздухом, вспыхивали блеклым мертвенным пламенем.

Сверкнула ослепительная вспышка, когда разогретые лазерами испарения в башне вспыхнули разом. Взрыв был изящен и неожидан. Брикеты прессованной соломы разлетелись в стороны, точно юный великан дохнул на одуванчик. Крышу обсерватории снесло. Полусферу купола швырнуло на склон, точно брошенную монетку, и она кувырком полетела вниз.

Над почерневшими развалинами кружились клочья горящей соломы. Языки пламени липли к оплавленным пультам. Дива агонизировала – обгоревшая, почернелая, павшая на колени. Кости её плавились. Зеркало Венеры растоптал сапог Марса.

Когда пришел рассвет, чёрные вертолеты уже сделали свое дело. Туземное население столпилось вокруг развалин телескопа. Их сокровище было погублено, работа – потеряна. Некоторые поливали ошметки горящей соломы из огнетушителей, но большинство просто толпились кучками и заламывали руки. Потерять инструмент такого класса было ужасно. Это была культурная катастрофа. Гонсалес предложил Вану бинокль. Тот отказался. Ему не хотелось глядеть на людей, чьи мечты и надежды на глазах становились дымом. Среди них почти

непременно оказалась бы Дотти.

– Держи паек, Ван, – предложил Хикок. – Если потерял много крови, обязательно надо поесть. В бою об этом первым делом узнаешь.

– Армейская жвачка? – Уимберли подозрительно принюхался.

– Нет, приятель. Это последняя новинка. Гражданский паек быстрого приготовления. Сделано в Бразилии! Такая штука из свинины с ананасами и чёрные бобы, острые, как чёрт… и они сами разогреваются.

Ван пристроил пакет на коленях. Вилку он держал левой рукой. Оказалось очень вкусно. Умеют же в Бразилии готовить. Почему Бразилия никогда ни с кем не воюет? удивился он про себя. Огромная страна посреди огромной Южной Америки. Как так выходит, что у Бразилии нет врагов? Нелепость.

Бразильцы почти ничего не изобрели. Это всё объясняет.

Ван вдохнул ещё кислороду. Баллон почти опустел.

– А вот и вражеский самолёт, – заметил Гонсалес.

– Ладно же, – промолвил Хикок, поднимаясь на ноги. – А вот теперь будет самое интересное.

За штурвалом свежекупленного самолёта сидел индийский киноактер. Он только что оторвался от взлетной полосы частного аэродрома Дефанти. Вану казалось странноватым, что индийские и китайские шпионы полетят через Тихий океан вместе, одним рейсом, все из себя профессионально вежливые. Но и те и другие принадлежали к практичным народам, подумал про себя программист, да и вообще это была не их затея.

На миг Вану показалось, что «боинг» находится вне досягаемости управляющего сигнала. Но когда дело доходило до дистанционного управления воздушными целями в горной местности, Майкл Хикок знал свое дело.

Самолёт завалился на левое крыло и промчался над киберспецназовцами так низко, что вздрогнула гора. Птицы с шумом сорвались с ветвей.

Уимберли, чтобы поесть, снял каску. Теперь ему пришлось заткнуть уши.

Хикок приласкал джойстик. Пленный самолёт чихнул черным дымом и круто набрал высоту.

– Вы только гляньте! – ликовал спецназовец. – Она наша! Ребята, это здорово!

– Да уж, – отозвался Уимберли тихо и пришибленно. – Вы только включили эту коробочку и поймали самолёт на лету.

Ван с Хикоком опасливо переглянулись. Ни Уимберли, ни Гонсалес не попали на саммит в Виргинии. А общественности никто не сообщал о проекте кибервояк перехватывать управление

гражданскими самолётами.

– Именно так, – с ухмылкой согласился Хикок. – А теперь смотри она у меня закладывает пологий вираж над эпицентром взрыва. Салон набит индийскими и китайскими шпионами. Можешь себе представить наглость этих комиков? Им же полагается друг друга ненавидеть! Все знают, что они друг друга ненавидят! А они проникли в нашу же страну и заклевали мой любимый спутник! Ну, я их сейчас за глотку возьму!

Уимберли уставился на Вана:

– Вы правда можете перехватывать управление самолётами в воздухе?

Ван кивнул.

– Да кто вы такой, чёрт? – взмолился Уимберли. Его трясло. – Откуда вы взялись? На каком я свете?

– Покуда он на нашей стороне какая тебе разница? – заметил Хикок. Пришла пора навести порядок с нашими зелеными человечками. Эй, Фред? Ты видел этого парня из индийского спецназа – ну, того качка-актера?

– Видел, – проворчал Гонсалес. – Вот же любят индусы красавчиков. Ненавижу смазливых шпионов.

– Вот этот актер у них пилотом. Вот, смотри. – Хикок шлепнул по джойстику. Самолёт опасно накренился. – Настоящий лихач, а? Любит но краю ходить!

– Нечего миндальничать, – ответил Гонсалес. – Спецназ – это невидимые профи. Загнать на самую середину Тихого океана. Кончится топливо, и они отправятся прямиком на дно. Быстро и тихо.

– До середины Тихого океана радиосигнал не достанет, – возразил Хикок. – И это слишком долго. Я планировал крутое пике прямо на вершину во-он той горы.

– Мы их отпустим, – проговорил Ван.

– Что? – возмутился Хикок. – Тогда зачем мы их только что ловили?

– Мы их отпустим, потому что только аль-каедовские лузеры-дикари пускают самолёты на таран. Поймали мы их для того, чтобы показать – нам это под силу. Мы уничтожили лазерную пушку. Они это видят. Они у нас в кармане. Они это знают. Они понятия не имеют, кто мы такие. Знают только, что мы американцы и что они у нас в кармане. Если мы сейчас их убьём, это будет сигналом. И сигнал этот будет означать, что их сопротивление опасно, поэтому мы хотим их уничтожить. Если мы отправим их отчитываться начальству, они сами станут нашим сигналом.

– Что это за сигнал такой, к чертям? – поинтересовался

Хикок. – А поубивать их всех мы не можем? Было бы неплохо.

– Сигнал вот какой: наше технологическое превосходство не допускает традиционного военного противостояния. Международное соперничество в обычных вооружениях устарело. Мы действуем на новой геополитической арене. Пришло время и борьбу нашу вести новыми, лучшими способами.

– Что это за вздорная доктрина? – поинтересовался Хикок.

– Это кибервойна! – заявил Уимберли.

– Информационная война, – поправил Гонсалес. – Типа политтехнологий или что-то вроде того. Я прав?

– По другую сторону фронта тоже люди живут, – сказал Ван. – Мы должны убедить их в самом главном. Они должны поверить, что сейчас доступно только два сорта войн: или кибервойна, или кровавый террор самоубийц. Сейчас мы объясняем им разницу. Пусть улетают домой, Майк.

– Ладно, – сдался Хикок. – Я верю, что ты это знаешь. Но я хочу знать – *откуда* ты это всё знаешь?

– А я летал однажды на этом самолёте, – ответил Ван. – Вот оттуда.

Пентагон-сити, сентябрь 2002 года

Ван проснулся. Это был его день рождения. Он уставился в потемневший от сигаретного дыма потолок. Похоже было, что ему предстоит худший в жизни день рождения.

Правительство наконец возместило ему деньги, потраченные на строительство «Гренделя». На них они с Дотти и жили в последнее время. За это маленькое чудо Ван был благодарен судьбе, потому что БКПКИ больше не существовало. Выполнив свою работу быстро, тихо и в срок, бюро выпало даже из памяти чиновников. Очередной авторитетный орган, вооруживший власти своей мудростью. Труды Вана словно пропали втуне.

Ван не ожидал от столичного истеблишмента столь странной реакции. Он провел незаконную спецоперацию, застрелил человека, взорвал научный прибор стоимостью в сотни миллионов долларов, захватил в плен высокопоставленных агентов вражеских разведок и отпустил их. Ван воображал, что его или арестуют и отдадут под суд, или тишком вручат ему медаль. Ему в голову не могло прийти, что он до такой степени ошеломит вашингтонских чиновников, что те вообще никак не отреагируют.

Разрушенная обсерватория пострадала, по официальной версии, от случайного пожара. Тони Кэрью считался пропавшим без вести. Лучше того – пропавшим без вести в Индии. Новостями

об этом переполнены были болливудские журналы. Если верить жёлтой прессе, Тони исчез во время охоты в Гималаях. Судьба разорившегося во времена «пузыря» предпринимателя никого не интересовала. Он был игрушкой звезды, и когда та его бросила, не осталось ничего, кроме космической пустоты.

Дерек Вандевеер тоже остался неличностью. Джебу предложили новую работу – руководителя службы безопасности eBay. Фанни получила неплохое место в федеральной администрации. Майкл Хикок принципиально ни перед кем в своих делах не отчитывался.

Ван остался один. Телефон его не разрывался от звонков работодателей. По электронной почте не приходило ни просьб, ни льстивых приглашений. Ван, собственно, и не искал работы в области информационной безопасности. Он вообще ничего конкретного не искал. Он вел изыскания.

Он завел маленький блог. Никто ещё не понимал толком, что такое блоги. А Ван уже себе завел такой. Незаметный, постоянно пополняющийся блог. С его помощью Ван впитывал и распространял идеи. Он писал о настоящих проблемах. А настоящие проблемы это те, для которых политикам недостает шаблонных решений. Блоги Вана очень заинтересовали. Денег этот сервис покуда не приносил, а политтехнологи только начинали интересоваться им. Блоги конкурировали за внимание читателей. Это в них было самое интересное. Битва за интерес. Война идей.

В своей внутренней ссылке Ван много читал. Областью изучения его было военное дело. Он читал Клаузевица. Клаузевиц был болван. Он читал Лиддел-Гарта. Лиддел-Гарт был слишком занят своей особой. Он читал Миямото Мусаси. Мусаси оказался дзенским мистиком на манер нью-эйджевских. Он читал Сунь-Цзы. Вот у Сунь-Цзы можно было много интересного найти.

Официальный Вашингтон Вана избегал. Это Ван мог понять. В бюрократических кругах ему рады будут не больше, чем взломщикам «Уотергейта» и заговорщикам в деле «Иран-контрас». Пока шум не стих, вашингтонцы таких людей сторонились. Потом колесо проворачивалось дальше. Злоумышленники становились героями ток-шоу.

На карманные расходы Ван зарабатывал, обкатывая базовую версию «Линукс-Бастилия». И начал попивать. Трудно солдату сохранять трезвость, когда его держат в тылу. Ван открыл в себе пристрастие к светлому «Фостерсу» в больших банках. Когда-то он был блистателен, остроумен, находчив. Теперь стал мрачен, озлоблен, изобретателен.

С разрушением телескопа карьера Дотти резко

застопорилась. Она покинула Колорадо и вместе с Тедом вернулась к Вану. С деньгами у обоих было плохо. Пришлось снимать половину крошечного домика без мебели в Пентагон-сити. У обоих не было постоянной работы, не было никаких перспектив, зато имелись огромные долги и масса унизительных проблем личного плана. Кабинетов у них тоже не было – работать приходилось друг у друга под ногами, в мрачном закутке, именовавшемся гостиной. Там же стоял и манежик Теда.

Если в программировании наступили тяжелые времена, то в астрономии – кошмарные. Сотрудникам Дотти урезали бюджеты с мясом и кровью. В запятнанном её резюме значилась работа в отделе по связям с общественностью в обсерватории, ухитрившейся спалить собственный телескоп. Не но своей вине и против своей воли доктор Дотти Вандевеер оказалась на пути скорбей.

В последние недели она выглядела особенно бледной и усталой. На лице прорезались морщинки, в русых локонах путались седые волоски.

Ван поднялся с постели. Принял душ, стараясь не замечать отпотевшей штукатурки. Натянул футболку и трусы, забрёл в темную от сажи кухню.

Четыре новых стула в кухне были перевязаны красными ленточками.

– С днем рождения, милый! – сказала Дотти.

– Вау! – выпалил Ван. – Магниевые кресла!

– Тебе нравится?

– Они же самые лучшие!

– Я купила для тебя подержанные! – похвасталась Дотти. – Но едва-едва! И так дешево вышло!

Ван опустился в кресло. Сиденье обожгло холодным металлом через трусы, но магниевые кресла всегда были намного удобнее, чем казалось на вид.

– Целых четыре штуки, ого! – проговорил он вслух и отхлебнул растворимого кофе. – Здорово! Ты у меня такая славная!

Он захрустел подгорелым тостом. Дотти пристроилась на соседнем кресле.

– Дерек… – смущенно пробормотала она.

Ван поглядел на жену и мгновенно, нутряным чутьем, осознал, что Дотти вот-вот скажет ему что-то ужасное. Таким же нежнейшим, самым ласковым тоном она всегда активно подталкивала мужа к чему-нибудь ощерённому ржавыми клыками, точно медвежий капкан. Лицо у нее было зеленовато-измученное: она совсем перестала завтракать, разве что выпьет

глоток кофе и втиснет в себя кусочек волглого пончика.

Он брал в жены гордую, застенчивую, одинокую, уязвимую, необычайно одарённую девушку. А теперь на его попечении и по его вине она превратилась в… в кого? В жену солдата, подумал Ван. В женщину, которая обходится «без». Он был одним солдатом невидимого фронта. Одним из суровых, твердых, измученных парней с горькими морщинами вокруг губ. Что ещё посулит им будущее?

– Дерек, случилось кое-что очень важное… Ван повис на краю сиденья.

– Что?

– Я теперь всё время буду рядом с тобой. Тебе постоянно придется меня рядом видеть. – Дотти потерла лоб. – Это мой подарок ко дню рождения, но тебе правда придется терпеть меня постоянно…

О чём, во имя всего святого, она бормочет? Почему не перейдет к делу?

– Дерек, я беременна.

Ван переваривал ее слова. Первым, что пришло ему в голову, было: «А где Тед?» Теду надо было узнать об этом. Для малыша это будет чудовищно важно.

– Я знаю, сейчас не время заводить ребенка… Но, знаешь, единственное место, где мне предложили работу, – Дания… Господи, Дерек, я неосторожная дура… просто не верится, что это случилось. Это всё испортит. После всего, что было, нам и так плохо, а теперь ещё я беременна.

Дотти расплакалась.

Ван ощутил, как на сердце у него творится нечто неописуемое. Лопалась мертвая черная корка. Он даже названия не мог подобрать для этого чувства, покуда оно не начало покидать его, увлекаемое колоссальным давлением изнутри. Но теперь он знал, что это было за чувство. Скорбь, Это была скорбь.

А теперь черная тоска отступала. Уносилась прочь, вон из сердца, на скорости в половину световой. Внутри него некая крошечная, плотно осажденная тьмою искра теперь раздувалась подобно растущему красному гиганту.

Его сердце было огромно. Оно полыхало и сияло. Он обрел тяготение.

– Милая, это замечательная новость. Ты нас просто спасаешь.

Дотти подняла голову. Раздрай у нее на душе был очевиден.

– Меня так мутит с этой утренней болезнью. Делаюсь совсем беспомощная…

– Это лучший подарок на день рождения, какой у меня только был.

Она недоверчиво сморгнула.

– Ты так думаешь?

– Я не думаю. Я знаю. Когда в семье четыре человека – это уже маленькая команда. Возьмем себя в руки и отныне перестаем жаловаться. Избавимся от лени. Со всем, что нужно, – справимся.

– Дерек, нашим карьерам конец.

– Ничего подобного. Твоя только начинается. Ты согласишься на место в Дании, которое тебе предложили. Я пригляжу за малышами.

Дотти выпучила глаза:

– Мы переезжаем в Данию?

– Да. Продаем всё и перебираемся в Европу. Сейчас же.

Щеки Дотти заалели нервозным румянцем.

– Что, даже кресла? Я только что купила мебель.

– Милая, Европа славится мебелью. Это, между прочим, европейские кресла.

– Дерек, а как же твоя карьера?

– Я знаю, что делаю. Милая, разумным людям бессмысленно не заводить детей. С какой стати я буду голосовать против своего будущего? Нам нужна всего лишь верная стратегия. И я ее выбрал. Ты будешь ходить на работу. Я посижу дома с детьми.

– Правда?

– Да.

– И ты пойдёшь на такую жертву?

– Какую жертву? Я хочу иметь двоих детей. Мне это будет полезно. Расширит горизонты. Я что, гвоздями к Вашингтону прибит? На клавишу «ВВОД» я могу нажимать где угодно.

День рождения был у Вана, а в утешении нуждалась Дотти. Он осыпал ее ласками. Это помогло. Когда они валялись в кровати вместе, Дотти ещё плакала, но от счастья. Ван молча смотрел в потолок.

Это был верный шаг – убраться из Вашингтона. Непрямой подход, совсем по Лиддел-Гарту, совсем по Сунь-Цзы. Когда власть избегает тебя, шаг в сторону подманивает ее обратно.

Дотти не стоило об этом знать, но в нынешней администрации было слишком много таких, как он, неприкаянных. Теперь, когда Ван на поразительных контрпримерах узнал кое-что о здравом и компетентном управлении, он ясно понимал, что «война с террором» была лишь новым воплощением е-бума. Столь же бурным, столь же неистовым и столь же недолговечным. Только пребывающее в отчаянии и подвинутое умом правительство могло пригласить доктора Дерека Вандевеера в солдаты.

И всё же именно солдатом он и стал. Что ещё удивительней –

он начал понимать войну. Шрамы его доказывали это. Он стал одним из тех, кому под силу менять судьбу мира систематическим применением насилия.

Он стал профессионалом. Но его профессия всегда будет колебаться на грани бытия. Ремесло киберсолдата заключается по большей части в ожидании. Непрямой подход, как любил выражаться Лиддел-Гарт. Утечка информации. Путч под ковром. Терпеливое преследование. Сравнение баз данных. Кибернетическое сатори. Мгновенный сокрушительный удар. И незримый отход. И вновь ожидание.

«Война с терроризмом» была всего лишь фазой перевозбуждения и, как мыльный пузырь е-бума, вскоре должна была лопнуть, раздутая собственной рекламой. И когда это случится, полезнее будет стоять в стороне от рычагов власти. Быть, допустим, неприметным домохозяином в далекой Европе. Растить двоих ребятишек.

Два дня спустя, покуда Ван наблюдал, как идет аукцион с его пожитками на eBay, зазвонил телефон.

– Вандевеер слушает.

Голос в трубке звучал отстраненно и гулко.

– Ван? Тебе привет из прошлого. Это Джимми Мэтсон! Помнишь меня? Мы раньше работали вместе:

Ван задумался. Голос показался ему знакомым, прежде чем память дала подсказку. Конечно. Джимми Мэтсон из «Мондиаля». Его заместитель в лаборатории. Почему Джимми из «Мондиаля» не сказал попросту: «Это я, Джимми из "Мондиаля"»? Конечно, понял Ван. У Джимми были причины умалчивать об этом. Никто из работников компании больше не упоминал ее имени.

– Конечно помню, Джимми. Как дела?

– Я только что в твоем блоге читал, что ты собираешься перебраться в Данию! Ну так я уже здесь, в Швейцарии!

– Как так?

– У меня здесь работа, что-то вроде комитета по связям… ВОИС, и Всемирный союз связи… плюс несколько человек из ВТО… ну, в двух словах этого не объяснишь, Ван, но со стратегией тут полная труба.

– А ты попробуй.

Джимми вздохнул в трубку.

– Ван, я так жалею, что меня не приняли на то замечательное место, которое ты мне прочил в БКПКИ. Но федералы меня не взяли – должно быть, неблагонадежен… В общем, на глобальном уровне тут просто катастрофа… Ты не поверишь, что творится в Женеве за кулисами… Французы и немцы просто злобой исходят на американскую гегемонию, обложили нас по всем

дипломатическим каналам… Все делегаты друг друга ненавидят, Ван. Ненавидят друг друга, говорят на разных языках, и все они продажны. Плюс к тому ни один из них понятия не имеет, в чём технически заключается задача комиссии. Это самое скверное. Занять пост технического директора у них некому.

– Понятно.

– Я почему-то сразу о тебе подумал. Я хочу сказать, это место в межправительственном органе – оно, конечно, не для специалиста твоего калибра, но страховка по здоровью есть и служебная квартира неплоха… Здание центрального комитета выходит прямо на озеро. Очень красиво. Этого у них не отнимешь.

– Ищут, с кем пободаться, – заключил Ван.

– В общем, да. Официально на эту должность требуется администратор с техническим образованием, опытом работы в частных международных телекоммуникационных предприятиях, который занимал высокие посты в правительстве ведущей державы. Загвоздка только одна. Нет кандидатов. А если бы и были… В общем, ни один человек на свете, который удовлетворяет всем требованиям, не станет связываться с комитетом. Тут уже позиционная война идет.

– Я удовлетворяю. И я привычный.

– Должен тебя предупредить, Дерек, предприятие это совершенно безнадёжное!

– Надежда – это не чувство, Джимми. Надежда – это не вера в благой исход дела, а убеждённость в том, что наши дела имеют цель и смысл, каким бы ни был исход.

Джимми долго молчал, а потом изменившимся голосом поинтересовался:

– Ван, и давно ты читаешь Вацлава Гавела?

– О, – отозвался Ван, – президент Гавел уже давно стал моим любимым автором.

– Ты можешь вылететь сюда как можно быстрее? Я хочу сказать, прямо *сейчас*.

– Мне придется постоянно мотаться в Данию.

– В Европе превосходные железные дороги, – заметил Джимми.

– Ладно. Ты обо всём договорись. Со мной будет маленький ребенок, так что закажи для меня два билета.

– Хорошо. Ближайший рейс – подойдёт?

notes

Notes

1

Неофициальное общее название служб орбитального шпионажа США. *(Здесь и далее прим. перев.)*

2

Проекты и программы поиска небесных объектов, орбиты которых пересекают орбиту Земли. Требуют автоматизированной обработки большою количества снимков звездного неба.

3

«стандартное техническое кольцо» – массивное кольцо выпускника Массачусетского технологического института. Кольца разных годов несколько отличаются, однако на них непременно выбит год выпуска, изображена печать МТИ и – в центре бобёр – «инженер среди зверей»

4

darpa.mil – доменное имя, присвоенное DARPA (Управлению перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ)

5

Первоначально – эвфемизм министерства обороны США, обозначающий «передачу и/или отказ в предоставлении определённой информации иностранной аудитории с целью повлиять на её эмоции, мотивы и способность к рациональному мышлению».

6

Ежегодный фестиваль искусств «радикального самовыражения» в штате Невада.

7

Институт инженеров по электротехнике и радиоэлектронике, крупнейшая в мире организация по стандартизации, отвечающая также за сетевые стандарты.

8

Федеральное авиационное агентство США.

9

Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям.

10

Японский хлопчатобумажный матрас.

11

Ученый центр Корпуса морской пехоты США.

12

Магистральная окружная дорога в Вашингтоне, округ Колумбия; американская МКАД.

13

Дот-комы расхожее название компаний, занятых электронным бизнесом.

14

Число Маха отношение скорости движущегося тела к скорости звука в среде, в которой оно движется. «Три Маха» – втрое быстрее звука (в воздухе) или чуть меньше 1 километра в секунду.

15

Ведущая компания на японском рынке мобильных телекоммуникаций.

16

Элберт Хаббарл (1856– 1915), американский философ и писатель, автор множества афоризмов.

17

Стипендию Родса для учебы в Оксфордском университете в США ежегодно получают 32 лучших студента, отбираемых но национальному конкурсу.

18

Чарльз Диккенс, «Николас Никльби»

19

Видный политик начала XIX века, вице-президент при Эндрю Джексоне; защищал рабство и права штатов.

20

Имеется в виду отборочный тест Scholastic Assessment Test, который проходят все желающие поступить в американский колледж или университет.

21

Экер, Кэти (1947-1997) американская писательница, видная феминистка.

22

Больной, страдающий навязчивыми состояниями.

23

Генеральный прокурор США (2001-2005).

24

Служба внутренних доходов (налоговый департамент).

25

Объединенный комитет начальников штабов.

Национальный научный фонд США.

27

Серия спутников-шпионов на квазистационарных орбитах, предназначенная, в частности, для перехвата телеметрии из радиосетей, по которым советские стратегические бомбардировщики поддерживали связь с землей.

28

Настоящие имена Кристофер Бойс и Эндрю Далтон Ли двое американцев, осужденных в 1977 году за шпионаж в пользу Советского Союза; переданная информация касалась технических данных спутников-шпионов и секретных шифров правительственной связи.

29

Поллард, Джонатан – офицер разведки ВМФ США, осужденный в 1986 году на пожизненное заключение за передачу секретной информации (в частности, данных по американским системам глобального радионаблюдения) Израилю.

30

Фильм 1984 года, режиссер Алекс Кокс, в главной роли Эмилио Эстевес.

31

Милая *(хинди)*.

32

Хорошая *(хинди)*.

33

Я на тебя молюсь *(хинди)*.

Дружочек *(хинди)*.

35

Красота твоя столь несравненна, что даже луна сходит но тебе с ума *(хинди)*.

36

Бесстрашная *(хинди)*.

37

Вот это *(хинди)*.

38

Брат *(хинди)*.

39

Наземная электрооптическая система наблюдения за орбитальными объектами.

40

Широкоугольная фотокамера оптической системы Шмидта, используемая для фотосъемки орбитальных спутников Земли.

41

Штаб орбитальной группировки.

42

Четверти галлона, то есть чуть менее литра.

43

Популярная с середины 1990-х кантри-группа.

Ассоциация университетов по астрономическим исследованиям.

45

Институт внеземной физики имени Макса Планка.

46

Персонаж популярных видеоигр, водопроводчик.

Многоцелевой архив космических телескопов и Архив исследовательского центра астрофизики высоких энергий.

48

Имеется в виду гладкоствольное штурмовое ружье Protecta производства ЮАР.

49

Браун, Молли (1867-1932) – жена богатого горнопромышленника из штата Колорадо, известна своей филантропической деятельностью; пережила крушение «Титаника», когда на протяжении семи с половиной часов сидела на веслах в спасательной шлюпке. Хефнер, Хью (род. 1926) – основатель и бессменный главный редактор журнала «Плейбой».

50

Личный друг президента Джорджа Буша и кандидат в министры финансов США Кеннет Лэй был генеральным директором и председателем правления корпорации «Энрон». После банкротства компании был привлечен к уголовной ответственности но обвинению в мошенничестве, подделке документов, нарушении судебной присяги и так далее – всего но 11 пунктам. Однако приговор по его делу так и не был вынесен, поскольку в июле 2006 года Кеннет Лэй скончался, не дожив до начала судебного заседания трех месяцев.

51

Аудиторская фирма, вовлеченная в скандал с «Энроном».

52

Телекоммуникационная корпорация, пережившая банкротство после интернет-бума.

53

Семейство компьютерных вирусов.

54

Международный аэропорт имени Даллеса в Вашингтоне.

55

Агентство по оборонным информационным системам МО США.

56

Крупнейший универмаг в мире, находится в Нью-Йорке на 34-й улице.

57

Американский актер, певец и политик, муж актрисы Шер.

58

Поместья Джорджа Вашингтона и Томаса Джеферсона соответственно.

59

Первый практически применимый алгоритм решения проблем линейного программирования в полиноминальном времени (1984). Назван по имени индийского математика Нарендры Кармакара.

Организация противобаллистической обороны; находится в ведении замминистра обороны по снабжению, переоснащению и техническому обеспечению.

Эксплуатационной эффективности.

62

Группа пилотов-асов флотской авиации, совершающих демонстрационные полеты.

63

Неофициальная банковская система, действующая исключительно на доверии; распространена в странах Востока и Южной Азии.

«Предейтер» («Хищник») – система разведки и целеуказания, состоящая в развернутом виде из четырех дистанционно управляемых самолетов-разведчиков, наземного центра управления и канала спутниковой связи.

Генеральный директор компании «Oracle»

Фирма (ныне «BBN Technologies»), занимающаяся техническими разработками в области акустики и вычислительной техники. Усилиями «Болт, Беранек и Ньюман» была разработана пакетная передача данных, создана и поддерживалась первая сеть АРПАНЕТ.

67

Имеются ввиду автомат «Хеклер-Кох» MP5 (калибра 9мм) и штурмовое помповое ружье «Моссберг-590»

68

Традиционные индийские меры денег: лакх – сто тысяч, крор – десять миллионов рупий.

69

Индийская космическая исследовательская организация.

70

Объединенное командование спецназа США.